М. В. ВИТОВ

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ЗАОНЕЖЬЯ XVI–XVII ВЕКОВ

М. В. ВИТОВ

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ЗАОНЕЖЬЯ XVI-XVII вв.

Из истории сельских поселений

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1962

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Ответственный редактор
А. Н. Насонов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа имеет своей целью исследование сельских поселений XVI—XVII вв. с историко-географической, а также с этнографической точек зрения.

Историческая география как вспомогательная историческая дисциплина не претендует на разрешение узловых вопросов истории, однако дает существенный материал для этого, стремясь отобразить географическую (территориальную) сторону исторического процесса.

В этой работе рассматривается преимущественно география сельских поселений—одна из основных тем исторической географии[1]. Поэтому, имея в виду историко-географические (а тем самым вспомогательно-исторические) задачи всей работы, я не выделяю специально такие основные разделы исследования для сочинений чисто исторического профиля, как хозяйственная жизнь населения, его классовый состав и т. п. Некоторые разделы книги: история заселения, землевладение — носят подсобный характер.

С другой стороны, история поселений является также объектом этнографического изучения, так как поселение — один из существенных элементов материальной культуры и тесно связано с общественной организацией, в частности — что касается средневековых поселений — с историей общины. Таким образом, сельские поселения рассматриваются здесь как эле-

[1] См. В. К. Яцунский. Историческая география как научная дисциплина. «Вопросы географии», 1950, сб. 20.

мент материальной культуры в их развитии и в связи с организацией общества.

В хронологическом плане работа ограничена XVI—XVII вв.; в пространственном отношении — территорией «Заонежья»; так, обыкновенно, назывались в XVII в. местности, расположенные вокруг Онежского озера, по его притокам. Первое ограничение определяется временем, к которому относится главный источник этого исследования (писцовые и переписные книги), второе — значительным количеством их для данной местности. Русский Север, или Поморье, в широком смысле этого термина вообще дает благоприятный материал для изучения истории сельских поселений; вследствие медленных темпов социально-экономического развития этой области материальная культура и общественные отношения северной России XVI—XVII вв. отличались многими архаическими особенностями.

Поэтому изучение поселений на Севере позволяет с большим правом, чем изучение материала других областей европейской части страны, делать гипотезы о генезисе русских поселений и хотя бы частично заполнить совершенно неисследованный период в истории поселений — период между эпохой, к которой относятся весьма немногочисленные археологические находки сельских поселений, и временем самых ранних, собственно этнографических данных. Период этот охватывает середину второго тысячелетия нашей эры.

Благодаря многим архаическим элементам культуры русский Север привлекал к себе внимание исследователей различных специальностей. Ведь именно на Севере был записан героический эпос — былины, многочисленные сказки; обнаружены исключительные образцы народной архитектуры — церковной и гражданской; открыта своеобразная форма землевладения и архаическая форма семейной организации.

Что же касается сельских поселений, то в этой области нет ни одного специального исследования. Мы располагаем сейчас только несколькими описаниями отдельных локальных групп северных поселений большей частью без попыток их классификации.

Поэтому задачей, стоящей перед автором этой работы, будет лишь начало исследования истории северновеликорусских (а также частично карельских и вепсских) поселений XVI—XVII вв., т. е. самого древнего периода, доступного нам для массового изучения поселении по данным писцовых и переписных книг.

Некоторые разделы настоящей работы (впрочем, очень небольшие) были напечатаны в виде отдельных статей (введение, часть главы I и часть главы VII); они были опубликованы в 1953 и 1955 гг. в журнале «Советская этнография» и в 1956 г. в сборнике «Проблемы источниковедения».

Выражаю свою благодарность А. Н. Насонову и Н. Н. Чебоксарову за их советы и замечания в процессе моей работы над рукописью.

ВВЕДЕНИЕ

Поселение является одним из важных предметов историко-географического и историко-этнографического изучения. Однако методика изучения поселений до настоящего времени еще не разработана.

Прежде чем перейти к изложению общих принципов настоящей работы, нужно будет хотя бы в общей форме охарактеризовать те основные положения, из которых исходили исследователи в обобщающих теоретических работах по поселениям.

Западноевропейскую историографию можно грубо подразделить на два этапа. Для первого этапа характерной фигурой является Мейтцен [1], подытоживший разрозненные эмпирические сочинения своих предшественников; для второго — Заборский [2] и Цвиич [3], представители антропогеографической школы.

Проблема происхождения поселений привлекла внимание исследователей уже в XVIII в.; тогда же возникли первые попытки увязать существующие формы поселений с различными этническими группами.

Юстус Мёзер [4], живший во второй половине XVIII в., высказал предположение, что одиночные дворы, которые распространены на его родине, в Вестфалии, являются исконной германской формой поселения. Взгляды Мёзера и близких ему ис-

[1] См. A. Meitzen. Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten. Römer, Finnen und Slawen, Berlin, 1895.

[2] См. B. Zaborski. O ksztaltach wsi w Polsce i ich rozmieszczeniu. Warszawa, 1928.

[3] См. J. Цвијић. Балканско полуострво и јужнословенске земље. Београд, 1922.

[4] См. Justus Möser. Die Osnabrückische Geschichte. Sämmtliche Werke, Bd. VI—VIII. Berlin, 1893; его же: Patriotische Phantasien, S. Werke, Bd I—V. Berlin, 1842—1843.

следователей вызвали резкую критику со стороны К. Маркса: «Идиотский вестфальский юнкерский взгляд (Мёзер и т. д.), что немцы поселялись каждый в отдельности и лишь впоследствии образовывали села, волости, опровергается совершенно»[5].

Датчанин Олуфсен, собрав этнографические материалы по поселениям, как предполагают, в юго-восточной части Шлезвиг-Голштинии (Вагрии), высказался за большие замкнутые деревни как за первобытную форму поселения. Вопросом о поселениях занимались Гансен, Гакстгаузен, Вайтц, Лампрехт, Якоби, Ландау и другие[6].

Реакционный немецкий историк и географ А. Мейтцен подвел итог исследованиям своих предшественников в трехтомной работе, основанной на изучении огромного картографического материала. Исследование Мейтцена содержит много фактических данных, но теоретическая часть работы несостоятельна. Автор исходит из того, что поселения почти не изменяются во времени и сохраняют свои первобытные особенности. Мейтцен пишет: «На самом деле, до известной степени, в каждой деревне мы бродим среди развалин древних времен; и притом таких развалин, которые по возрасту далеко оставляют за собой романтические обломки средневековых замков и городских стен. На каждом шагу и в усадьбе, и в поле мы можем встретить следы древнейшего устройства, а топографические карты владений являются своеобразным письмом, как в иероглифах, передающим нам идеи и цели основателей»[7].

Мейтцен ставит вопрос о том, отражает ли современное положение вещей древний, исконный характер поселений, и отвечает на него положительно[8]. Все изменения в поселениях, которые происходили после окончания переселения народов, были, по Мейтцену, незначительны.

В другой работе тот же автор пишет: «...большую часть сохранившихся до настоящего времени поселений с существующим в них распределением земли во всех их существенных чертах можно и должно отнести к периоду первоначального заселения в начале средних веков, если только нельзя доказать более позднего их происхождения. Главные черты в расположении поселений и земельных участков служат древ-

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 28.

[6] Краткое изложение взглядов перечисленных авторов можно найти в указанных работах Мейтцена и Заборского.

[7] A. Meitzen. Op. cit., I, S. 28.

[8] См. A. Meitzen. Op. cit., I, S. 15, usw.

нейшими фактическими памятниками, дающими нам сведения о существовавших некогда жизненных потребностях, народных воззрениях, экономических и политических идеях. Наряду с языком они являются наиболее убедительными свидетельствами древнейшей народной жизни и древнейшего народного духа»[9].

Это положение не выдерживает критики. За время, прошедшее с начала средних веков до написания Мейтценом его работы, сменились две социально-экономические формации. Несомненно, изменения, которые произошли за это время в способе производства, отразились на зависящих от него общественных явлениях, в частности, на характере землевладения и типах поселения. Это будет проиллюстрировано в дальнейшем на конкретных примерах.

Исходная антиисторическая точка зрения привела Мейтцена и ко второму заблуждению. Признав глубокую древность существовавших в его время форм поселений в северной части Европы, Мейтцен приписал их неизменный вид различным этническим группам, перешедшим к оседлому образу жизни после переселения народов. Раз возникнув, этнический или национальный, как чаще говорит Мейтцен, тип поселения не меняется на протяжении всего средневековья, будь то однодворные деревни кельтов, кучевые деревни германцев и т. д.

Теоретическая несостоятельность этой концепции очевидна, так как народы и племена, как бы медленно они ни развивались, никогда не застревают на каком-нибудь одном уровне развития производительных сил и производственных отношений и не могут остановиться на какой-то исключительно только им присущей форме поселений. К тому же у каждого народа бывает по нескольку разных форм поселений.

Закономерно поэтому, что теория Мейтцена оказалась несостоятельной перед новыми конкретными этнографическими данными. Уже после появления книги Мейтцена было обнаружено сплошное распространение кучевой деревни с нивовым укладом полей (исконно германской, по Мейтцену) на Украине, в южной Польше и т. д. Некоторые положения Мейтцена были основаны на недостаточном знании материала. Так, Мейтцен считал, что в южной Великоруссии на Украине распространены однодворные поселения[10].

---

[9] А. Мейтцен. Формы расселения. В кн.: «Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков». Под ред. В. Э. Дена. СПб., 1899, стр. 279.

[10] См. A. Meitzen. Op. cit., Bd. II, S. 265.

Подчеркивая непонимание Мейтценом законов общественного развития, отметим, что общину он считал исключительно славянским институтом, вызванным к жизни психическими особенностями славянских народов [11]. В ряде его высказываний нашел отражение и германский национализм. В России теория Мейтцена была поддержана В. Э. Деном [12]. Впрочем, работа его представляет собой лишь популяризацию и самостоятельного значения не имеет.

Работы представителей антропогеографической школы являются, как отмечалось выше, другим важным этапом в западноевропейской буржуазной историографии. Представители этой школы стали выдвигать физико-географический фактор как доминирующий в общественном развитии. Они изучали влияние характера местности, воды, солнца, ветра и пр. на величину, плотность и другие особенности поселений. Наиболее характерной для антропогеографической школы является книга Б. Заборского о польских поселениях. Он так определяет свою задачу: «Главной целью нашей работы мы считаем исследование условий, под влиянием которых деревни приняли свою современную форму и получили свое теперешнее распространение в пределах Польши, причем главную роль мы должны отвести географическим факторам». Далее он рассматривает влияние различных элементов географической среды, но первенствующее значение среди них отводит воде и рельефу местности. «Среди физико-географических факторов преобладающее влияние на густоту, форму и положение сельских поселений, без сомнения, имеют вода и характер ландшафта» [13]. Меньшее значение имеют ветер, солнце и прочее.

Наряду с влиянием физико-географической среды, Заборский признает зависимость особенностей поселений от общественных факторов, причем последние обнаруживаются, по мнению автора, яснее всего там, где слабее действуют физико-географические влияния [14], и являются, таким образом, второстепенными. Кроме того, следует отметить, что «общественный фактор» Заборский понимает не в последовательном историко-материалистическом смысле, а объединяя и смешивая как явления одного порядка обычаи, общественную структуру, величину хозяйства, дороги, колонизацию, парцелляцию и пр. Все

---

[11] См. A. Meitzen. Op. cit., Bd. II, S. 214, usw.

[12] См. В. Э. Ден. Лекция, прочитанная в Московском университете 12 марта 1898 г. Оттиск (Гос. б-ка им. Ленина).

[13] B. Zaborski. Über Dorfformen in Polen und ihre Verbreitung. Breslau, 1930, S. 25.

[14] См. ibid., S. 36.

эти «общественные факторы» он привлекает главным образом тогда, когда та или иная особенность поселений находится в явном противоречии с географией и не может быть ею объяснена.

С переоценкой физико-географического фактора у Заборского, как и у некоторых других представителей антропогеографической школы, сочетается чисто формальная классификация самих поселений. Она построена на делении поселений почти исключительно по их форме в сочетании с непоследовательно подобранными историческими признаками (кучевая деревня, уличная, рядовая, однодворная и пр.). Выделяются как переходные — типы очень близкие по своей внешней форме — овальная деревня, круговая (последняя в двух разновидностях) и пр. Сам Заборский называет эту классификацию геометрическо-генетической, хотя второе определение вряд ли законно.

В некоторых случаях (например, вследствие менее внимательного отношения к экономическим вопросам) работы представителей антропо-географической школы являются даже шагом назад по сравнению с исследованием Мейтцена.

Советская историческая наука не отрицает влияния географической среды на явления общественной жизни.

О влиянии природных условий на развитие капиталистического строя Маркс писал: «Слишком расточительная природа «ведет человека, как ребенка, на помочах». Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью. Не тропический климат с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала. Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится вести свое хозяйство человеку, это разнообразие способствует умножению его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда. Необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость использовать ее или подчинить ее при помощи сооружений крупного масштаба, возведенных рукой человека, играет решающую роль в истории промышленности» [15].

Однако классики марксизма-ленинизма отрицают решающее влияние географической среды на жизнь общества.

---

[15] К. Маркс. Капитал, т. I. 1950, стр. 516—517.

За последнее тридцатилетие за рубежом появилось несколько новых работ, посвященных историко-географическому изучению поселений различных областей Европы и Америки[16]. Однако ничего существенно нового для исторического аспекта в изучении сельских поселений они не дают.

* *
*

Перейдем к классификации русских поселений. Первую своего рода классификацию русских поселений предложил в XVIII в. И. Г. Георги: «Жилища россиян суть: города, предместья, крепости, волости, местечка, села, деревни, погосты, сельцы, хуторы, усадьбы, колонии или чужестранцев поселения, мызы, загородные дворы, дачи, остроги». Все эти разновидности поселений автор выделяет, основываясь главным образом на внешних признаках: «Села так именуются потому, что имеют одну или больше церквей; погосты также; деревни, где нет церквей: сельцы и усадьбы, где боярский дом бывает без церкви... Слободы то же, что и деревни: но в некоторых бывают и церкви, и слободы бывают, а особливо на Украине, населены, большей частью, вольными людьми...»[17].

Но серьезный научный интерес к сельским поселениям, как и вообще к материальной культуре русского народа, выявился значительно позднее — во второй половине XIX в. А. Щапов, близкий к народничеству, в шестидесятых годах высказал несколько мыслей о влиянии географической среды и экономического быта на размещение поселений и на психический склад их обитателей[18].

---

[16] Например, K. Mielke. Die altslavische Siedelung. «Zeitschrift f. Ethnologie», 1923, Heft 1—4, SS. 59—79; его же: Entstehung und Ausbreitung des Starassendorfes. Там же, 1926, Heft 1—2, SS. 193—217; его же: Siedelungskunde des deutschen Volkes und ihre Beziehung zu Menschen und Landschaft, München, 1927; Glenn Th. Trewartha. Types of Rural Settlement in Colonial America. «Geographical Review», Oct. 1946, № 4; G. Nikander. Kulturskeden och bebyggelseformer i Finland, «Folk-liv», «Acta ethnologica et folkloristica Europae», tt. XIV—XV, 1950—1951; R. E. Dickinson. Rural Settlements in the German Lands «Annales of the Association of American Geographers», № 39, 1949; E. Scofield. The Origin of Settlement Patterns in Rural New England. «Geographical Review» № 28, 1938 и нек. другие исследования.

[17] И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, т. IV. СПб., 1799, стр. 132—133. (Изд. 1 — СПб., 1776—1777).

[18] См. А. Щапов. О влиянии гор и моря на характер поселений. «Русское слово», 1864, № 3; его же: Историко-географическое распределение русского народонаселения. «Русское слово», 1864, № 8, 9, 10. (Перепечатано: Соч., т. II, СПб., 1906).

В 1909 г. А. И. Воейков классифицировал поселения Восточноевропейской равнины по признаку их населенности[19].

В. П. Семенов-Тян-Шанский был, по-видимому, первым, кто классифицировал поселения Восточноевропейской равнины с точки зрения расположения их на местности. В основу своей классификации он положил географический фактор и исходя из этого попытался понять природу поселений[20]. Семенов-Тян-Шанский согласен с мнением Щапова о том, что «русская колонизация и сама носит на себе глубоко пассивный отпечаток топографических условий местности»[21].

Особенности расположения поселений на местности в различных областях России Семенов-Тян-Шанский объясняет физико-географическими особенностями — расположением пригодных почв, наличием воды и пр. Выделяя типы заселения, т. е. особенности расположения сельских населенных мест на территории, Семенов-Тян-Шанский учитывает также их экономическую направленность, правда, в самой общей форме. При выделении же подтипов автор пользуется только географическими признаками.

Семенов-Тян-Шанский называет три основных типа заселения: «1) центральный, нечерноземный и северо-западный, земледельческий по преимуществу, руководимый водораздельным положением наиболее удобных почв, при равномерном орошении территории поверхностными и грунтовыми водами; 2) северный, промысловый по преимуществу и лишь в слабой степени земледельческий, руководимый течениями рек и берегами озер... и соответствующий наиболее развитой сети сплавных рек; наконец, 3) южный, черноземный, исключительно земледельческий, жмущийся к речным долинам, как единственно надежным источникам питьевой воды»[22].

Я не буду приводить подтипы этой классификации, так как принцип, положенный в ее основу, достаточно ясен.

Различия в типах заселения объясняются стремлением к освоению почвы, наиболее удобной для обработки. В условиях севера такая почва лежит только вдоль речных долин, тогда как водоразделы покрыты болотами и лесами.

Географическими условиями объясняются также южный и среднерусский типы заселения. «Одним словом, русский чело-

[19] См. А. И. Воейков. Людность селений Европейской России и Западной Сибири. «Изв. РГО», т. XIV, вып. I — III. СПб., 1909.

[20] См. В. П. Семенов-Тян-Шанский. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910.

[21] См. А. Щапов. Историко-географическое распределение русского народонаселения. Соч., т. II. СПб., 1906, стр. 274.

[22] В. Семенов-Тян-Шанский. Ук. соч., стр. 13.

век в данном случае уподобился лесу, который и на крайнем севере и на крайнем юге Восточноевропейской равнины жмется к речным долинам, а в средней ее полосе занимает водоразделы»[23].

Я уже останавливался на критике авторов, считающих физико-географический фактор решающим в истории общества; сказанное частично применимо и к классификации типов заселения, данной Семеновым-Тян-Шанским и его последователями. Надо, однако, иметь в виду, что расположение поселений на местности, изучением чего и занимался Семенов-Тян-Шанский, несравненно сильнее зависит от физико-географических условий, чем планировка самих поселений, которую западноевропейские антропогеографы особенно настойчиво пытались объяснить влиянием географического фактора.

В советское время этнографы и историко-географы довольно мало занимались теоретическим исследованием поселений. Можно назвать только несколько работ[24].

Первым советским исследователем поселений феодальной эпохи является Н. Н. Воронин[25]. В первой из названных работ Н. Н. Воронин выделил основные стадии развития, которые проходили поселения феодальной эпохи. Далеко не со всем в этой работе можно безоговорочно согласиться (вопрос о слободе, толкование некоторых грамот и пр.), но это был первый опыт разрешения проблемы феодального поселения с материалистических позиций. Основное достоинство работы в том, что автор подошел к поселению как к явлению социальному, переживающему ряд изменений в зависимости от экономического развития.

В работах Н. Н. Воронина — и в этом его заслуга — впервые дается классификация социально-экономических разновидностей сельского поселения (погост, слобода, село, деревня), но вряд ли можно согласиться с автором, что в процессе исторического развития эти типы поселений сменяют один другой и являются, таким образом, стадиями.

---

[23] В. Семенов-Тян-Шанский. Ук. соч., стр. 13.

[24] В 1928 г. была опубликована статья С. В. Киселева «Поселение» (социологический очерк). (РАНИОН. Институт археологии и искусствознания. Тр. секции теории и методологии (социологической), т. II. М., 1928. Это исследование выходит за хронологические рамки настоящего обзора. С. В. Киселев рассматривает основные этапы развития поселений, начиная с каменного периода и кончая эпохой, предшествовавшей появлению государств у кельтов, германцев и славян.

[25] См. Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935; его же: Поселение. В кн.: «История культуры древней Руси», т. I, 1948.

Особую ценность в первом исследовании Н. Н. Воронина представляет глава о погосте, в которой вскрывается общинная, мирская основа ряда погостов. Впрочем, первым на общинную основу погоста указал еще Н. П. Павлов-Сильванский. Однако в отличие от Н. П. Павлова-Сильванского, который предполагал тождество северного погоста и верви, Н. Н. Воронин считает, что верви юга отвечает печище севера. Правда, в позднейшей работе «Поселение» Воронин, очевидно, изменяет первоначальной точке зрения, объединяя в понятии соседской (или сельской) общины не только погост, но и вервь.

Поселениям северо-восточной Руси эпохи развитого феодализма посвящена работа С. Б. Веселовского[26]. Эта работа чрезвычайно богата конкретным историческим документальным материалом и интересными, важными наблюдениями по частным вопросам, связанным с поселениями (например, об их укрупнении со второй половины XV в.)[27], но никакой классификации и типологии поселений С. Б. Веселовский не выдвигает. Проблема средневековых поселений в целом, на наш взгляд, не может быть разрешена вне связи с историей общинного строя. Иначе полагал С. Б. Веселовский[28]. О возникновении поселений он писал: «В качестве пионеров земледельческой культуры на первом плане и в первых ролях являются не волость, не монастырь и даже не группы и союзы крестьян, а слободчики и отдельные крестьяне, которые селятся на расчищенных от леса участках однодворными деревнями, иногда отец и сын порознь»[29].

Форма поселений, планировка бегло описываются во многих статьях, где речь идет о народном жилище, но в данном обзоре нас интересуют только работы общего характера.

Выделяется статья Н. И. Лебедевой и Н. П. Милонова о поселениях Рязанской области[30]. В основу своего описания авторы кладут «форму поселений, рельеф местности, связь с историей края, с социально-экономическими условиями и срав-

---

[26] См. С. Б. Веселовский. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв. (Историко-социологическое исследование о типах внегородских поселений). М.—Л., 1936.

[27] См. там же, стр. 131.

[28] См. там же, стр. 107.

[29] Там же, стр. 120.

[30] См. Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов. Типы поселений Рязанской области (по документам Рязанского областного архива и научного архива Рязанского краеведческого музея). «Советская этнография», 1950, № 4, стр. 107—132.

нительное историческое развитие каждого типа селения»[31]. Статья Н. И. Лебедевой и Н. П. Милонова выгодно отличается от многих работ по поселению использованием картографического материала XVIII—XIX вв. Авторы выделяют кучевые, круговые и линейные планы; эти типы планировки в свою очередь распадаются на разновидности. Происхождение каждой формы поселения авторы связывают с социально-экономическим строем, частично — с географическими факторами.

Конкретных выводов статьи о происхождении тех или иных типов я касаться не буду, но замечу, что авторы свели изучение типов поселений к изучению типов планировки; это, конечно, сузило их исследовательскую задачу.

Следует отметить также, что авторы нечетко выделяют кучевую форму поселения и характеризуют эту форму тем, что дома стоят группами, кучками, «нередко на порядочном расстоянии друг от друга». Авторы не замечают, что они отступают от принципа своей классификации; действительно, кучевая «форма» выделяется уже не по своей форме, а по способу группировки поселений.

Традицию В. П. Семенова-Тян-Шанского в изучении расположения поселений на местности продолжила в 1946 г. И. И. Сорочинская-Горюнова[32]. Автор принимает классификацию В. П. Семенова-Тян-Шанского и на территории восточного Приладожья выявляет несколько подтипов.

Итак, историческим изучением поселений занимались различные специалисты-археологи, этнографы, историки, географы, причем за определенными специальностями закрепилось

---

[31] См. Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов. Типы поселений Рязанской области (по документам Рязанского областного архива и научного архива Рязанского краеведческого музея). «Советская этнография», 1950, № 4, стр. 112.

[32] См. И. И. Сорочинская-Горюнова. Типы населенных пунктов восточного Приладожья. «Изв. ВГО», т. 78, вып. 2. Л., 1946, стр. 183—192. В историографическом обзоре изучения сельских поселений я, естественно, не останавливаюсь на экономико-географических исследованиях современных населенных мест. См. об этом работы С. А. Ковалева, В. В. Покшишевского, В. О. Константинова и др. специалистов в области экономической географии. С. А. Ковалев. Некоторые принципиальные вопросы типологии расселения. «Вопросы географии», сб. 45, 1959; В. Г. Давидович, С. А. Ковалев, В. В. Покшишевский. Об основах классификации населенных пунктов СССР (в связи с задачами экономической географии). Изв. АН СССР, сер. геогр. 1959, № 4; С. А. Ковалев. География сельских населенных пунктов в области Черноземного центра. «Вопросы географии», сб. 32, 1953 г.; О. А. Константинов. Современное состояние деления населенных пунктов СССР на городские и сельские. Изв. АН СССР, сер. геогр., 1958, № 6.

изучение какой-либо одной стороны проблемы. Формы поселений, т. е. их планировку, изучают, например, по преимуществу этнографы, не затрагивая других сторон вопроса; социально-экономической проблематикой, изучением главным образом истории сел, деревень, посадов и пр. занимаются исключительно историки; изучение поселений с точки зрения расположения их на местности стало областью экономико-географов. Все эти аспекты изучения поселений до сих пор не сводились вместе. Каждый аспект изучения поселений приводил к созданию соответствующих классификаций. Это в то же время обусловило полный произвол в терминологии.

Во избежание такого разнообразия в терминологии, по нашему мнению, следует назвать типами поселений социально-экономические разновидности поселений (село, хутор, слобода, погост и т. д.); типами заселения — особенности в расположении поселений на местности в зависимости от физико-географических условий (долинный тип, водораздельный и т. п.); формами поселений — их планировку (уличная, беспорядочная, рядовая и т. п.) [33]. Эти классификации еще не исчерпывают всех существенных сторон, которые должны быть изучены. Следует еще различить типы расселения, т. е. особенности группировки поселений (скученный тип, гнездовой, разбросанный и т. д.).

Сами по себе, вне связи друг с другом и вне связи с изучением социально-экономических отношений конкретного населения, которое обитает в тех или иных поселениях, все подобные классификации являются формалистическими. Например, основной недостаток упоминавшейся работы Заборского заключается в самой постановке вопроса: в попытке рассматривать формы поселений (т. е. планировку) изолированно от других сторон изучения поселений.

Изучение поселений зарубежной и русской дореволюционной исторической наукой велось в отрыве от процесса развития общества, а исследование общества в иных случаях отрывалось от той конкретной материальной обстановки, в которой оно существовало. Часто имела место односторонность и произвольность в выборе предмета исследования. У одних, например, национальная принадлежность поселений считается решающей в их определении (Мейтцен), другие, наоборот,

---

[33] В дальнейшем, предложенные термины используются только в указанном значении.

исследуют поселения в полном отрыве от этнической принадлежности их обитателей.

При изучении поселений нельзя игнорировать зависимость социального строя от степени развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений. Производственные отношения и социальный строй являются основными факторами, определяющими характер поселений. Поселение — одно из материальных выражений социальной жизни. Приведем несколько вытекающих отсюда предварительных соображений.

Во-первых, типы поселений нельзя рассматривать как вечные и неизменные. Один и тот же термин в разные эпохи нередко имеет совершенно различное социально-экономическое содержание. Примером может служить термин «село». В дотатарское время так называли и крестьянское и феодальное поселение; названия некоторых сел, принадлежавших князьям, сохранились в летописях (Ольжичи, Будятино). В XVII—XVIII вв. село — это поселение с помещичьим двором в отличие от крестьянской «деревни». В XIX в. под «селом» разумеется обычно поселение с церковью, а в настоящее время — просто крупное, часто торговое поселение в отличие от деревни.

Во-вторых, в одно и то же время одинаковые термины в разных концах нашей страны часто обозначают разные понятия. Возьмем то же «село». Если в средней полосе это поселение с церковью (XIX в.), то на Украине и в Белоруссии так обозначалось поселение вообще, вне связи с церковью. «Хутор» на Кубани и в северной части страны — совершенно разные типы поселения.

В-третьих, необходимо решительно отказаться от выдвинутого Мейтценом антиисторического положения о неизменности планировки. Даже за короткий промежуток времени, часто в зависимости от тех или иных социально-экономических условий, форма поселений претерпевает решительные изменения.

При изучении поселений не следует также ограничиваться отдельными поселениями, необходимо исследовать комплекс, группу поселений, которые образуют органическое, исторически сложившееся единство; другими словами, серьезное внимание следует обращать на рассмотрение особенностей взаимной группировки поселений.

Можно сразу же отметить, что существуют различные типы группировки, или типы расселения. На севере европейской части СССР распространен гнездовой тип: мел-

кие деревни разбросаны небольшими группами на значительном расстоянии. Гнезда поселений разделены незаселенной территорией. На юге вост. Европы большие села более или менее равномерно покрывают всю территорию. В западной Прибалтике господствуют отдельно стоящие хутора.

В отдельных случаях тип расселения и тип поселения могут совпадать, когда поселение является четкой экономической и морфологической формой и соответствует социальной организации (например, столыпинский хутор).

Изучение особенностей группировки поселений показывает, что она отражает различные стадии развития общества в конкретных географических и исторических условиях. Древнейшим типам расселения соответствует родовая община, последующим — соседская община, иногда патронимия и т. п. Разумеется, стадии социального строя, как правило, универсальны, а типы расселения складываются под воздействием местных географических условий и направленности хозяйства. В одном случае это большой родовой дом, в другом — круглое поселение; соседской общине на русском Севере соответствует гнездовой тип расселения, а той же общине на Юге — скученный. Феодальные владения в степной полосе России состояли из отдельных сел, боярщины средней полосы состояли из сел с тяготеющими к ним деревнями. Во всех случаях тип расселения — это «материальное оформление» общественного строя в местных условиях.

Классификация по типам расселения указывает, таким образом, на связь поселения с общественным строем, с уровнем и направленностью развития производительных сил.

Учитывая особенности группировки поселений, мы избегаем необоснованного объединения явлений различного порядка, исходящего лишь из единства названий и формального сходства, например столыпинский хутор и однодворная северная или сибирская деревня (в официальных документах тоже иногда именуемая хутором), возникавшая как заимка в XVI—XIX вв.; село Украины XVIII—XIX вв. и современное ему село средней полосы, которое представляет собой центральное поселение своеобразной группы, куда входят, кроме того, тяготеющие к этому селу деревни, и т. д.

Необходимо изучать поселение в его историческом развитии, а также во всем многообразии и взаимосвязи характеризующих его признаков. Поэтому следует использовать все перечисленные принципы классификации, учитывая, что они имеют неодинаковое значение. Впрочем, о значении того или иного принципа классификации на данном этапе работы говорить

еще трудно. Перечисленные принципы классификации необходимы хотя бы для систематизации материала. Но по мере возможности классификация поселений должна уже теперь отражать не только существующее разнообразие типов, но и их генезис в связи с социально-экономической историей.

В качестве опыта можно предложить следующую сводную классификацию. Исторически сложившимися типами сельских поселений России в XVI—XIX вв. являются: погост, деревня (починок, заимка, выставка), село (сельцо), слобода, хутор, становище, станица, околица. Рядки обычно представляют собой промежуточные ступени между сельскими поселениями и городскими, основная масса населения в них в XV—XVII вв. занята не в сельском хозяйстве, а в промышленности, ремесле, торговле. За основу классификации по типам заселения можно взять приведенную выше схему В. П. Семенова-Тян-Шанского, хотя она и нуждается в серьезных дополнениях и уточнениях [34].

В классификации по формам поселений, по нашему мнению, следует избегать излишней дробности; кроме того, классификация должна по возможности исходить не из морфологического, а из генеалогического принципа и не допускать объединения под одним термином форм, внешне близких, но различных по происхождению.

I. Беспорядочные формы: 1) кучевая деревня; 2) малодворная, беспорядочно разбросанная деревня (сюда же относятся и однодворные деревни).

II. Рядовые формы: 1) прибрежно-рядовые (однорядные и многорядные); 2) овражно-рядовые; 3) рядовые деревни, ориентированные «на лето», т. е. обращенные фасадом к югу.

III. Замкнутые формы: 1) квадратные с центральной площадью; 2) круглые и овальные.

IV. Уличные формы: 1) собственно уличные в трех вариантах: одноулочном, двухулочном, в том числе «вилочном», и многоулочном (квартальном); 2) радиальные, концевые и др.

V. Деревни позднего происхождения, распланированные под влиянием администрации.

---

[34] См. И. И. Сорочинская-Горюнова. Ук. соч.

Классификация по типам расселения не разработана. Вопрос этот требует специального изучения. Пока что можно выделить: 1) гнездовой тип (на севере); 2) скученный (села на Украине); 3) скученно-гнездовой (села с «тянущими» к ним деревнями средней полосы); 4) разбросанный (хуторской).

Таким образом, целью дальнейшей работы будет попытка изучить на конкретном материале органическую связь заонежских поселений с организацией населявшего их общества.

Глава I

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Вторая половина XV в. была переломным периодом в истории Русского государства. Для изучения поселений это тоже важный рубеж: с этого времени появляются первые писцовые книги — правительственные статистические документы, преследовавшие цель подробного хозяйственного описания страны для организации податного обложения тяглого населения. С середины XVII в. писцовые книги заменяются переписными, в центре внимания которых было не хозяйство, а перечень дворов с его населением. Писцовые и переписные книги — чрезвычайно важный источник для исторических, экономических, этнографических, географических исследований. Собственно, можно говорить о новом этапе этих исследований, так как писцовые (а также переписные, дозорные и др.) книги позволяют перейти к совершенно особым приемам работы над историей поселений.

В настоящей работе сделана попытка использовать их также и для изучения истории поселений.

Несмотря на достоинство писцовых книг как источника сведений массового порядка, как и всякий другой источник, книги эти требуют критического к себе отношения. Историки, исследовавшие этот вопрос, пришли к выводу, что данные писцовых книг не могут восприниматься, как совершенно объективное и точное отражение обстановки XV—XVII вв.[1].

[1] Подробный анализ различных направлений в русской дореволюционной науке, которые существовали в оценке писцовых и переписных книг как историко-экономического источника, дает Г. Кочин в статье «Писцовые и переписные книги в буржуазной историографии». «Проблемы источниковедения», т. II, 1936.

В середине XIX в. впервые были изданы обозрения писцовых книг по Московскому уезду и Новгороду [2], а вскоре после этого началась публикация некоторых писцовых книг. Подавляющее большинство писцовых книг не издано и до настоящего времени. С особенным воодушевлением писцовые книги были приняты славянофилами, которые попытались воспользоваться заключенным в них материалом в полемических целях, в частности для обоснования теории о своеобразии русского исторического пути, исконности земельной общины [3].

Небольшое описание истории писцового дела и межевания дал К. А. Неволин в статье «Об успехах государственного межевания в России» [4], а в приложении к другой своей работе опубликовал значительные выдержки из отдельных писцовых книг [5] (ограничившись, правда, подробным описанием погостов-церквей и неполным перечнем названий деревень).

В 60—80-х годах писцовыми книгами как источниками для изучения старинного народного быта интересуются исследователи, близко стоявшие к народничеству. Александра Ефименко решительно высказалась за положительную оценку писцовых книг, отметив «исключительное значение их» [6]. Высоко расценивали писцовые книги А. Щапов [7], П. Соколовский [8].

Исследованию писцовых книг посвятили свои работы также А. Ильинский [9] и А. Никитский [10].

Для первого периода работы с писцовыми книгами (приблизительно 60—80-е годы) характерен некритический подход к этому источнику. Данные, зафиксированные в книгах, воспринимаются обыкновенно, как вполне достоверные. Самое использование источника заключается в подборе материала из

---

[2] См. П. Иванов. Обозрение писцовых книг по Московскому уезду. М., 1840; его же: Обозрение писцовых книг по Новгороду. М., 1841.

[3] См. И. Д. Беляев. О поземельном владении в Московском государстве. «Временник», 1851, кн. 11; Н. Елагин. Белевская вивлиофика. М., 1858; К. С. Аксаков. Полн. собр. соч., т. I. М., 1889.

[4] См. К. А. Неволин. Собр. соч., т. VI. СПб., 1859.

[5] См. К. А. Неволин. О пятинах и погостах новгородских. СПб., 1853.

[6] А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. I. М., 1884, стр. 196.

[7] См. А. Щапов. Историко-географическое распределение русского народонаселения. Соч., т. II. СПб., 1906.

[8] См. П. А. Соколовский. Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877.

[9] См. А. Ильинский. Городское население Новгородской области в XVI в. ЖМНП, 1876, июнь. Вторая глава напечатана в «Историческом обозрении», т. IX. СПб., 1897.

[10] См. А. И. Никитский. Заметка об издании новгородских писцовых книг. ЖМНП, 1880, 12.

писцовых книг для иллюстрации тех или иных положений автора. Даже при большом и тщательном привлечении свидетельств писцовых книг в них часто используются отдельные разрозненные данные. Характерна в этом отношении указанная работа Соколовского. Имеющийся в писцовых книгах массовый материал не находит в ней отражения. При таком подходе к делу, конечно, не может быть и речи о строгом историческом анализе и о выявлении исторических закономерностей.

Авторы иногда произвольно оценивали замеченные единичные явления как типичные, тогда как имели дело с исключительными фактами [11].

Только с 90-х годов XIX столетия начинает создаваться критика писцовых и переписных книг как историко-экономического источника; с появлением в печати работ крупнейших русских дореволюционных историков изучение писцовых книг переходит на более высокую ступень.

В конце XIX столетия выступают в печати А. С. Лаппо-Данилевский, И. Н. Миклашевский, Г. Н. Шмелев, В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов, С. Ф. Платонов, М. С. Грушевский. Большинство исследователей придает чрезвычайно большое значение изучению писцовых книг и высоко оценивает их как источник, но некритическое отношение к ним со стороны большинства предшествующих авторов имело реакцией скептическую точку зрения на писцовый материал, наиболее четко и ярко сформулированную И. Н. Миклашевским: «Писать» им приходилось очень много, меньше «межевать» и еще меньше «мерить». По его мнению, главную роль в составлении писцовых книг играли «сказки» — донесения местных жителей [12].

Целый ряд критических замечаний высказал и А. С. Лаппо-Данилевский [13].

Оба эти исследователя, как и многие позднейшие авторы, подвергают большому сомнению цифровые данные, приводимые писцами, особенно, когда дело касается размеров запашки. Неточность и недостоверность писцовых книг проистекает по многим причинам: от желания тяглого населения как-то обойти представителя власти, избегнуть разорительных нало-

[11] См., напр., А. И. Никитский. История экономического быта В. Новгорода. «Чтения», стр. 208—214, 216 и критику в работе Г. Кочина «Писцовые книги в буржуазной историографии». «Проблема источниковедения», т. II. М.—Л., 1936, стр. 159.

[12] См. И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. I. М., 1894, стр. 54, 57, 63.

[13] См. А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб., 1890, стр. 205—214.

гов путем заведомо неверных сведений — «сказок»; от недобросовестности писцов («рука древнерусского писца,—говорил позднее М. М. Богословский, — не чиста: командировка для составления описи — одно из средств наживы»); от неподготовленности и самих писцов и подьячих, которые часто ошибались в цифровых подсчетах, пропускали и коверкали названия, и т. д. Случалось, что местное население вовсе не допускало писцов к проверке «сказок» [14].

Н. А. Рожков высказал менее скептическую точку зрения в отношении занимающего нас источника. Он посвятил этому вопросу специальную статую [15], а также высказал несколько соображений в своей магистерской диссертации «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» [16]. Н. А. Рожков признает известные недостатки, имевшие место в технике писцового дела, но в конечном счете его заключительная оценка весьма благоприятна: «В общем,— пишет он,— писцовые книги — достаточно достоверный источник». «Не будем же с излишним скептицизмом относиться к одному из важнейших источников нашей истории...» [17].

В общем, с конца XIX в. в русской дореволюционной историографии была признана важность статистического метода обработки писцовых и переписных книг.

Последующие авторы [18] обычно сходятся в общей положительной оценке писцовых книг, но приводят многочисленные оговорки, снижающие оценку этого источника.

В советской исторической науке вопрос о писцовых и переписных книгах как источнике изучен еще совершенно недостаточно. Г. Е. Кочин [19] в своей статье дал подробный критический анализ работ дореволюционных историков, посвящен-

---

[14] «Древности». Тр. Археогр. комиссии, т. I, вып. II. М., 1898, стр. 378.

[15] См. Н. А. Рожков. К вопросу о степени достоверности писцовых книг. «Древности». Тр. Археогр. комиссии, т. I, вып. II. М., 1898.

[16] См. Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в «Уч. зап. МУ», вып. 26, 1899.

[17] Н. А. Рожков. К вопросу о степени достоверности писцовых книг «Древности». Тр. Археогр. комиссии, т. I, вып. II, стр. 198.

[18] См. Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII в. М., 1906; Е. Д. Сташевский. Опыт изучения писцовых книг Московского государства XVI в., вып. I. Московский уезд. Киев, 1907; Г. Н. Шмелев. К вопросу о степени достоверности переписных книг. ЖМНП, 1898, № 7; С. В. Веселовский. Сошное письмо, тт. I, II, М., 1915; А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородск. обл. и после присоединения Новгорода и Пскова, т. I. Киев, 1915.

[19] См. Г. Кочин. Писцовые книги в буржуазной историографии. «Проблемы источниковедения», т. II. М.—Л., 1936.

ных изучению писцовых книг. Однако этот исследователь дал лишь общую оценку прежних работ. Недавно вышедшая работа А. Ц. Мерзона [20] носит характер учебного пособия; таким образом, мы еще не располагаем теоретической работой по данному вопросу.

Заканчивая этот краткий обзор, отмечу, что писцовые книги отражают определенные классовые интересы, являясь инструментом налоговой политики. Однако, давая массовый, систематизированный, хронологически однородный материал, они позволяют использовать в ряде случаев статистические приемы обработки. Ниже рассматривается одна из возможностей использования писцовых книг как научного источника, а именно для составления карт сельских поселений XVI—XVII вв.

* *

В течение двух с лишним столетий, с конца XV до конца XVII в., Заонежье не раз описывалось писцами.

Первоначально Иван III дал обещание новгородцам не описывать их земель, но вскоре по тем или другим причинам нарушил свое обещание. Как только Обонежье вошло в состав Русского централизованного государства, туда, как и в остальные новгородские пятины, были посланы писцы для составления описания и упорядочения обложения, которое нужно было установить после конфискации боярских вотчин. Это было так называемое «старое письмо», которое иногда упоминается в последующих переписях и в актах. «Старое письмо» до нас не дошло, но итоговые данные по четырем погостам приводятся в следующей книге 1496 г., когда Обонежская пятина описывалась писцом Юрием Константиновичем Сабуровым. Описание это является древнейшим писцовым документом по Обонежской пятине. Сохранилось оно в незначительном отрывке: описаны всего 8 неполных погостов. Из них к узкой территории Заонежья относятся 4: Шунгский, Вытегорский (неполностью), Оштинский и Веницкий.

Следует отметить, что описание Шунгского погоста, который, как будет видно из дальнейшего, был взят мной за основу изучения погоста, сохранилось не в подлиннике, а в копии XVII в. Копия эта представляет собой извлечение из писцовой книги Юрия Сабурова, сделанное для Тихвинского монастыря,

[20] См. А. Ц. Мерзон. Писцовые и переписные книги XV — XVII вв. Учебное пособие по источниковедению истории СССР. Изд. Моск. гос. историко-архивного ин-та, 1956.

который был пожалован в XVII в. Шунгским погостом и, видимо, затребовал соответствующие выписки.

Сабуровская книга была опубликована в 1930 г. в Ленинграде Археографической комиссией [21].

Следующая [22] сохранившаяся писцовая книга принадлежит писцу Андрею Лихачеву и Ляпуну Добрынину и относится к 1563 г., т. е. писалась спустя 70 лет. И эта книга дошла до нас не полностью, но все же в значительно лучшем виде. Описаны 18 погостов, из них к Заонежью в узком, позднейшем, смысле относятся 16, причем описание первого — Рождественского Олонецкого погоста — без начала и, возможно, с пропусками. Книга опубликована Археографической комиссией в 1930 г. вместе с предыдущим описанием.

За описанием Лихачева следует писцовая книга Андрея Плещеева и Семейки Кузмина, работавших в 1583—1584 гг. [23], т. е. спустя 20 лет. Книга описывает Заонежскую половину Обонежской пятины в понимании конца XVI в. с включением кроме собственно Заонежских погостов погостов по Волхову и по юго-восточному побережью Ладожского озера. Отрывки из этой книги опубликованы К. А. Неволиным в 1853 г. в Пе-

---

[21] Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

[22] Большинство писцовых и переписных книг Обонежья до нас не дошло. Приведу список, возможно, неполный, несохранившихся описаний: «старое письмо», проводившееся вскоре после присоединения к Москве; описание 1545 г. Гаврила Муранова и подьячего Ивана Алексеева (АЭ, I; стр. 185); 1556 г.— Григория Бухарина (ДАИ, I, стр. 82); 1577 г.— Михайла Волкова и Федора Фатьянова (АИ, I, стр. 301); 1583—1584 гг. — князя Василия Звенигородского (частично) (см. К. Петров. Составители писцовых книг Обонежской пятины. «Памятная книжка Олонецкой губ. 1868—1869 гг. Петрозаводск, 1869, стр. 117); 1584—1585 гг.— описание Леонтия Аксанова с товарищи (Неволин. Ук. соч., стр. 17); 1585—1586 гг. Афанасия Жеребятичева с товарищи (там же); 1588—1589 гг.— Василия Волынского с товарищи (там же); 1601 г.— Василия Заденского и Полиники Аникеева (Описание докум. и бумаг, хранящихся в Моск. архиве Мин. юст., т. I, стр. 175); 1613—1614 гг.— Тимофея Свиблова (К. Петров. Ук. соч., стр. 118); 1614—1615 гг. Сутормы Коротнева и подьячего Посника Дементьева (К. Петров, стр. 118); 1620—1622 гг.— Ивана Воейкова и дьяка Третьяка Копнина (ДАИ, т. VIII, № 40); 1627—1629 гг.— князя Ивана Михайловича Долгорукова и Посника Ракова (по части Заонежских погостов. Олонец. губ. вед. часть неофиц. 1850, № 12—47; 1851, № 1—2); 1657 г.— Ивана Дивова (ДАИ, VI, 56); 1658—1659 гг.— Сергея Малово и подьячего Дружинки Протопопова (ДАИ, т. VI, № 56, стр. 229).

Не сохранилось имен переписчиков, описывавших Заонежье в 1564, 1571 и 1630 г. (АИ, т. V, № 151, стр. 257). Нельзя пока установить датировку несохранившихся описаний Григория Волосатого, Пожарского, Федора Калитина и др., о деятельности которых есть замечания в известных нам писцовых книгах или в актах.

[23] ЦГАДА. Писцовые книги по Новгороду, № 963.

тербурге [24]; однако издание это далеко не полное и для настоящей работы совершенно непригодно. Автор публикации приводит полное описание погоста — места [25] с перечнем владельцев дворов, но что касается данных о самом сельском населении погоста, то Неволин не публикует никаких сведений, сообщаемых писцовой книгой, за исключением названий деревень (нет численности дворов по деревням, не указаны личные имена дворохозяев, размеры запашки и обложения).

Следующие сохранившиеся книги не опубликованы: писцовая книга 1616—1617 гг. Петра Воейкова и дьяка Ивана Лговского [26] и дозорная книга 1619—1620 гг. письма М. Лыкова и Я. Гневашева [27].

Затем следует писцовая книга Никиты Панина и Семена Копылова [28], относящаяся к 1628—1629 гг., и писцовая книга князя Ивана Михайловича Долгорукова и Посника Ракова, датируемая примерно тем же временем (1627—1629 гг.).

Эти две книги дополняют друг друга и составляют по существу одно описание: часть заонежских погостов описал Панин а другую — Долгоруков. Незначительные выдержки из книги Панина и Долгорукова были опубликованы в 1849—1851 гг. в Олонецких губернских ведомостях [29]; однако, подобно извлечениям Неволина, издание это непригодно и, к тому же, стало большой редкостью. Сама же книга Долгорукова, по-видимому, утеряна.

Следующие книги, относящиеся к первой половине XVII в., принадлежат к разряду переписных и, так же как и предыдущие, дополняют друг друга. Это — книга 1646—1647 гг. И. Писемского и Я. Ефимова по одной части Заонежья [30] и книга 1647 г. Л. Сумина и Я. Ефимова — по другой [31].

---

[24] См. К. А. Неволин. О пятинах и погостах новгородских. СПб., 1853, прил. VI.

[25] Писцовые и переписные книги употребляют термин «погост» в двух значениях: для обозначения административного округа и центрального поселения этого округа. Во избежание недоразумений в исторической литературе (В. И. Сергеевич, А. М. Андрияшев) были предложены для обозначения соответствующих понятий два термина «погост—округ» и «погост—место».

[26] ЦГАДА. Писцовые книги по Новгороду, № 743.

[27] Там же, № 979.

[28] Там же, № 308.

[29] Писцовая книга Панина и Копылова. «Олонецкие губернские Ведомости», часть неофициальная, 1849, № 1—7; Писцовая книга Долгорукова и Ракова «Олонецкие губернские ведомости», часть неофициальная, 1850, № 12—47 и 1851 № 1—2.

[30] ЦГАДА. Писцовые книги по Новгороду, 980, лл. 1—375.

[31] Там же, лл. 375 об., 577.

В Центральном государственном архиве древних актов в фонде ландратских книг и ревизских сказок (ф. 350) имеется еще одна переписная книга по Заонежью. Существование этой книги, кажется, не было известно. Во всяком случае известный исследователь Поморья XVII в. М. М. Богословский и исследовательница Заонежья XVII в. Р. Б. Мюллер не упоминают ее, приводя список писцовых и переписных книг по Заонежью за XVI и XVII вв. [32].

Книга переписная, без начала и без конца, текст хорошей сохранности. В Архиве она датирована концом XVII в. Более точную датировку позволяет установить имя царя Федора Алексеевича, в чье царствование производилась перепись (1661—1682 гг.), а главное указаны переписчики. Это стольники Иван Александрович и Иван Никифорович Аничковы да подьячий Иван Венюков [33]. А в Актах исторических [34] в «Царской грамоте Новгородскому митрополиту Корнилию и Олонецким воеводам князю Василию Долгорукову и Ивану Ловчинову об завладении поморскими раскольниками Палеостровским монастырем и принятии мер к прекращению распространения их в тамошнем крае» находим датировку переписи: «Да в Олонецких переписных книгах, переписи столника Ивана Александрова да Ивана Никифорова сына Аничковых 186 и 187 годов, написано: в том же Шунском погосте» и т. д.

Следовательно, последняя переписная датируется 1678—1679 гг. Это подтверждается и тем, что в эти годы производились переписи не в одном Заонежье, а также тем, что в тексте книги не встречается более поздних дат, чем 1678 г. (описание переходов в другие погосты, смерти и пр., напр.: л. 328—1676 г., там же—1677 г., л. 1—1678 г., л. 4 об.—1669 г., л. 10—1677 г., л. 11—1664 г., л. 131—1674 г. и т. д.).

Таким образом, с конца XV до конца XVII столетия сохранилось лишь 8 описаний.

Приняв во внимание производившуюся критику писцовых книг как источника, поставим вопрос, в какой мере писцовые и переписные книги пригодны для изучения типов поселения и соответствующих им форм социальной организации. Если по ряду вопросов, интересующих историков народного хозяйства, писцовые книги и не являются достаточно надежным источником, то в отношении самих поселений дело обстоит более благоприятно.

---

[32] См. Р. Б. Мюллер. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947.

[33] Ревизские сказки по Новгороду, № 2541, л. 425.

[34] АИ., т. V, № 151, стр. 257.

Прежде всего для настоящей темы писцовые и переписные книги дают полный или почти полный список поселений. Я говорю «почти», учитывая уже перечисленные недостатки писцового дела: чрезмерное доверие писцов к «сказкам», представляемым населением, стремление крестьян укрыться от обложения, лихоимство отдельных писцов. Все это усугублялось природными особенностями русского Севера; мелкие селения были распылены и удалены друг от друга, а некоторые почти недоступны из-за огромных болот, черных дремучих лесов, непогоды на больших озерах и плохого состояния тележных дорог. На все это постоянно жалуются командированные в Поморье чиновники. «В летнее, государь, время из многих волостей конского проезду не живет за безмерными болотами»[35],—писал в Москву дворянин Микулин об одной из областей Поморья. Все же, несмотря на ошибки и описки, происходящие как по вине писцов и переписчиков, так и по вине информаторов, названия поселений искажаются большей частью не так уж сильно. Правда, существуют различные варианты одних и тех же названий, вроде Хоймогуба и Фоймогуба, Гаккукса и Ваккукса и т. д. Установить тождество названий поселений по разным писцовым книгам порой бывает трудно.

Трудности бывают и при сличении разных написаний какого-нибудь топонима в одной и той же книге. Например, в Никольском погосте на Андоме половина общей деревни названа «на Клековой горе», а другая «на Кленовой горе». В данном случае тождественность поселений устанавливается сличением субъектов владения, вернее, совладения.

Очень часто книги дают старое, сохранившееся как официальное, и новое названия поселения: «деревня на Сямени ж словет Лукинская» [36], «дер. на Семяни же противу Городища словет Быковская» [37], «дер. на низу Олонца, а ныне словет Паткуево» [38], «дер. на низу Олонца Заречье, а ныне словет Маклаково» [39].

Прослеживанию одного и того же поселения по различным писцовым и переписным книгам может иногда помешать самое неожиданное обстоятельство. Имеются указания на то, что писцы иногда произвольно меняли названия поселений; то ли

---

[35] Приказные дела, 1646, № 52; М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., т. I. М., 1909, стр. 35.
[36] Писцовые книги Обонежской пятины. Л., 1930, стр. 189.
[37] Там же.
[38] Там же, стр. 57.
[39] Там же.

потому, что они приходились им не по вкусу, то ли, руководствуясь какими-либо соображениями. Так, сохранилось предание[40], что писец Панин, описывая в 1628—1629 гг. северное Заонежье, вздумал переименовать деревни. Проверка этого предания сличением топонимии писцовой книги Панина с предшествующими работами показывает, что предание это в основном плод народной фантазии, попытка осмыслить непонятные наименования поселений. Например, название селения Патановщина, которое существовало и до Панинского письма и имеется в книге Лихачева, предание приписывает Панину и производит от женского имени Таня, которую будто бы повстречал писец. Неправдоподобность рассказа подтверждается и тем, что многие толкования весьма натянуты (деревня Насоновщина происходит якобы от человека по имени Софрон), и тем еще, что Панину приписывается употребление чисто местных поморских слов для названия поселений, таких, как «корба» (берестяная коробка), «куй» (гагара), «ламба» (небольшое озеро, лужа), Гивес-наволок, Вой-наволок и пр., а также слов, употребление которых странно для представителя центральной власти.

Но, несмотря на все сказанное, возможность переименования поселений писцами не исключена и должна учитываться.

Писцовые книги не только фиксируют подавляющее число поселений, но и указывают также их состав — количество дворов в каждой деревне. Эти данные тоже более достоверны, чем те, на которые обрушилась основная критика историков-экономистов. Но и здесь исследователь наталкивается на трудности; эти трудности трех порядков. Во время составления писцовых книг, т. е. с конца XV до середины XVII в., обложение в земледельческих районах производилось по размерам распаханной площади, по величине запашки, с учетом качества земли, имеющейся в распоряжении дворовладельца. Другое дело с переписными книгами. В те времена, когда они составлялись (со второй половины XVII в.), было введено подворное обложение; тогда же возник новый прием для обмана властей: два стоящих рядом двора обносились частоколом и выдавались за один двор.

Другая трудность — понятие «деревня» не всегда ясно для нас так же, как и соотношение деревни и двора, о чем будет сказано далее. «А двор тот был писан деревнею» — характерное сообщение писца.

[40] См. Е. Барсов. Рассказ о том, как писец Панин давал имена Заонежским деревням в 1628 г. «Памятная книжка по Олонецкой губ. 1868—1869 гг.», стр. 189.

Из-за неумения писцов оперировать даже с двухзначными числами проистекают многие ошибки. Подсчеты общего количества дворов по волости чаще даже неверны, чем верны. Кроме того, иногда писец заносит в общее число дворов только населенные дворы, а иногда населенные вместе с пустыми, причем не оговаривает этого [41].

Что касается населения, то оно может быть пересчитано только по переписным книгам [42]. Писцовые книги дают лишь имена дворовладельцев, глав семьи. Если мы читаем в писцовой книге Юрия Сабурова, например, что в деревне на берегу на Путке двор, а в нем живут Васко да Максимко Семеновы, то надо понимать, что Васко да Максимко живут не вдвоем, а с семьями — женами и детьми. Читаем дальше: «Дер. в той же губе Онежане: во дворе Ивашко, да Фетка, да Паршук, да Савко Ивашковы дети, да Мосейко, да Васко, Фетковы дети...». Здесь мы имеем дело с семейной общиной и у Ивашки могут быть не только внуки, а и правнуки — дети «Мосейки да Васки», потому что они записаны в книгу как главы семейства. Предположение, что перечисляется все мужское население, и женатое и неженатое, отпадает, так как «дети» упомянуты редко.

В отдельных случаях даже сами по себе взятые данные писцовых книг уже позволяют сделать кое-какие выводы относительно расположения поселений на местности. К названиям деревень прибавляется иногда указание на реку или сельгу, или озеро, близ которых они расположены.

Но несмотря на всю ценность писцовых и переписных книг

---

[41] «Да по приправочным книгам Ивана Белкемишова в той же цареве великого князя Андомские волости. Поч. на Ваноозере Лутьянковский: во дворе Микулка Фаустов, сеет ржы полчетверки, сена косит 2 коп. Поч. у Николы за полем во дворе Шобуня Дорофеев, во дворе Юшко Половников, сеют ржы четверку, сена косят 2 коп. Поч. на Ваноозере пуст. Поч. на Вано ж озере Брутуевский пуст. Поч. на Вано ж озере Кузминской пуст; в пяти починках четверть обжы. Поч. на Сад-озере: во дворе Михалко Шуба, во дворе Зенко водлозерец, сеют ржы четку, сена косит 2 коп. Поч. на Матко-озере: во дворе. Сенка Васильев Рукуля, во дворе Омельянко Демидов, во дворе Михалко Демидов, во дворе Еремейко Фофанов да 5 дворцов пусты, сеют ржы пол — 2 четки, сена косят 3 коп. В обеих починках четверть обжи, а владеет теми починки князь Семен да князь Александр Кимские из Белоозерщины. И всего починков жывущих и пустых 16, а дворов 9, а людей 5 ч. пол-обжы, пол-трети сохи» (Писцовые книги Обонежской пятины, Л., 1930, стр. 199 кн. Андрея Лихачева, 1563 г.). Бывают такие итоги: «дворов 175, а людей 145», «дворов 24, а людей 11, дворов 41, а людей 27 ч.» (стр. 199, там же), «дворов 55, а людей 38 ч.». Очевидно, здесь в общее число дворов включены и пустующие, так как на двор в среднем не приходится и одного человека».

[42] Подробно об этом см. стр. 128 и след.

как источника для изучения поселений, сами по себе книги не дают возможности воссоздать полной картины. Для этого необходимо составить карту поселений. Особенно необходима такая карта для изучения типа расселения и типа заселения. Сюда относятся вопросы о размерах территории погостов, о характере границ между погостами, о территориях выставок и волосток и о закономерностях их выделения из погоста, о характере группировки деревень, о расположении поселений на местности; сюда же относятся вопросы о различных демографических процессах (перемещения населения по территории, плотность населения, изменения в населенности отдельных районов и т. п.) и, наконец, чисто исторические вопросы: что, например, представляли собой в территориальном отношении новгородские боярщины Поморья.

Ответы на все эти вопросы может дать только карта, вернее ряд карт, составленных по материалам писцовых книг.

Один из первых опытов составления карты поселений по новгородским писцовым книгам проделал в 1914 г. А. М. Андрияшев [43]. Им составлена карта Шелонской пятины XVI столетия, причем на одну и ту же карту наносились поселения различных писцовых книг [44], так как основной источник — писцовая книга М. И. Валуева (1498 г.) — и некоторые другие книги начала XVI в. сохранились лишь в отрывках.

Прием нанесения данных нескольких книг на одну карту чреват неприятными последствиями: не исключена возможность того, что одни и те же поселения, изменившие со временем свои названия, попадут на карту дважды, если тождество их не будет подкрепляться достаточно вескими основаниями (совпадение названия, одинаковое обежное обложение и т. п.). Такую возможность допускает и сам автор. А так как случаи изменения названий поселений встречаются чрезвычайно часто, прием сведения на одну карту поселений из разных описаний нельзя считать удовлетворительным.

В начале 50-х годов аналогичный опыт предпринял А. И. Копанев. Исследуя историю землевладения Белозерского края, он составил 3 карты поселений этой области. 1-ю и 2-ю карту было возможно изготовить лишь по актам

[43] Были еще более ранние работы: арх. Сергий. Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Водской пятины 1500 года. 1905; Н. Н. Нордман. Географическое положение погостов-округов Шелонской пятины по писцовым оброчным книгам 1498 г. «Известия ИРГО», т. XLIV, вып. 8, 1908. Однако большой ценности для нашей темы эти работы не представляют.

[44] См. А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли. М., 1914, стр. XI—XVII.

(конец XV в. и сер. XVI в.), так что они заведомо страдают неполнотой ввиду характера самого источника; 3-я выполнена по писцовым книгам. Различия источников, положенных в основу работы, затрудняют сравнимость поселений по периодам. Это, конечно, не умаляет большой научной ценности географических материалов исследования А. И. Копанева и всей фундаментальной работы в целом, т. к. автор и не ставил перед собой специальных историко-географических задач; цель его работы заключалась в изучении различных форм землевладения Белозерского края в их историческом развитии [45].

Основная причина, побудившая нас наносить на карту данные каждой писцовой книги в отдельности, заключается в той задаче, которую мы себе ставили: проследить развитие поселений и дать динамически ряд карт одного и того же района. Кроме того, в связи с тем, что каждой писцовой и переписной книге соответствует отдельная карта, к опасности неверно локализовать поселение и неверно отождествить его с другим не прибавляется опасность нанести его на карту дважды, что возможно при пользовании методикой Андриашева. Мною составлено 8 карт, охватывающих время с конца XV до начала XVIII в. (за 1496, 1563, 1583, 1620, 1628, 1647, 1718 и 1720 годы; карты помещены в конце работы). Последние две карты являются вспомогательными. Выбор Шунгского погоста был обусловлен большим количеством сохранившихся по нему описаний и, главное, наличием самого древнего описания — Сабуровского (1496 г.).

Составленные по всем документам списки были сличены (т. е. было установлено тождество большинства поселений по всем спискам) и сведены в одну таблицу, которая для мотивировки локализации поселений приложена к работе.

Исходным материалом для составленных мной карт послужили документы Генерального межевания: карты и экономические примечания к ним [46]. По ним были составлены немые карты. Работа заключалась в поисках на карте Генерального межевания селений из писцовых книг и в переносе их на соответствующие немые карты.

Разрыв более чем в одно столетие между концом XVIII в. (1778 г.), когда проводилось Генеральное межевание, и сере-

[45] А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV — XVI вв. М.—Л., 1951.

[46] ЦГАДА, ф. № 33. Карты Генерального межевания, № 67. Генеральный уездный план Повенецкого уезда, 1788 г. В качестве подсобного материала для сверки был использован атлас по тому же уезду.

диной XVII в., от которого дошла последняя переписная книга по Шунгскому погосту, очень велик (переписная Аничковых описывает лишь Фоймогубскую волость, так как, за исключением этой волости, весь Шунгский погост попал во владение Тихвинского монастыря). Подавляющее число старых поселений было переименовано или исчезло вовсе. Этот разрыв частично восполнен данными из первой ревизии, имевшей место в 20-х гг. XVIII в., и еще одним документом несколько более раннего времени — отчетом генерал-майора Матюшкина о переписи селений, которую он осуществил во время своей поездки по Олонецкому краю и дальше на север.

Карты, составленные по ревизским сказкам 1720 г. и отчету Матюшкина 1718 г., служат как бы трамплином в XVII век. Эти карты составлены без особенных затруднений, найдены почти все поселения. Зато разрыв между ними и последней переписной книгой (Писемского) чрезвычайно велик. Дело здесь не только в шестидесятилетнем промежутке времени. Мне еще придется говорить о том, что поселения часто носили два названия, официальное и местное, и что последнее название могло и не попадать в писцовые и переписные книги. Можно так представить себе возникновение этого расхождения. Выезжая на место для составления описания, писец брал с собой предыдущее письмо, называвшееся «приправочным». Наталкиваясь на постоянные изменения названий, которые произошли за время между двумя описаниями, писцы, однако, не были склонны следовать им и вносить путаницу при обежном обложении. В лучшем случае писец приписывал, что деревня «словет» иначе.

Генерал-майор Матюшкин ездил в Обонежье с иными целями; поездка его была связана с предполагавшимися мирными переговорами со Швецией. Вероятно, Матюшкин и не имел под рукой писцовых или переписных книг времен Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. Матюшкин не облагал крестьян налогами, а описывал селения и расстояния между ними, чего, конечно, не было в предшествующих описаниях.

Таким образом, Матюшкин вносил в свою опись реальные названия поселений, значительная часть которых сложилась уже давно, но не была внесена в описания. Удалось, в частности, подметить относящуюся к этому очень любопытную деталь, которая помогла восстановить довольно много поселений писцовых книг. Названия деревень XVIII столетия часто происходят от имен крестьян, живших там в середине XVI в. Особенно много таких имен и прозвищ, перешедших со временем в названия деревень, в книге А. Лихачева. Естественно,

возникает недоумение, почему поселение, называвшееся одним названием, неожиданно получает новое, по имени человека, жившего полтора столетия назад? Кажется, только с помощью высказанной догадки о существовании местных названий и можно объяснить это.

Изменчивость названий является, таким образом, основной помехой при нанесении поселений. О других трудностях (искажение названий писцами, особенно нерусских, неполнота списков и пр.) я уже имел случай говорить в связи с критикой писцовых книг как источника.

Понятно, что вследствие всего этого точное нанесение на карту всех или почти всех селений совершенно невозможно. Вот что писал об этом составитель карты по Шелонской пятине А. М. Андрияшев: «Исследование всех деталей карты приводит, однако, к убеждению, что строгие требования картографии к историко-географическим работам по писцовым книгам вообще не приложимы...»[47].

Да и сама исходная карта Генерального межевания содержит ошибки в нанесении побережий, озер, рек, самих поселений и т. п. Кроме того, за полтора-два столетия происходят иногда значительные изменения в географии края: озера превращаются в болота, болота высыхают вовсе, реки меняют русла. Тем не менее несомненная польза от такой карты заставляет пренебречь всеми перечисленными недостатками.

Теперь перейдем к описанию конкретных приемов установления тождества поселений. Некоторые поселения прослеживались по всем спискам без труда. Например: карта Генерального межевания — «Кундусова»; ревизия, № 90 — «Кулдасова»; Матюшкин, № 35—«Кулдусово»; Писемский, № 1— «Колдусово»; Плещеев, № 44— «Кулдусово»; Лихачев, № 17— «Кулдуево» и Сабуров, № 17 — «Куздосово».

Подавляющее большинство поселений за время с конца XV в. до составления карты Генерального межевания (1778 г.) изменило свои названия.

Одним из существенных соображений при составлении карты было то, что в условиях Севера (для других областей этот прием, возможно, неприменим) положение поселений чрезвычайно устойчиво. Новые поселения чаще возрождаются на пустошах, чем на новых местах. Причина этого — оазисный характер расположения пригодных для обработки участков, затерянных среди болот и лесов; трудности, связанные с новыми расчистками (вырубка леса, корчевка пней, сожжение их, пахота и т. д.). Конечно, новые расчистки и по-

[47] А. М. Андрияшев. Ук. соч., стр. XLII.

чинки имели место, но это обычно особо оговаривалось, так как новосел получал льготу — временное освобождение от налогов. Трудности состояли и в устройстве нового дома и хозяйственных сооружений.

Все это приводит к заключению о большом постоянстве если не самих поселений, то их местоположения, как всех пустошей, так и «мест дворовых» и деревень. Поэтому при сомнительной локализации поселений я всегда предпочитал ставить их на пустоши, имеющиеся поблизости от ориентировочных деревень или урочищ. Например, в списках три или даже только две деревни обычно перечисляются рядом. На карте же имеются подходящие названия для двух из них, а поблизости нанесена безымянная пустошь. В этом-то месте с известной долей вероятности и приходится помещать оставшееся поселение.

Для точной локализации приходилось прибегать к детальному сличению населения дворов по разным переписям, сопоставляя имена жителей с позднейшими названиями деревень. Например, дер. Тимохова (№ 38) [48]. Под этим названием деревня фигурирует на карте Генерального межевания, в ревизии и у Матюшкина. У Писемского, Панина, Лыкова, Плещеева, Лихачева — «за рекою на Валгоме озерке Мелгуевзская»; у Сабурова — «за рекою на Валгоме озере». То, что это одна и та же деревня, с большой степенью вероятности доказывается рассмотрением состава дворов. 1) При Сабурове там жил (во дворе) Ларионик Мелгуев да его дети Ивашко да Тимошка, да Васко. 2) При Лихачеве (во дворе) — Игнатко Тимофеев. 3) При Плещееве (во дворе) — Илейка Игнатьев, Мартьянко Игнатьев. 4) При Лыкове (во дворе) — Офонка Игнатьев, Кондратко Тимофеев и Степанко Илин. Таким образом, все это потомки жившего при Лихачеве Тимошки, сына Ларионика Мелгуева (отмеченного у Сабурова). Отсюда, вероятно, Тимохова, находящееся у Валгома озера.

Другой пример того же рода — деревня Клешево (№ 15). В начале XVIII в. она локализуется быстро: на карте Генерального межевания — Клешево, по ревизии — Клишева, по Матюшкину — Клишова. Дальше я ее отождествляю с деревней, которая называется у Писемского — Лембетово, у Панина — Лем остров, у Лыкова — Лембитова Илишева тож, у

[48] Номер, поставленный после названия деревни, соответствует общему номеру в перечне деревень Шунгского погоста (приложение 2) и номеру на приложенных картах (вклейках).

Плещеева, Лихачева и Сабурова — Лембитова. Отождествление основано на втором названии по Лыкову (Илишева соответствует Клишевой, потому что в скорописи буквы «и» и «к» часто неразличимы), а также на том, что при Лихачеве в Лембитове живет некий Клишко Левонтьев[49].

Другим приемом сличения деревень является изучение порядка их перечисления разными писцами и переписчиками. Дело в том, что, несмотря на наказы, писцы бывали далеко не во всех селениях, а только в некоторых, и ограничивались «сказками» местного населения. Можно даже иногда проследить путь составителя описания, изучив порядок перечисления деревень. Например, известно, что Матюшкин ехал через Шунгский погост с юга на север; действительно, первой описывается Фоймогубская волость — самая южная часть погоста. Начав описание со сравнительно большого селения (Патрово), он затем перечисляет фоймогубские деревни без всякого порядка — то более южные, то северные. Покончив с Фоймогубой, Матюшкин переходит к центральному району погоста (начиная с Нефедова) и тоже перечисляет деревни в полном беспорядке. Затем следует новый скачок — и опять беспорядочное перечисление. К тому же Матюшкин дает иногда расстояния от деревни до другой в верстах. Цифры эти весьма неточны (особенно для отдаленных селений). Складывается впечатление, что Матюшкин останавливался в какой-нибудь деревне, а в другие иногда наезжал, иногда же ограничивался расспросами.

Для первых писцовых книг характерно перечисление дворов по боярщинам, а внутри боярщины писец придерживался большей частью территориального принципа, соседние деревни описывая вместе. В связи с этим применялся прием отыскания поселений по порядку их перечисления в списках. Например, в последних описаниях, а также на карте Генерального межевания три деревни — Филина гора, Подгорская и Береская (см. № 98, 99, 100)[50] — стоят рядом. Первая и последняя из них без труда прослеживаются вплоть до древнейшей книги, а Подгорскую саму по себе отыскать не удается. Однако замечаем, что по месту расположения Подгорской соответствует Таквинская Туроносова, которая находится, по письму Писемского, Панина, Лыкова и Плещеева, между найденными двумя деревнями. Правда, по двум древним книгам деревни эти перечислены не рядом; как я уже говорил, для

[49] Еще такие же примеры см. в таблице (приложение 2), № 77, 85, 86 101 и др.

[50] Приложение 2.

этого времени характерен иной принцип перечисления — по боярщинам.

Вариантом этого приема является случай, когда устанавливается тождество целой группы поселений с группой же поселений другого описания. Хотя по отдельности признаки таких деревень, может быть, и не совсем совпадают, целый ряд этих признаков в сочетании с одинаковым порядком перечисления может оказаться достаточным для локализации.

Существенную помощь для отождествления непохожих по названиям деревень из разных описаний могут оказать цифры обежного обложения, так как они редко менялись[51].

Например, на карте, в ревизии и у Матюшкина имеется деревня Лахнова. Вплоть до Сабурова эта деревня прослеживается легко: Писемский — «Вячевская Вяхново у Валгома озера», Панин — «Вячевская Вяхново у Валгома озера», Лыков — «Вачевская Лахнова у Валгома озера», Плещеев — «Вачевская Лахнова у Валгома озера», Лихачев — «у Валгома озера словет Лахановская на берегу». Но дальше след обрывается: у Сабурова не находится деревни с подходящим названием. Можно было бы предположить, что деревня возникла между описями Сабурова и Лихачева, но обычно писцы сообщают в таких случаях, что деревня «встала внове после писцов» или записывают возникшее поселение починком. Найти у Сабурова эту деревню помогает порядок перечисления деревень (Лахановской у Лихачева соответствует Волосову у Сабурова), а главное, число обеж: обе деревни обложены в 2 обжи с третью. Оба эти наблюдения, взятые вместе, с моей точки зрения, вполне достаточны для локализации[52].

Наконец, положение на карте некоторых поселений определено с помощью ориентиров: указано озеро, река, на которых находятся селения. Так определены, например, деревни «на Шунскому острову» (которого, впрочем, на карте Генерального межевания нет, но в Шунской губе есть остров, а на нем отмечена пустошь). Бывает указано также, что поселение расположено близ другого, уже локализованного селения («у Большого Двора на подоле», «у погоста в наволоке»), или — это относится к описанию Матюшкина — даны расстояния в верстах (обычно очень неточные) от погоста или от других деревень.

Как уже говорилось, часть поселений не может быть точно локализована. Встает вопрос, не лучше ли отбросить все спор-

[51] См. А. М. Андриашев. Ук. соч., стр. XXXIX. Менялись они в тех случаях, когда изменялись размеры участков, приписанных к деревне.

[52] Подобные же примеры см. приложение 2, № 80, 81 и др.

ные случаи и ограничиться достоверно населенными селениями? Мне кажется, что это было бы неверно. Цель составления приложенных карт заключается не только в том, чтобы установить размещение древних деревень, границы погоста и боярщин, но также и в том, чтобы наглядно представить степень населенности территории, изменения в степени населенности, перемещения населения и прочие демографические процессы. Но, с другой стороны, от смешения достоверно и недостоверно локализованных селений произошла бы путаница. Поэтому, для того чтобы сразу была видна степень достоверности локализации, применено различное изображение населенных мест. Сплошной заливкой пунсона показаны поселения, определенные на карте довольно точно, половинной заливкой пунсона — локализованные приблизительно.

Дополнительную группу источников составляют акты[53]. Этот источник, впрочем, занимает в работе сравнительно небольшое место. В отличие от писцовых книг и карт Генерального межевания, это случайные документы, которые описывают какой-нибудь один случай, прецедент, событие. Заонежские акты разнообразны: это царские грамоты, грамоты архиепископов, разводные и межевые грамоты на землю и угодья между феодалами (главным образом монастырями), таможенные грамоты, всевозможные купчие, данные, закладные, отписи разного рода, духовные, челобитные (мирские и отдельных лиц, в том числе изветные), поручные записи и т. п.

По сравнению с писцовыми книгами, акты имеют много недостатков и свои значительные достоинства. Пользуясь только актами, нельзя делать статистически надежных выводов, так как они отрывочны и не единовременны; но, с другой стороны, писцовые и переписные книги несравненно однообразнее актов. Последние охватывают самые различные стороны жизни — от царских указов о войне и мире до жалобы какого-нибудь коновала на крестьянина, которому он «желец под щеками вычищал», а денег за лечение не получил[54].

Акты позволяют довольно ясно представить жизнь заонежской деревни, ее общественный строй. Большое преимущество этого источника еще и в том, что в то время как писцовые книги не идут дальше конца XV в., акты по Заонежью относятся иногда и к значительно более раннему времени. Акты

---

[53] Наиболее полное источниковедческое исследование актового материала принадлежит Л. В. Черепнину «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.», ч. I. М., 1948 и ч. II, 1951.

[54] Сб. «Карелия в XVII в.». Петрозаводск, 1948, № 112, стр. 172.

нуждаются в осторожной проверке, так как имеется некоторое число подложных документов, но и они представляют своеобразный интерес.

Ясно, что лучшим приемом будет одновременное использование и писцовых книг и актов, так как один вид источников дополняет и обогащает другой. Кроме того, так достигается их взаимная проверка.

Глава II

ТЕРРИТОРИЯ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

В конце I и начале II тысячелетия нашей эры Заонежье так же, как и остальная часть восточноевропейского Севера, было населено племенами, говорившими на языках угро-финской языковой семьи. На Онежском перешейке, по юго-восточному берегу Ладожского и по берегу Онежского озер жило племя, известное в наших летописях под именем «весь»; к востоку за водоразделом, в бассейне рек Онеги и Северной Двины обитала загадочная «чудь заволоцкая»; начиная с середины XII в. на Карельском перешейке отмечается «корела». На Крайнем Севере жили саамы (лопари). Сведения об этом населении сохранились отчасти в тех отрывочных и неполных рассказах, которые дают нам русские летописи, грамоты, жития святых, отчасти в названиях местности — топонимике, отчасти в народной памяти — преданиях.

Таковы данные русских источников. С другой стороны, западноевропейские источники, — в частности, скандинавские и англосаксонские — тоже дают некоторые известия о северном Поморье. Уже применительно к XI в. скандинавские источники говорят о Карелии. Еще раньше скандинавские скальды рассказывают о фантастической богатой стране Биармии, с которой купцы завязали торговые отношения. В англосаксонском переводе Оросия сохранился рассказ норвежца Оттара, который в конце IX в., обогнув Кольский полуостров, побывал на Беломорском побережье.

Позднее, в X в., в Биармию заплывали Эйрик Кровавая Секира вместе с Торольфом, Гаук Ястреб, Одд с Гудмундом и Сигурдом, Харальд Заячий Мех. В 1026 г. к берегам Биар-

мии совершил торговое плавание норвежец Торир Собака. Торговля окончилась грабежом, как это нередко случалось со скандинавскими пиратами. В том же XI в. в Биармию плавал Хакон. Следующие экспедиции относятся уже к XIII в.[1].

Локализация Биармии и этническая принадлежность ее населения вызвала довольно значительную литературу, разбор которой не входит в задачи настоящей работы. Замечу все же, что в одной из своих последних работ Д. В. Бубрих высказал мысль, что «заволоцкая чудь» — нечто созерцаемое со стороны западного и юго-западного входов в Заволочье, а Bjarmaland, Beormas — то же самое, созерцаемое со стороны Белого моря»[2].

Что же касается термина «чудь», то, по-видимому, русские летописцы не слишком вдавались в этнические различия финских племен и называли так довольно широкую и неопределенную группу племен[3]: сюда входили и предки современных эстонцев, и так называемая «чудь заволоцкая» южного Беломорья. Сказания о чуди известны по всему Северу; не говоря о русских, их знают коми, лопари, ненцы.

По мнению Д. В. Бубриха, восточная группа веси (заволоцкая чудь, биармийцы) исчезла очень рано, растворившись в массе русских переселенцев, западная часть вошла позднее в состав карельского народа (людики и ливвики), а южная (белозерская) — сохранилась до наших дней в виде изолированного этнического островка — вепсов.

О месте сложения карельского племени единого мнения нет, хотя разногласия и невелики. Д. В. Бубрих, А. И. Попов выдвигают западное и северное побережье Ладожского озера, В. И. Равдоникас — северо-восточное побережье того же озера[4].

В летописных описаниях этнических взаимоотношений в Заонежье иногда упоминается емь — племя, позднее вошедшее в состав финской народности. Отдельные группы еми воевали «во Олонци», как сообщает, например, летопись под 1228 г.[5].

---

[1] Подробности всех этих путешествий описаны у К. Тиандера («Поездки скандинавов в Белое море». СПб., 1906).

[2] Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, стр. 28.

[3] Там же, стр. 29, 30.

[4] См. А. И. Попов. Из топонимики Карелии. «Природные ресурсы, история и культура Карело-Финской ССР», вып. I. Петрозаводск, 1949, стр. 101.

[5] Синодальний список 1228 г. Новгородская первая летопись. М.—Л., 1950, стр. 65.

В северной части Поморья жили лопари-саамы («лопь» или «лопяне» по древнерусской терминологии). Места их обитания были значительно южнее современных: судя по топонимике, расселение саамов захватывало южные берега Белого моря и примыкало к Онежскому и Ладожскому озерам. Не говоря о распространенности терминов типа сума, сумской и т. д., которые являются отражением этнонима саамов, название лопь также широко распространено на Севере, оно встречается, например, в топонимике Шунгского погоста (см. на прилагаемых картах названия лопский (или лобский) песок, Лопская матка). Подобные названия встречаются и в некоторых других погостах[6].

«Лопь» очень рано попала в зависимые отношения от соседей. «Лопарскую дань» взимали разные этнические группы, частично она переходила из рук в руки. Первоначально, по мнению Д. В. Бубриха, установили ее квены — одна из групп еми. Затем эту дань собирали (в пределах современной Карелии) так называемые «пять родов карельских детей» (рокульцы, вальдольцы, каргольцы, тиврульцы и вымольцы), переселившиеся на север в XIII в.; позднее она перешла к русским.

Такова была та этническая среда, с которой столкнулись новгородцы при продвижении на северо-восток.

* *
*

При первом взгляде на карту становится ясно, что только реки могли быть в XI—XIV вв. дорогой, по которой устремился поток новгородских колонистов. «Тележных дорог» не было. Для того чтобы перебраться из бассейна одной реки в другой, приходилось переходить сузем (лесной водораздел) волоком.

Путь новгородцев на северо-восток шел по рекам Волхову и Свири в Онежское озеро. От Онежского озера дальше на север и восток вело несколько путей. Первый, по-видимому, основной, — рекой Водлою, которая впадает в озеро, Кенозером и рекой Кеной на Онегу. Позднее, в середине XVI в., этот путь уже потерял свое значение, но еще в конце XV столетия по нему, видимо, шли многочисленные торговцы, так как писец Сабуров счел возможным обложить волочок оброком. Вот

---

[6] В Вотской пятине «Лопские погосты» были вплоть до середины XVII в. См. ниже.

что пишет об этом писец Лихачев, описывавший Заонежье в 1563 г.: «Да в Водлезерском же погосте на Настасьинской земле на Мышьих Черевех волочек Кемской, а через тот волочек торговые люди из Ноугородцкие земли ходят с товаром в Заволоцкую землю, а из Заволоцкие земли в Ноугороцкие земли водяным путем в судех, а великого князя крестьяне Настасьинские волости на Мышьих Черевех через тот волочек товар волочат, а найму емълют з беремяни по денги. И на тот волок писец Юрьи Констянтинович положил оброку 4 гривны, и тот волочек ныне пуст, а гости тою дорогою ныне не ездят, — ездят новою дорогою»[7]. По Онеге шли до моря или переходили по Емце на Северную Двину.

Второй путь на Онегу шел по реке Вытегре, которая впадает в Онежское озеро, затем волоком на озеро Лаче и оттуда к Каргополю на Онегу. Именно эта дорога и вытеснила первый путь. Кроме этих главных дорог позднее возникли пути прямо на север к Белому морю. Один — по берегам Онежского озера, дальше волоком к Маткозеру и через Выгозеро; другой путь шел через г. Корелу по берегу Ладожского озера, затем по земле «дикой лопи» к западному берегу Белого моря[8].

Характер этнических взаимоотношений между русскими переселенцами и местным населением Поморья получал различное освещение.

Описывая массовое переселение новгородских славян на северо-восток, в Поморье, большинство дореволюционных историков игнорировало этническую среду, в которую попали переселенцы. Так обстояло дело не только с Поморьем, но и со всей средней полосой страны, где роль аборигенных финских племен в сложении русской культуры также не принималась во внимание. Характерны высказывания Н. Полевого, не признававшего финнов «народом, входящим в состав гражданского нашего общества»[9], С. Соловьева, рассматривавшего передвижение русских на Север как «мирное занятие земли, никому не принадлежащей»[10].

В 20-х годах Д. К. Зеленин выступил со статьей «Принимали ли финны участие в образовании великорусской народ-

---

[7] Писцовые книги Обонежской пятины. Л., 1930, стр. 177.

[8] «Очерки по истории колонизации Севера и Сибири». Пг., 1922; С. Ф. Платонов. Новгородская колонизация Севера. стр. 27.

[9] Н. Полевой. История русского народа, изд. 2, т. I. М., 1830, стр. 63.

[10] С. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, т. I, гл. I. Изд. «Общ. Пользы», СПб., б/г., стр. 11.

ности?» и дал отрицательный ответ на поставленный вопрос[11]. По мнению автора, народы угро-финской языковой семьи уходили со своих исконных мест под натиском русских либо без сопротивления, либо после сражений, которые они проигрывали.

Целый ряд историков исходил из того, что, находясь на низком культурном уровне, «туземцы» не могли внести значительного вклада в русскую культуру, однако эти историки допускали значительное смешение аборигенов с переселенцами (Карамзин, Бестужев-Рюмин, Ключевский, Платонов, Соболевский и др.).

В первое десятилетие после Октябрьской революции появился ряд работ с противоположной тенденцией — по возможности преувеличить роль угро-финнов в этногенезе великорусов, особенно северных. М. Н. Покровский, например, полагал, что неславянская примесь составляет у русских чуть ли не 80%[12]. Некритически преувеличивали также роль финнов В. А. Егоров[13], М. Т. Маркелов[14].

Обе эти точки зрения ошибочны. В первой сквозит презрение к «инородцам», «диким финнам», которые «прозябают» на Севере (Полевой); во второй — стремление обособить русский народ от других славянских народов и в первую очередь от украинского, и от общего прошлого Киевской эпохи (Грушевский).

При анализе русско-финских отношений, как и других этнических отношений, следует исходить из бесспорного в исторической науке положения о смешанном происхождении всех современных наций.

Летописные известия о карелах рисуют нам их взаимоотношения с русскими в подавляющем большинстве как мирные и союзнические. В летописях описываются совместные с нов-

---

[11] Сб. Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей, т. I. Л., 1929, стр. 96—107. И в позднейшей работе Д. К. Зеленин не отказывается по крайней мере от своего основного вывода (Д. К. Зеленин. Об исторической общности культуры русского и украинского народов. «Советская этнография», сб. III, 1940, стр. 23—24).

[12] См. М. Н. Покровский. Образование Московского государства и великорусская народность. «Историческая наука и борьба классов», вып. 1. М.—Л., 1933, стр. 284.

[13] См. В. А. Егоров. Движение новгородских финнов на Юг. Сб. ЛОИКФУН, I. Л. 1929, стр. 109—123.

[14] См. М. Т. Маркелов: К вопросу о культурных взаимоотношениях финнов и русских. «Этнография», 1930, № 1—2, стр. 57—62.

городцами оборонительные бои и походы на емь, шведов[15], участие карелов в междоусобицах[16] и т. п. Чудь, вепсы, водь, карелы, часть чуди входили непосредственно в «метрополию» Новгорода, т. е. были расселены в пределах известных пятин. Под 1270 г. в летописи говорится о кореле, как об одной из волостей Новгорода [17]. О древних и тесных связях говорит и то, что в самом Новгороде были Чудинцова улица, Чудинцовы ворота и т. п. Имя Чудин встречается и в позднейших исторических документах Новгородской земли, в том числе и в Заонежье[18].

Процесс христианизации сблизил русских и карелов в противовес еми и суми, которые получили христианство от шведов.

Чудь заволоцкая населяла, как было сказано, Заволочье. Несмотря на то что исторические свидетельства довольно глухо говорят нам об отношениях русских и чуди, у нас нет оснований для утверждения о полном истреблении этой последней этнической группы. Были, однако, приверженцы этого взгляда. Они основывались на факте «исчезновения» чуди, на некоторых летописных свидетельствах о борьбе чуди с русскими и на фольклорных данных — разнообразных преданиях о гибели чуди, о ее погребении в ямах и т. д. (Едемский — Вологодская обл.; Эйхвальд, Ефименко — Архангельская обл. и др.). Подобные легенды были занесены за Урал и даже на Алтай и в Сибирь.

Авторы, высказывавшие подобные суждения, не учитывали чрезвычайно низкой плотности и, следовательно, сравнительной малочисленности чуди заволоцкой, как и других северных племен. Следует иметь в виду, что в значительной степени эти племена вели охотничий и рыболовецкий образ жизни; доля подсечного земледелия в хозяйстве была невелика. Известия древних норвежцев о развитой земледельческой культуре и многочисленном населении биармийцев довольно фантастичны.

Иногда хозяйство коренного финского населения вкратце описывалось в житиях святых. Жития описывают лопь и чудь

---

[15] Новг. 1, под 1191 г. ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, стр. 20; Новг. 1, под 1241 г., там же, стр. 53; Новг. 1, под 1253 г., там же, стр. 55 и т. д.

[16] Ерм. под 1149 г.; Новг. 1, под 1270 г. и т. д.

[17] Новг. 1, под 1270 г. ПСРЛ. СПб., 1841, стр. 62.

[18] Напр., «Наказная память дьяков Чюдина Митрофанова с товарищами подьячему Василию Данилову». Материалы, стр. 165.

как «сыроядцев», ведущих полукочевой образ жизни[19]. Есть основания считать, что для расчистки лесов под нивы чудь применяла подсеку[20]. О поджоге леса для получения «хорошо удобренной» золой пашни говорят этнографические описания еще в XIX в.[21].

Новгородские славяне двигались на север, располагая богатой земледельческой культурой; плотность и численность населения на юге в Поднепровье и даже в Новгороде была несомненно выше, чем у финно-угорских насельников Севера. Не только многочисленность, но также и культурное превосходство русских обеспечило быструю победу русской культуры, русского языка и поглощение разрозненных незначительных чудских групп.

В постоянном процессе общения русских с племенами финской группы местный русский язык пополнился целым рядом слов: сельга (возвышенность, невысокий хребет), лахта (залив), пялда(нива), салма (пролив) и др. Слова эти и поныне встречаются в разговорной речи русского населения Заонежья, Архангельской области и других областей Поморья.

Огромный след оставили аборигенные этнические группы в топонимике, о чем речь будет ниже. Островки чуди долго еще встречались среди плотной русской массы. Сравнительно еще недавно, в конце XIX столетия, часть местного населения в районе Водлозера вела свое происхождение от чуди[22]. И в некоторых других областях Севера население иногда указывало на отдельные крестьянские семьи, как на потомков чуди.

В связи со всем сказанным русское население Заонежья и всего Поморья представляется в большинстве своем русским по происхождению, правда, с известным включением финского этнического компонента, особенно на водоразделах.

Движение русских на Север носило прогрессивный характер; происходило приобщение местного населения к более вы-

---

[19] Житие Лазаря Муромского. Е. В. Барсов. Преподобные Обонежские пустынножители. Материалы для истории колонизации и культуры Обонежского края. «Памятная книжка Олонецкой губ. за 1868—1869 гг.». Петрозаводск, 1869, стр. 28 и 30. «Русские святые, чтимые всею церковью или местно». Чернигов, 1861, март, стр. 54—66.

[20] Житие Кирилла Челмогорского. Е. В. Барсов. Преподобные Обонежские пустынножители. «Памятная книжка Олонецкой губ. за 1868—1869 гг.», стр. 23.

[21] Напр., С. Приклонский. Народная жизнь на Севере. М., 1884.

[22] См. Н. Н. Харузин. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда. «Олонецкий сборник», т. III. Петрозаводск, 1894, стр. 306.

сокой культуре (высокая земледельческая техника, строительство и т. д.) [23]. Это было, в общем, мирное переселение, если иметь в виду массовую крестьянскую колонизацию. Что же касается боярской колонизации с сопутствующими ей грабежами ушкуйников, то отдельные вооруженные столкновения действительно имели место.

Об этническом составе Заонежья в XVI—XVII вв. будет сказано особо.

Заселение русскими Поморья было, разумеется, не единовременным актом, а совершалось постепенно. Заонежье, так же, как и земли, расположенные к югу от Онежского озера, прежде других частей Поморья было освоено новгородцами и стало базой для дальнейшего их продвижения.

Отрывочные сведения о новгородских походах в Поморье, в том числе и в наиболее отдаленные его области, относятся уже к концу XI в.

К этому времени относит летописец знаменитое хождение отроков новгородца Гюряты Роговича на Печору, к середине XI столетия — поход на емь, к началу XII столетия (1114 г.) — поход через Обонежье и Заволочье «в печеру» и «в югру»[24].

Со второй половины XIII в. (1265 г.) в договорных грамотах с князьями в качестве одной из волостей новгородских начинает упоминаться Терский берег на Кольском полуострове, а затем и Кола; корела, как волость Новгорода, упоминается уже под 1270 г.[25].

Однако не все эти известия отражают, вероятно, прочное расселение русских на Севере; речь идет лишь о сборах дани (видимо, нерегулярных) с подвластных племен. Чтобы выступать в дальние походы на северо-восток (Печора) и северо-запад (Терский берег), новгородцам нужно было закрепиться в Заонежье.

Раннее проникновение новгородцев в Заонежье доказывается уже самим административным делением, которое зафиксировано древнейшими писцовыми книгами после присоединения к Москве. Заонежье было единственной областью Поморья, которая входила непосредственно в новгородские пятины, составляя Заонежскую половину Обонежской пяти-

---

[23] Так, в карельском языке отмечается много заимствований из русского; многие слова, обозначающие части построек, посуду, утварь,—русского происхождения (А. Соборнов. К истории культуры Олонецкой корелы. «Олонецкий сборник», вып. I. Петрозаводск, 1875—1876, стр. 129).

[24] ПСРЛ, т. I, стр. 107.

[25] Новг., I, ПСРЛ, стр. 62.

ны. Б. А. Рыбаков, анализируя «Устав Ярослава о мостех», связывает образование «областных» территорий с новгородскими сотнями[26].

Наиболее ценный источник для определения древнего новгородского расселения в Заонежье — Уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича, относящаяся к 1137 г.[27]. В ней перечисляются поселения по южному и восточному берегам Онежского озера, по берегам Онеги, Двины, Пинеги. Грамота позволяет выделить северо-восточные пределы новгородской государственной территории. С востока она ограничена Двиной с правыми притоками (Пинегой и Тоймой), а с юго-востока — Сухоной.

Устав — документ исключительный и очень важный. Со времен Барсова устав толковали просто, считая, что в нем перечисляются все те местности, которые к тому времени были заселены новгородцами. В таком выводе имеет место смешение разных, но часто совпадающих процессов — расширение этнической территории и государственной территории. В данном случае подчинение части Поморья новгородской власти еще не означает коренного изменения этнического состава населения. Последнее могло произойти лишь при массовом переселении крестьянства.

Б. Д. Греков высказал гипотезу, что перечислены отнюдь не все поселения новгородцев, обратив внимание на то, что перечисленные поселения разбросаны на очень большом расстоянии друг от друга: «Очень мало вероятно, чтобы «колонизация» шла такими огромными и ничем неоправдываемыми скачками. Несомненно, что между Тихвином и Онегой были и другие земли, принадлежавшие новгородцам. Но самое главное возражение против толкования Устава Барсовым падает не на эти шаги колонизации, а на необходимость прибегать к «колонизации» вообще для объяснения «Устава». Без «колонизации» «Устав» объясняется, как мне думается, лучше. Перед нами не славянская колонизация, а освоение земли и сидящего на ней населения без различия этнических его особенностей вооруженными дружинами новгородской знати, тоже без различия этнической ее принадлежности»[28].

Исследователи (М. К. Любавский и др.) обратили внима-

---

[26] См. Б. А. Рыбаков. Деление новгородской земли на сотни в XIII в. «Исторические записки», 1938, № 2, стр. 142.

[27] См. М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права. Киев, 1876, стр. 219—220.

[28] Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 299—300 (сноска).

ние на то, что часть географических названий происходит от личных имен, возможно, прежних собственников этих владений, которые, по их предположению, перешли в собственность Святослава после изгнания Всеволода. К таким названиям причисляют следующие: Волдута, Тудор, Иван, Спирк, Вихтуй, Чюдин, Лигуй, Вавдит, или Валдит и др. Некоторые из перечисленных имен совпадают с именами, встречающимися в договорах (Спирк—Сфирк, Тудор—Тудор, Лигуй—Лидул). Таким образом, возникает предположение, что все упоминаемые в грамоте погосты были установлены святославовыми предшественниками, т. е. обложены «оброками и данями».

К территории Заонежья (не считая поселений Обонежского ряда) относятся только два погоста из перечисленных в Уставе: Тудоров и Волдутов (а может быть и «у Вавдита»). В XVI—XVII вв. район Водлозера, где историки определяют положение Волдутова погоста, был самым малонаселенным и отсталым (см. таблицы, показывающие заселенность Заонежья, стр. 104—105). Тудоров погост локализуют на месте позднейшего Андомского; эта область тоже не была в числе густонаселенных. Трудно допустить, чтобы в XII в. были населены лишь эти местности северо-восточного Заонежья, а более удобные и ближайшие к Новгороду земли пустовали.

Если принять такое толкование грамоты и согласиться с тем, что территория, подчиненная Новгороду, была шире, то тогда придется передвинуть также хронологическую границу колонизации некоторых областей Поморья и, в частности, Заонежья к самому началу II тысячелетия нашей эры.

Исследуя Уставную грамоту, А. Н. Насонов усматривает в самом противопоставлении «Обонежского ряда» перечисляемым погостам указание на разновременность сложения территории. Обонежский ряд, который доходил до южного побережья Онежского озера и захватывал западное течение Свири, представлял собой первый этап освоения территории Заонежья, перечисленные перед ним погосты — следующий. В подтверждение этого вывода говорит различный принцип раскладки налога для этих двух территорий[29]. Образование Обонежского ряда А. Н. Насонов датирует 40-ми годами XI в.[30]. Одним из первых приращений к территории Обонежского ряда было становище «на Спиркове», которое А. Н. На-

[29] См. А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 94.

[30] См. там же, стр. 74, 94 и сл.

сонов локализует в местности, где был расположен позднее Остреченский погост[31].

Самый характер проникновения новгородцев в Поморье и классовый состав колонизации до сих пор не получили единой оценки у историков. Я могу здесь лишь перечислить основные точки зрения.

Большинство исследователей[32] рассматривало первоначальную колонизацию как набеги ушкуйников, военно-промышленных дружин. Вслед за ушкуйниками одни исследователи ведут боярскую колонизацию (А. Я. Ефименко, А. И. Андреев, С. Ф. Платонов), другие — крестьянскую (М. М. Богословский), третьи и ту и другую вместе взятые (С. В. Рождественский).

А. И. Никитский, а за ним А. С. Лаппо-Данилевский главную роль в колонизации отводили монастырям и крестьянству, подчеркивая стихийный ее характер.

Как уже было выше отмечено, комментируя «Устав» Святослава Ольговича, Б. Д. Греков высказал мнение, что в нем отражено освоение земли и сидящего на ней населения вооруженными дружинами новгородской знати[33].

Наконец, А. П. Шурыгина колонизационное первенство отводит просто крестьянам-смердам, за которыми, по ее мнению, лишь в XIII в. устремляется боярская колонизация, т. е. начинается феодальный захват земель[34].

Следует сказать несколько слов о термине «колонизация». Этим термином часто определяют разные явления. Иногда колонизацией называют расширение этнической территории, иногда — распространение государственной власти на вновь захваченные земли, наконец, так же называют заселение пустующих, никем не занятых земель. А. Н. Насонов не отождествляет колонизацию (расширение этнической территории)

---

[31] См. А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 99—100.

[32] См. В. О. Ключевский. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря. Опыты и исследования. М., 1912, стр. 6—7; М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., стр. 1—2; А. И. Андреев и С. Ф. Платонов. Очерки Новгородской колонизации Севера. «Очерки по ист. колонизации Севера», вып. I, 1922, стр. 29; А. Я. Ефименко. Крестьянское землевладение на Крайнем Севере. «Исследования народной жизни». М., 1884, стр. 192—193.

[33] См. Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 229—300 (сноска).

[34] См. А. П. Шурыгина. Новгородская боярская колонизация. Уч. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. Герцена, т. I, вып. 78, 1948, стр. 31—62. Такой же взгляд высказан автором в кандидатской диссертации: «Новгородская боярская вотчина в XV веке (боярская вотчина Борецких)», ч. II. Л., 1948, гл. I и II.

и распространение государственной власти[35] и впервые показывает на обширном материале, как росла государственная территория с сетью погостов на Севере.

Социально-экономическая сущность «колонизации» бывает различна. Дореволюционные исследователи не отмечали того факта, что «крестьянская», «боярская» и «монастырская» колонизации — явления различного порядка. В первом случае — массовое крестьянское переселение обычно мирное — это процесс расширения этнической территории, в другом (боярская и монастырская колонизация) — это феодальный захват земель (будь то целый округ или одна деревня), возможно, без существенного изменения этнического состава населения. В первом случае — процесс главным образом этнический, во втором — социально-экономический.

Рассказы о боярской инициативе в захватах земель, подобные описанному под 1342 г., встречаются в новгородских летописях. Вполне естественно, что в иных случаях колонизация могла начаться по инициативе именитых новгородских бояр. Подобные грабительские экспедиции требовали значительных средств на снаряжение ушкуев, оружие и т. п.; дороги проходили по глухим и опасным местам. Понятно, что отдельным рядовым новгородским горожанам или земледельцам-смердам все это было не под силу.

Другой формой приобретения боярами земель была покупка. Прекрасный пример такого рода мы имеем по Ваге, где боярин Василий Матвеев, попытавшись вначале захватить Шенкурский погост и потерпев неудачу, вынужден был «урядиться рядом» с местными жителями и откупиться от них огромной суммой, внеся двадцать тысяч белок. Я еще вернусь впоследствии к этому документу; сейчас же отмечу, что и до боярина Василия Матвеева уже кое-кто урвал некоторые куски погостской земли («а хто будет вкупился в ту землю в том заводе, а те знают своих продавчов в тых кунах»[36]).

Что касается крестьянства, то первоначально оно группируется вокруг отдельных заимок, богатых рыбных промыслов, соляных варниц. Основа крестьянского землевладения — трудовой захват. Где почва и климат благоприятствуют земледелию, появляются «орамые земли». Землепользование в Поморском крае было мелким, оазисным, что контрастировало с

---

[35] См. А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства, стр. 6.

[36] ГВНП, № 279, стр. 279—280 (1315—1322 гг.).

крупным землевладением — большими боярскими вотчинами. Владельцы больших феодальных вотчин жили в Новгороде и управляли оттуда своими боярщинами, которые были разбросаны не только по разным погостам, но и по разным землям и пятинам на огромных расстояниях одно от другого.

На новую землю, в новые географические условия новгородские крестьяне приносили старые земледельческие традиции. Если новые условия и старые традиции приходили в некоторое противоречие, хозяйственный уклад несколько менялся, так было, например, на Беломорском побережье.

Начиная с XII—XIII столетий получает некоторое развитие и монастырская колонизация, особенно развернувшаяся в последующие века.

На первых порах монастырская «колонизация» не могла носить массового характера. Жития святых, летописи и акты рисуют нам обычно образование пустыни каким-нибудь подвижником в глухом, безлюдном месте. Спустя значительное время вокруг его пустыни группируется монастырек, постепенно скупающий соседние земли или получающий на них дарственные грамоты от царя или боярина, которые жаловали села на помин своих душ. Жалкий кусок земли, обрабатывавшийся самим иноком, превращается со временем в большое хозяйство с многочисленным монастырским причтом, зависимым населением. Монастырь становится крупным феодалом, который эксплуатирует труд «детенышей», крестьян, бобылей, «казаков» (бедных наемных работников) и т. п. Так проходило образование и небольших монастырей, таких, как Муромский, основанный в XIV в. иноком Лазарем, а позднее, в XV столетии, получавший земельные пожалования от новгородских князей и посадников. Так проходило и образование огромного Соловецкого монастыря, о чем более подробно сказано в главе, посвященной землевладению.

Крупные, экономически сильные монастыри стягивали к себе население, которое скиталось из-за неурожаев, тяжелых налогов, «вир и продаж», разорения со стороны иноземцев и т. п.

До сих пор, говоря о русской колонизации Поморья, я имел в виду переселение новгородцев. Был и другой поток русских переселенцев на Север; он шел из Низовской земли — княжеств Волго-Окского междуречья. Низовская колонизация началась в середине XII в.; в отличие от новгородской колонизации, она не распространялась на всю поморскую территорию и почти не затронула Заонежье. Тем не менее и она сыграла

значительную роль в истории и культуре края и подготовила события конца XV в., когда объединение Русской земли охватило и Север.

Об экономических последствиях присоединения северных новгородских владений к Москве, относящихся к землепользованию и землевладению, будет сказано в главе, посвященной этому вопросу; что же касается общих политических последствий, в частности для Заонежья, то они были тоже значительны. Колонизация из Новгорода остановилась. Раньше торговые пути Поморья в подавляющей части проходили через Онежское озеро, теперь же Заонежье оказалось в стороне. Торговые пути перешли на Северную Двину, Вагу, Сухону. Эта изоляция Заонежья оказалась еще более сильной после перенесения основного центра по торговле с Европой с Кольского полуострова в специально выстроенный для этого порт Архангельск; в Подвинье же присутствие иностранных купцов содействовало экономическому оживлению.

* *

Первые писцовые книги, дошедшие до нас, застают деления собственно новгородской территории на пятины: Шелонскую, Бежецкую, Водскую, Деревскую и Обонежскую. Интересующая нас Обонежская пятина делилась на половины — Заонежскую и Нагорную. К востоку от Заонежской половины простирались бывшие владения Новгорода, не входившие непосредственно в метрополию.

В XVII в. большая часть Заонежских погостов была выделена из Новгородской земли и вошла в состав Поморья в качестве одного из уездов.

В наше время Заонежьем называют главным образом северное побережье Онежского озера — Заонежский полуостров. В XV—XVI вв. этот термин обнимал большую территорию. Заонежская половина Обонежской пятины не только покрывала территорию, лежащую вокруг Онежского озера, но и уходила далеко на юг, занимая все течение рек Свири и Ояти, восточное побережье Ладожского озера, течение Волхова и подходя вплотную к самому Великому Новгороду.

На севере Заонежье доходило до «Студеного» Белого моря, охватывая побережье от устья реки Шижмы на западе и до устья Унежмы и включая озера: Мунозеро, Сандал, Выг-

озеро, реку Выг. На востоке граница охватывала Водлозеро, р. Водлу и ее притоки и уходила на юго-запад примерно по водоразделу между бассейном Онежского озера и левыми притоками реки Онеги и реками, впадающими в Белоозеро.

По самой древней полной писцовой книге 1582—1583 гг. письма Андрея Васильевича Плещеева и подьячего Семейки Кузмина, в Заонежскую половину Обонежской пятины входили следующие погосты: Деревяницкой, Веденской-Хутынской, Иванской на Волхове, Петровской на Волхове, Онтоньевской на Волхове, Коломенской на Волхове, Полиской на Волхове, Ондреевской-Грузинской, Солетцкой на Волхове, Никольской-Городишской на Волхове, Михайловской на Волхове, Ильинской на Волхове, Васильевской на Волхове, Климетцкой на Волхове; Никольской на Сяси, Рождественской на Сяси, Богоявленской на Сяси, Троецкой на Златыне, Воскресенской на Маселге, Рождественской на Вороной, Рождественской на Паше, Веденской на Ояти, Никольской на Ояти, Рождественской на Олонце, Дмитриевской в Сотцких, Михайловской в Гедевичах, Имоченицкой на Ояти, Рождественской в Пиркиничах, Воскресенской в Важенях, Никольской на Шуе, Никольской в Ярославичах, Ильинской в Веницах, Рождественской в Остречинах, Спасской в Кижах, Егорьевской в Толвуе, Никольской в Шунге, Спасской на Выгозере, Никольской на реке Оште, Рождественской на реке Мегре, Покровской на Вытегре, Спасской на реке Шале, Петровской в Челможе, Никольской на реке Андоме, Никольской в Пудоге, Рождественской на Водлозере[37].

Другая же половина той же Обонежской пятины — Нагорная — охватывала погосты, лежащие к югу от основной массы Заонежских погостов и к востоку от погостов, расположенных по Волхову. С востока ее ограничивали пределы Бежецкой пятины.

В XVII в. Заонежская половина стала именоваться просто Заонежскими погостами и несколько сократилась в пространстве: писцы уже не описывают в ее составе погостов южнее Ояти. Так, судя по описи не сохранившейся писцовой книги кн. Ивана Михайловича Долгорукова и подьячего Посника Ракова, с одной стороны, и книги Никиты Федоровича Панина (1628—1629 гг.) с подьячим Семеном Копыловым[38] — с другой, в качестве Заонежских погостов описаны все погосты

---

[37] ЦГАДА. Писцовые книги по Новгороду, № 963; К. А. Неволин. Ук. соч., стр. 133 и след.

[38] ЦГАДА. Писцовые книги по Новгороду, № 308.

вокруг Онежского озера и к северу от него, а также Олонецкий погост и погосты по Свири: Остречинский, Важенский и Пиркиничский, а на Ояти описан лишь Веницкий.

В середине XVII в. территория Заонежья еще сокращается в своей южной части: по переписным книгам Ивана Прохоровича Писемского и Якова Ефимова (1646—1647 гг.) и Лариона Григорьевича Сумина и Якова Ефимова (1647 г.) южная граница Заонежья охватывает лишь Остречинский и Воскресенский Важенский погосты и Веницкий на Ояти, а Пиркиничский описан теми же переписчиками в составе Обонежской пятины, куда вошла вся старая Нагорная половина и часть Заонежья.

В этом, более позднем значении я и буду употреблять в дальнейшем термины Заонежье и Заонежские погосты и исключу из рассмотрения все погосты, лежащие к югу и западу от Веницкого, Важенского и Олонецкого.

Первоначально, входя в состав собственно Новгородской земли, составляя вместе с Нагорной половиной Обонежскую пятину, Заонежье было подчинено самому Новгороду. С 1624 г. в Заонежских погостах было организовано местное самостоятельное воеводское управление[39]. Позднее правительство колебалось с вопросом быть или не быть воеводам в Заонежье[40], принимая разные решения в 1631, 1636, 1647 гг. Воеводская власть все же укрепилась в связи с необходимостью оборонительных мероприятий против шведов. В середине XVII в. из Олонца[41] был создан опорный военный пункт, а в некоторых Заонежских погостах крестьяне были переведены на военные поселения[42] и стали обучаться солдатскому строю[43].

В связи с теми же мероприятиями в середине XVII в. территория Заонежских погостов увеличилась в северной своей части: к ней были присоединены Лопские погосты. Население этой области было смешанным: русские, лопари и карелы.

Территории Заонежья в XVII в. делилась в администра-

---

[39] «... а воевод и приказных людей в Заонежских погостах не бывало по 132-й (1624) год; и в те поры Заонежские погосты были полны и крестьяном напрасных продаж и налогов никаких не было. А со 132-го году учали быти в Заонежских погостех воеводы и приказные люди...» и т. д. (1647 г. «Карелия» № 35, стр. 56).

[40] «Карелия» № 34, 35, стр. 54—59.

[41] «Карелия» № 47, стр. 81—82, № 50, стр. 85—91.

[42] «Карелия» № 37, стр. 62—66.

[43] «Карелия» № 65, стр. 103—104.

тивном отношении на 4 стана[44], из которых важнейшим, вероятно, был Оштинский[45].

Вкратце опишу территории отдельных погостов, составляющих Заонежье, перечисляя их в том порядке, в каком это делали обычно (хоть и не всегда) сами писцы и переписчики. Порядок этот был, видимо, удобнее всего для переездов, так как писцам приходилось на практике выбирать самый короткий и рациональный путь.

Погост Рождественский Олонецкий занимал земли, лежащие по реке Олонке и ее притокам, рекам Мегре и Инуме, Ведлице и Тулоксе. Западной границей погоста служит Ладожское озеро, в которое впадают все перечисленные реки; восточной — водораздел между истоками этих рек и истоками рек, впадающих в Онежское озеро: центром северной части погоста является Самозеро. Из Рождественского погоста в XVII в. выделился погост Ильинский на Олонце.

Погост Никольский Шуйский занимал северо-западное побережье Онежского озера. Центр его, погост-место, находился при впадении в Онежское озеро реки Шуи. На севере Шуйский погост граничил по озеру Сандал с Кижским погостом, на северо-западе — с Водской пятиной, на западе — с Рождественским Олонецким и частично с Воскресенским Важенским. Последняя граница проходила по водоразделу между реками Ладожского и Онежского бассейнов. На юге Шуйский погост граничил с Рождественским Остреченским, а восточная граница шла по Онежскому озеру. К середине XVII в. в погосте образовалась выставка, в Ялгубе, волостки: Видька, на Мунозере, Кондопога[46].

С северо-востока к Шуйскому погосту примыкал Спасский Кижский погост: территория его распространялась также и на острова, лежащие вдоль северного берега Онежского озера (Большой и Малый Климецкие острова). По-

---

[44] «От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии в Новгородцкой уезд в Заонежские станы: в Олонетцкой, в Выгозерской, в Водлозерской, в Оштинской, и тех станов в погосты...» (1647 г. «Карелия», № 35, стр. 55).

[45] «Да в прошлом во 152-м (1644) приехал в Заонежские погосты воевода князь Петр Хилков, а людей у него было болше штидесят человек и кь ево приезду на стан на Ошту пришли изо всех Заонежских погостов старосты и волостные люди...» (1647 г. «Карелия», № 35, стр. 57).

[46] ЦГАДА. Писцовые книги по Новгороду, № 980.

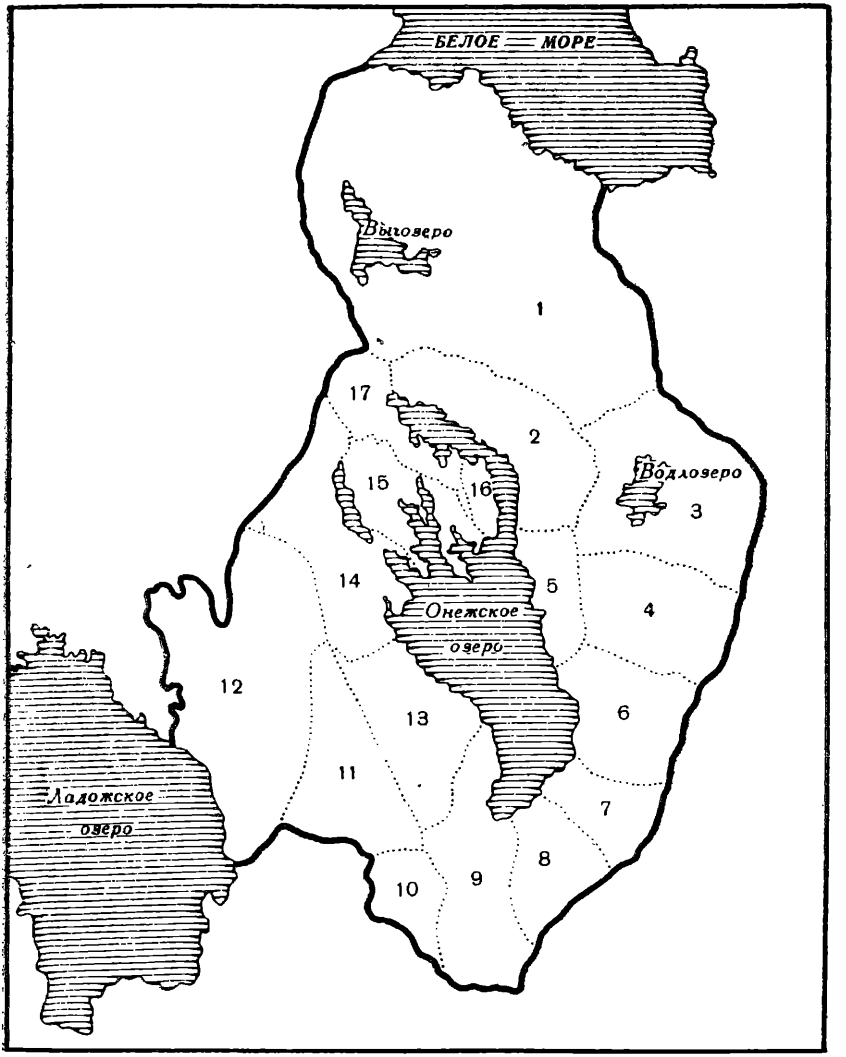

Рис. 1. Территория Заонежья (границы по А. М. Андрияшеву):
1 — Выгозерский погост; *2* — Челможский; *3* — Водлозерский; *4* — Пудожский; *5* — Шальский; *6* — Андомский; *7* — Вытегорский; *8* — Мегорский; *9* — Оштинский; *10* — Веницкий; *11* — Важенский; *12* — Олонецкий; *13* — Остреченский; *14* — Шуйский; *15* — Кижский; *16* — Толвуйский; *17* — Шунгский

гостская церковь была воздвигнута на острове в Великой губе. К концу XVII в. в погосте было 9 выставок [47].

Восточную часть полуострова занимал Егорьевский Толвуйский погост. Он расположен между северной частью Уницкой губы на западе и Заонежской губой на востоке. Позднее из него выделились 3 волостки и выставки.

В северной части Заонежского полуострова находился Никольский Шунгский погост. Земли его лежали по берегам многочисленных мелких заливов Заонежья до верховьев реки Кумсы на севере. На прилежащем к берегу острове Палее находился Палеостровский монастырь. Границы этого погоста будут описаны особо, в главе VII.

Спасский Выгозерский погост — самый северный из всех Заонежских погостов. Входящие в него земли тяготели к Выгозеру и были расположены по рекам Выгу, Валме, Сумскому озеру, Маткозеру, Пулозеру, Хижозеру, рекам Суме, Колежме, Нюхче, Ухте, Унежме и верхнему течению Малой Шуйки. Вплоть до конца XVII в. Выгозерский погост оставался простым по строению, не образовав выставок.

Северные пределы этого погоста шли по Поморскому берегу Белого моря, а южные — по водоразделу между реками Беломорского бассейна (вместе со связанным с ним Выгозером) и реками, впадающими с севера в Онежское озеро.

К югу от этого водораздела находился Петровский Челможский погост. Челможский погост обнимал течение небольших рек, впадающих в Заонежский залив (Немины, Пялмы и некоторых других) и побережье самого залива. Точно так же, как и северная, восточная его граница проходила по водоразделу. Водораздел этот отделяет реки, впадающие в Онежское озеро, от рек, текущих в сторону Водлозера. Южная граница Челможского погоста шла где-то в районе Тупозера, к северу от истоков Шалы.

Самым восточным из всех Заонежских погостов был Рождественский Водлозерский погост. Земли, входящие в него, окружали Водлозеро, некоторые небольшие озера и тянулись по берегам впадающих в него рек Илексы, Водлы, Вамы, некоторой части Черевы и т. д. На месте Водлозерского погоста еще в XII в. находился Волдутов погост, отмеченный в Уставе Святослава Ольговича.

Следует сказать, что несмотря на большую устойчивость территорий погостов, изменения все же происходили. Так, в конце XVI в. территория Водлозерского погоста несколько со-

[47] ЦГАДА. Ревизские сказки по Новгороду, № 2541.

кратилась: часть ее отошла к смежному Каргопольскому уезду[48]. Погост сохранил единство своей территории на протяжении изучаемого периода.

К югу от Водлозерского погоста расположен Никольский Пудожский погост по реке Водле. Восточные пределы этого погоста были в то же время границей всего Заонежья.

Водораздел, лежащий за истоками левых притоков Водлы, вел через Кенозеро в Заволочье. В этом месте шел один из главнейших волоковых путей в Заволочье — на Онегу. Вероятно, где-то в этих местах, как полагают, и возникло понятие Заволочья, земель, лежащих по ту сторону труднопроходимого болотистого волока. К концу XVII в. погост этот насчитывал уже 7 волосток и выставок[49].

Между Пудожским погостом на востоке и Онежским озером на западе, в устьях Водлы и Шалы лежал Спасский Шальский погост. Северная его граница с Челмужским погостом уже была отмечена, а южная, отделявшая его от Андомского погоста, шла по водоразделу между рекой Черной и озером Муромским. Ко времени переписи Аничкова из погоста выделились 2 волостки[50].

Дальше к югу простирался Никольский Андомский погост, восточные пределы которого шли за истоками реки Андомы по перевалу к рекам Ухте, Тихменке, Лекшме, впадающим в озеро Лаче, и истокам рек Водлозерского бассейна. Южная граница находилась в междуречье Андомы и Вытегры. Одно из крупнейших озер этого погоста называется Тудозеро. По-видимому, Андомский погост является древним Тудоровым погостом, упоминавшимся в Уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича XI в. К концу XVII в. погост насчитывал 7 выставок и волосток[51].

Дальше на юг лежал Покровский Вытегорский погост. Через восточную границу погоста, расположенную в водоразделе рек, текущих в Онежское озеро, и рек, впадающих в Водлозеро, проходил древний волоковой путь[52], а сейчас здесь проходит северный участок Волго-Балтийского

[48] «Да тое ж Водлозерские волости отмежевано к Каргополскому уезду 33 деревни», — пишет писец Плещеев. ЦГАДА. Писцовые книги по Новгороду, № 963, л. 1118 об.

[49] ЦГАДА. Ревизские сказки по Новгороду, № 2541.

[50] Там же.

[51] Там же.

[52] «...неметцкой волочек. А возят на нем соль и всякой товар Государевы царевы и великого князя и монастырские крестяне Покровского погоста...». ЦГАДА. Писцовые книги по Новгороду, № 963, л. 1 381 об.

пути. Южная часть (точнее юго-западная) Вытегорского погоста находилась в междуречье Вытегры и Мегры. К концу XVII в. погост образовал 2 выставки [53].

Погост Рождественский Мегорский обнимал бассейн реки Мегры. Все границы его шли по водоразделам, за исключением северной — Онежского озера. По книге Аничкова [54] погост насчитывал 6 волосток и выставок.

Погост Никольский Оштинский долгое время, вплоть до выдвижения Олонца в связи с военными приготовлениями против шведов, считался важнейшим среди Заонежских погостов и иногда назывался станом.

Восточная граница Оштинского погоста шла по междуречью Мегры и Оштьг, где-то в районе Водлицы — притока Мегры, западная — захватывала верхнее течение реки Свири, северная — по берегу Онежского озера, южная — по перевалу, который отделял Белозерье и левые притоки Волги. Погост образовал 4 выставки и волостки; кроме того, одна волостка выделилась в отдельный погост и сама образовала 4 выставки и волостки [55].

К юго-западу от Оштинского расположен погост Ильинский Веницкий на Ояти, обнимающий верхнее течение этой реки и ее притоков, а к северо-западу — Рождественский Остречинский по правым притокам Свири: рекам Ивине, Саре и др. Последний погост имел в конце XVII в. 6 волосток и выставок, а первый — 7 [56].

Наконец, погост Воскресенский Важенский расположен по Важене — правому притоку Свири и по впадающим в Важеню небольшим речкам. В середине XVII в. в погосте отмечается 10 волосток и выставок [57].

* *
*

Следующий важный вопрос, который встает перед исследователем при изучении писцовых книг, — это вопрос об этническом составе населения в XVI—XVII вв.

Как уже было сказано, к моменту прихода русских в Заонежье были расселены разные этнические группы финской языковой семьи: лопь, чудь заволоцкая, весь, приладожская

[53] ЦГАДА. Ревизские сказки по Новгороду, № 2541.
[54] Там же.
[55] Там же.
[56] Там же.
[57] ЦГАДА. Писцовые книги по Новгороду, № 980.

емь. С XII в. там упоминается корела. В настоящее время эта территория в основном занята русским населением, которое живет вокруг Онежского озера и к востоку от него. К югу от Онежского озера и к западу от Белого озера расселены вепсы. Другой небольшой остров расселения вепсов находится к югу от Петрозаводска на юго-западном побережье Онежского озера. К западу от железной дороги Ленинград — Мурманск — область расселения различных групп карелов (собственно карелов, ливвиков и людиков). Интересно было бы выяснить районы расселения перечисленных этнических групп в XVI—XVII вв.

К сожалению, писцовые книги Заонежья не дают для этого вполне удовлетворительного материала. Как правило, этнической принадлежности населения они не фиксируют, но отдельные указания все же встречаются. Вот несколько примеров из разных книг. Писец Сабуров (1496 г.) в Шунгском погосте отмечает в деревне «на усть Кехтениц (во дворе) Сенка Корелянин» [58]. В Оштинском погосте Сабуров записал «Палку Кореленика» [59] и дальше «Еско Кореленина» [60]. Писец Лихачев (1563 г.) в Шуйском погосте в деревне «на Лакши острову у Онега озера» отмечает «дв. Кондратко Семенов корелянин» [61]. В том же погосте в деревне, которая называется «На Сувисари Михалевская, да Степановская», писец записал «(дв.) Лингач Клементьев, (дв.) Михийко Корилянин» [62]. В том же погосте «дер. на Шуе Поповическая Куземки Корелянина» [63]. В Мегорском погосте в деревне у погоста среди других писцом Плещеевым (1583 г.) назван «(дв.) бобыль Иванко Корелянин» [64]. Тем же Плещеевым отмечен в дер. Таквинской Туроносова «Левка Корелянин» [65].

Дозорщик Лыков в 1619 г., описывая Шунгский погост в деревне, «что был починок старой на Лопской матке», упоминает непашенного бобыля Ларку Корелянина [66].

Можно предположить, что если один человек в деревне назван корелянином, а этническая принадлежность остальных не указана, то они должны быть русскими. В таком случае подавляющее большинство населения Заонежья в

[58] Писцовые книги Обонежской пятины 1496 г., стр. 5.
[59] Там же, стр. 35.
[60] Там же.
[61] Писцовые книги Обонежской пятины, 1563 г., стр. 116.
[62] Там же, стр. 117.
[63] Там же, стр. 115.
[64] Писцовые книги по Новгороду, № 963, л. 1390.
[65] Там же, л. 1086.
[66] ЦГАДА. Писцовые книги по Новгороду, № 379, л. 189 об.

XVI—XVII вв. — русское. Однако могло быть и не так. Корелянами в конце XVI—XVII вв. называли сравнительно недавних переселенцев из более западных областей в отличие от местного исконного населения [67]. Так что термин «корелянин» мог иметь не столько этническое, сколько географическое значение. Корелянами называли иногда просто жителей города Корелы [68]. Все же достаточной четкости в употреблении этого термина нет, так как в другом случае корелянам как этнической группе противопоставляются живущие в Карельской земле «латыши Свейские и Финские земли» [69].

Как известно, огромное число карельских переселенцев хлынуло в Россию после Столбовского мира со Швецией в 1617 г. Это движение карелов продолжалось в течение всей середины XVII в. Если для первой половины XVI в. не совсем ясно, кого имеет в виду писец под «корелянами», то для XVII в. весьма вероятным представляется, что это беженцы из западных областей Карелии.

Карелы западных областей, отошедших к Швеции, стремились остаться в пределах России и, покидая насиженные места, переходили из-за границы в Заонежские погосты («потому что те погосты сошлися со свейским рубежом»), несмотря на все препятствия, чинимые обеими заинтересованными сторонами — шведским и русским правительствами. Последнее мотивировало свое нежелание принимать выходцев из-за рубежа договором об этом со шведским королем. Новгородским воеводам часто приходилось сталкиваться с самовольными переходами рубежа, так как крестьянское население Заонежских погостов, несмотря на суровые запреты, принимало перебежчиков при молчаливом попустительстве местных властей [70].

О «корельских выходцах» много упоминаний имеется в последней переписной книге Аничкова 1678 г. Например, «в Оштинском погосте в деревне Никитинской у часовни во дворе у Федьки Павлова» среди других отмечены «захребет-

---

[67] «...которые кореляне живут в Оштинском стану, в Заонежских погостех, и государевы подати платят, и тех корелян из Заонежских погостов и из Оштинского стану в Корелу высылати государь не велел до своего государева указу; а велел государь корелян высылати в Корелу, которые живут в захребетникех и подсуседникех...» и т. д. Материалы, № 296, стр. 379 (1599 г.).

[68] «...и те все дворы кореляном посацким лутчим и середним и всяким людем пожаловали есмя...» (Материалы, № 291, стр. 362).

[69] Там же, стр. 263.

[70] «... а старосты и волостные люди их к себе принимают, а Иван Лутохин наших, холопей твоих, отписок не слушает, перебещиков в погостех не сыскивает» («Карелия», 1630, № 21, стр. 37).

ники корелские выхотцы Тимко, Митрошко Григорьевы», дальше перечисляются их дети (все с православными именами) [71]. Чаще всего карельские выходцы, как это видно из примеров,— беднейшее население: захребетники, подсуседники и т. п. Но не всегда. В Вениц ком погосте описывается деревня «новый починок на Сюрье», которая «построилась после писцов» (имеется в виду не ближайшая к Аничковым перепись Писемского, а письмо Панина). В ней упоминается «(дв.) карельские выходцы: Михалка Иванов, у него сын Артюшка, у Артюшки дети: Михалка — семи лет, Ивашко — трех лет, Кирилка — двух лет. У него же захребетники Онашко, Васка Степановы» [72].

Карельские выходцы не только подселиваются, но и образуют новые поселения, расчищая лес. «На лесу поселились корелские выходцы и называли деревню Ранины горы» [73]. Увеличение населения за счет карелов стало массовым явлением для Андомского погоста и отмечено там даже в итоговых данных. Число упоминаний о карелах можно было бы значительно умножить [74].

Имена в писцовых книгах (особенно поздних) почти ничего не дают для определения происхождения. Карелы были крещены еще в 1227 г. Как сообщает летопись [75], «того же лета князь Ярослав Всеволодовичь послав крести множество корел, мало не все люди». Вероятно, крещение карелов в XIII в. носило внешний характер. Позднее имели место неоднократные попытки вернуться к дохристианским культам [76], но официально население было православным, а имена русских и карелов, как правило, не отличались даже в тех местах, где обитание карелов и вепсов не вызывает сомнения.

Таким образом, если в древнейших книгах на основной территории Заонежья упоминания о карелах немногочисленны, значит ли это, что их и не было в большом числе или что они, живя в соседстве с русскими, были в значительной степени ассимилированы и уже не выделялись при описаниях?

Бесспорно, что этническая принадлежность отмечается не всегда, что большая часть карелов была обращена в христиан-

---

[71] ЦГАДА. Ревизские сказки, № 2541, л. 56 об.

[72] Там же, л. 8 об.

[73] Там же, л. 234.

[74] Там же, л. 66: «Карелские выходцы Давытко Игнатьев, Анисимко Перваков, Захарко Юрьев. Там же, л. 417 об.— 418: «Корелский выходец в дер. на Мунко озере»; л. 420: «Корелский выходец...» и т. д.

[75] Лаврентьевская летопись, 1227 г.

[76] Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941, № 52, стр. 127 (1534 г.); № 64, стр. 154 (1548 г.) и др.

ство, а известная часть ассимилирована; все же мне представляется правильным первый ответ на поставленный вопрос. Дело в том, что в северном Заонежье, в Выгозерском погосте, а также на смежной территории западного Беломорского побережья карелы фиксируются значительно чаще уже по самым ранним документам.

Для рассматриваемого вопроса наибольшее число достоверных сведений представляют соловецкие купчие и данные. В них содержатся как прямые указания на принадлежность к определенной этнической группе, так и косвенные — имена, прозвища и т. д. Один из таких документов относится к первой половине XV в. (1415—1447 гг.). Там сообщается о совместном владении рыбными ловлями новгородцев и карелов на Выгу и о распрях в связи с этим [77]. Совладельцы, очевидно, пользовались рыбными ловлями по годам, так как упоминается «корельский год», а судя по другому документу, «корельский год» противопоставляется «боярскому» [78]. По нескольким актам можно судить о власти карельской знати над лопью, заключавшейся, видимо, в получении дани. Некая Ховра Тойвутова продает это свое право новгородскому посаднику [79].

Расселение карелов в северной части Заонежья и по западному побережью Белого моря прослеживается и по более поздним документам с бесспорной очевидностью [80]. Пять родов карельских детей упоминаются очень часто в документах по Кемской волости. То, что эти «пять родов корельских детей» являются карелами,— бесспорно; акты не допускают здесь двух мнений. Однако В. О. Ключевский, первоначально признав эту группу карелами [81], позднее усомнился в этом и выставил оригинальную, но необоснованную теорию, что население это представляет собой потомков «молодых людей» из города Корелы [82]. Позднее к этой точке зрения присоединилась и М. Островская [83].

В XVI в. карелы оказываются уже на Кольском полуострове, где притесняют саамов-лопарей на реке Поное, о чем пос-

---

[77] Материалы, № 2, стр. 100.

[78] Материалы, № 46, стр. 121.

[79] Материалы, № 5, стр. 101 («...туды володеть посаднику новгородчкому Дмитрию Васильевичу землею страдомою, и водою, и полешим лесом, и Лопью, и его детем»). См. так же Материалы, № 46, стр. 121.

[80] 1585 г. «Се яз Трофим да яз Григорей Григорьевы дети, а оба есми братейника, кореленя, а живем в Кемской волости...» и т. д. (Материалы, № 229, стр. 290).

[81] См. В. О. Ключевский. Опыты и исследования, стр. 4.

[82] Отчет о 33 присуждении наград гр. Уварова, 1891 г. СПб., стр. 33.

[83] Там же, стр. 3.

ледние рассказывают в своей челобитной царю Ивану Васильевичу [84].

К сожалению, этническая принадлежность населения отмечается далеко не всегда. В отдельных случаях ее можно определить, сличая документы между собой [85].

В некоторых случаях преобладание в данной местности карельского населения можно предполагать по тому, что отдельные лица выделены в тексте прозвищами «русский» или «русин» [86]. Неопределенные сведения о дорусском населении Беломорья содержатся в некоторых житиях, в частности в житиях Зосимы и Савватия [87].

Наконец, еще одним источником для заключений об этническом составе служат немногочисленные упоминания о народах нашего Севера в работах иностранных путешественников. Сведения о карелах южного Беломорья находим в известии Томаса Соутэма и Джона Спарка, которое относится к 1566 г. В описании земель по реке Выгу сказано: «Народ, обитающий в этих местностях, — дикий и говорит на другом языке; по большей части это все монастырские крестьяне» [88].

Таким образом, если в северном Заонежье массовое расселение карелов не вызывает сомнений, то в южном Заонежье, не во всех районах современного обитания, карелы могут быть признаны древними поселенцами.

Сообщения писцовых и переписных книг о чуди немногочисленны. Например, при описании писцом Плещеевым в 1683 г. Вытегорского погоста-места, неподалеку от которого стояло несколько амбаров «на царя и великого князя земле», упомянут, между прочим, «амбар чудиновский»[89].

Акты указывают на расселение чуди по восточному берегу Онежского озера и дальше — в Заволочье [90]. Новгородские архиепископы, посылая грамоты об искоренении языческих обрядов, адресуют их, между прочим, и «в чюдь»[91].

---

[84] Материалы, № 162, стр. 236—238 (1575 г.).

[85] Так, те же самые «братеники» в другом документе называют себя просто «християнами». (Материалы, № 225, стр. 286).

[86] «Се яз Кирьяк Семенов сын Гирмоев, прозвище Русин...». Материалы, № 227, стр. 288 (1585 г.).

[87] См. Е. В. Барсов. Преподобные Обонежские пустынножители. «Памятная книжка Олонецк. губ. за 1868—1869 гг.». Петрозаводск, 1869, стр. 8.

[88] «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.». Л., 1938, стр. 83.

[89] ЦГАДА. Писцовые книги по Новгороду, № 963, л. 1340.

[90] На Водлозере, например, одну купчую подписывает послух Чюдин Иванов сын (Материалы, № 194, стр. 265).

[91] Материалы, № 52, 64 и др.

Некоторый материал о чуди заволоцкой дают жития святых. Например, в житии Кирилла Челмогорского [92] рассказывается об устройстве в начале XIV в. обители на горе Челмо при устье реки Челмы в Каргопольщине. Местность эта соседит с Заонежьем с восточной стороны. Житие отмечает чудь: «Бяху инии еще не крещены живуще в окрестных местах, иже имяху чудский язык и веру...» [93]. Согласно житию, Кирилл Челмогорский успешно крестил всю местную чудь [94]; однако дело шло не без сопротивления.

Несколько слов о чуди сказано в рукописи Ричарда Джемса, которая относится к 1618—1620 гг.: «...чуди — народ около Колмограда издревле так называемый, который говорил на языке, отличном от самоедов и лопарей; они там больше не находятся» [95].

Чудь, конечно, не исчезла бесследно, но была очень рано ассимилирована. Следует помнить при этом очень низкую плотность населения Севера к моменту прихода русских.

«Чудские печища» распространены по всему Поморью. Важно отметить, что уже в XVII в. в некоторых местах чудь исчезла, ассимилировалась, оставив по себе память в виде преданий и «печищ» [96].

Вепсы расселены сейчас небольшими островками в южном Заонежье и в районе Белоозера [97]. Очевидно, в XVI—XVII столетиях территория их расселения была значительно шире, но обонежские писцовые книги не дают материала для ее выделения. Я уже приводил точку зрения Д. В. Бубриха, по которой коренным населением западного, южного и восточного Заонежья является та этническая группа, белозерская часть которой называлась в древности весью, сейчас — вепсами, а восточная — чудью заволоцкой. Та же весь, по Бубриху, за-

[92] См. Е. В. Барсов. Преподобные Обонежские пустынножители. Материалы для истории колонизации и культуры Обонежского края. «Памятная книжка Олонецк. губ. за 1868—1869 гг.».

[93] Там же, стр. 22.

[94] «...по мале все чудяне восприяша св. крещение». Там же.

[95] П. К. Симони. Заметки Ричарда Джемса о чуди, лопорях, самоедах и черемисах. Сб. Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей, т. I. Л., 1929, стр. 126.

[96] 1650 г. «Сыскались... на речке на Анданге, на суземе, на черном лесу чудские печища, и лесом, государь, те чудские печища поросли большим, обойма дерево по полутора, и по два и больше» (М. М. Богословский. Ук. соч., т. I, стр. I, сноска).

[97] См., напр., З. П. Малиновская. Из материалов по этнографии вепсов. «Западнофинский сборник». Л., 1930, стр. 163—200. Описанная автором территория входила в XVI—XVII вв. в состав Веницкого погоста и, конечно, была населена, как и сейчас, вепсами. Однако писцовые книги не позволяют выявить этнические территории.

нимала и западное Заонежье — Онежский перешеек. В силу своей территориальной близости к русским весь уже издавна принимала участие в новгородских делах — мирных и военных. Возможно, что именно поэтому она не отличима от русских в писцовых и актовых данных XVI—XVII вв.

Для определения этнического состава населения в предшествующие века может дать основание топонимика, но в отношении современного писцовым книгам населения она дает немного. Это относится также и к карелам и к саамам.

Названия рек, озер, заливов, островов Заонежья, как правило, нерусские; названия деревень большей частью русские, производные от имени первых насельников. Р. Б. Мюллер ссылается на очень интересный документ, к сожалению, исключительный — «Роспись позженным и разоренным деревням Олонецкого погоста при набеге из-за Свейского рубежа в 1657 г.» [98], где встречается очень много финноязычных названий (Р. Б. Мюллер считает их карельскими), хотя по писцовым книгам в этом районе распространены русские названия деревень.

Р. Б. Мюллер делает вывод о существовании двойных названий у многих деревень: «...одного своего, местного, и другого — официального, закрепленного писцовыми книгами и упоминаемого обычно во всех дошедших до нас официальных документах» [99]. Этот вывод представляется весьма вероятным. По многим областям Заонежья сами писцовые книги дают двойные названия: вначале указывается закрепленное официальной традицией название, затем — местное: словет так-то. В местах расселения карелов трудные местные названия могли и не заноситься в книги.

Вывод о двойных названиях подтверждается современными экспедиционными данными, например сообщением З. П. Малиновской [100]. Автор отмечает сложность названий деревень: каждая деревня имеет по два, а иногда даже несколько названий. Существуют собирательные названия для группы деревень. Двойные названия отмечались и в других местах. В частности, мне приходилось встречаться с двойными названиями современных деревень в смежных с Карелией областях (Кенозеро Архангельской обл.; экспедиция 1947 г.). Характерно, что иногда одно название русское, другое — фин-

[98] Приказные дела старых лет, 1657 г., № 24. В кн.: Р. Б. Мюллер. Очерки по истории Карелии XV—XVII вв. Петрозаводск, 1947, стр. 17.

[99] Там же, стр. 37—38.

[100] См. З. П. Малиновская. Из материалов по этнографии вепсов. «Западнофинский сборник», стр. 163—200.

ноязычное, т. е. главным образом чудское в восточном Заонежье и весское или карельское в западном. Наличие второго местного названия, которое не всегда заносилось в официальный документ, и объясняет тот факт, что названия поселений русских и коренного населения неразличимы по писцовым и переписным книгам.

В документах XV—XVI вв. этническая принадлежность может быть определена по имени, даже чаще по отчествам, так как христианские имена преобладают уже в ранних писцовых книгах. Этот прием проливает некоторый свет на этнический состав населения западного Заонежья, по которому данные других источников довольно скудны. В писцовых книгах по Шуйскому и Кижскому погостам находим некоторое количество нерусских имен, что указывает на финский элемент и в этой части Заонежских погостов. Сохранился древний и чрезвычайно интересный документ по Шунгскому погосту, датируемый XV в., который будет еще рассматриваться в связи с вопросом об общественном строе [101]. Документ представляет собой данную «всех шунжан» Вяжицкому монастырю на некоторые земли в Шунге и Толвуе. Среди участников этого акта большинство носят нерусские имена, а некоторые — русские, что говорит либо о проникновении русских, либо об обращении в христианство части местного населения.

Таким образом, факт расселения племен финской семьи в западном Заонежье не вызывает сомнений, но были ли они родственны карелам или веси, позволит установить только детальное изучение топонимики писцовых и переписных книг, а также имен по купчим и пр.

Для определения народности может помочь указание на недавнее крещение (это особенно относится к саамам-лопарям). О саамах имеются и прямые указания в актах; ясно, например, что лопь находилась в данническом состоянии по отношению к карельским и русским феодалам, как это уже было отмечено выше [102].

Благодаря одному сохранившемуся документу можно восстановить расселение саамов в пределах Кемской земли в 90-х годах XVI столетия перед грабительским походом «каянских немцев». «Да на Кемской ж земли жили лопари крещеные и некрещеные лукозерские по лешим озером, на Топоозере и

---

[101] Материалы, № 44, стр. 120.

[102] Ранее 1459 г. «Се купи Кирила и его дети Харитон, Федор, Степан у Макарья отчину промеж Вымолци, землю и водо и лес полешеи, и л о п ь и землю страдомую, и ловища и пожни; куде володел Макареи промеж Вымолци и промеж пяти родов...» (Материалы, № 14, стр. 105—106).

в Кистенги да на Крито озере да в Ведиле озере и на Вокше озере и на Киз реки и в Шолопоньи и в Кургиевои и на Рог озере и на Ульмо озере и на Муром озере и на Пильсо озере и на Вонго озере и на Керет озере и на Воронье озере и на Кялго озере и на Кузем озере и по иным лешим озерам, 18 дворцов на 20 вежь, а людей в них 42 человека, а луков 20 с полулуком. И те лопские дворцы и вежи и луки все запустели от немецкие войны, а лопари побиты и в полон поиманы, а иные розно розбрелись» [103].

Дальше в том же документе приводится межа Кемской волости с соседними волостями и в том числе с «лешими лопари» [104].

Основная масса «лопи» населяла Лопские погосты, которые с севера и северо-запада соседили с Заонежьем. На западе Лопские погосты граничили с «кеанскими немцами» — той частью Карелии, которая была под властью шведов.

Лопские погосты, которых было 8, входили вплоть до середины XVII в. в Водскую пятину, но пользовались относительным самоуправлением, имея особую жалованную грамоту [105]. В середине XVII в. они стали подчиняться заонежской администрации. В то же время их попытались использовать для военной службы вместе с заонежскими крестьянами. Тогда-то, в 1649 г., крестьяне из Лопских погостов писали о себе в челобитной: «...людишки маломочные, питаемся рыбою и сос-

[103] Материалы, № 260, стр. 325 (1591 г.).

[104] Там же, стр. 326—327.

[105] «Царю государю... Алексею Михайловичу... бьют челом и плачутся твои государевы бедные и последние сиротишка Новгородского уезду Водские пятины от Студеного моря от Каенских немец Лопских погостишков крестьянишка Селецкого погоста Степанко Яковлев да Паданского погостишка Ондреянко Савин во всех Лопских погостишков вместо крестьянишек и лопарей в том: блаженных памятей великих государей царей и отца твоего государева... пожалованы были мы, сироты, и даны нам жаловальные грамоты, а в тех государевых жаловальных грамотах написано, что нас, сирот, велено беречи твоим государевым новгородским дьяком от наместников и тиунов, и от приставов; наместником новгородским и тиуном судити не велено нас ни в чем и приставом новгородским с приставными по нас не ездити, и сроков не наметывати, и в городах нас на поруки не дают. А кому до нас, лопян, дело и нас велено судити выборным судейкам, кого выберут всею Лопскою землею. И те выборные судейки нас судят и управу чинят, а в чем будет управы учинити не могут, и они судные списки посылают в доклад в Великий Новгород к твоим государевым дьяком на срок с твоею государевою казною с данными деньгами вместе на срок на Крещение Христово; и твою государеву дань, что на нас имать велено, сбирати нам самим выборным старостам и целовальником и ту дань привозити в Великий Новгород самим на срок, на Крещение Христово». (Приказные дела 1649 г., № 103. В кн.: М. М. Богословский. Ук. соч., I, стр. 12—13).

ною и твоей государевы солдатские службы служить не можем, потому что питаемся рыбою и сосною. И не вели, государь, для того солдатского ученья из Олонца присылати в Лопские погостишка немец полковников и полуполковников, потому что людишка малодушные, глупые и русского и немецкого языков не знаем» [106].

В житии Лазаря Муромского, основателя Муромского монастыря (юго-восточная часть Заонежья), рассказывается, что «лопяне» и «самоядь» ушли на север к Белому морю [107].

То, что «лопяне» ушли на север к Белому морю, очевидно, отражает не только полукочевой образ их жизни, но, быть может, и процесс оттеснения их на север по мере проникновения в Заонежье новгородцев. Топонимика подтверждает древнее расселение «лопи» значительно южнее мест их обитания в XVI—XVII вв. — «Лопских погостов». Помимо юго-восточного Заонежья, где был расположен Муромский монастырь, основатель которого враждовал с саамами, отчетливые следы их обитания несомненны, например в Шунгском погосте. На прилагаемых картах можно отыскать такие названия деревень и починков, как «Лопская матка», «починок на Лопской матке», «Лопский песок» (приложение II, № 34, 35, 166). Группы саамов в северном Заонежье сохранились дольше, о чем свидетельствуют акты, а также топонимика (дер. на Верхней Лопи у Чевозера [108], дер. в Лопском конце на Кукоозере [109] и т. п.).

Заканчивая небольшой перечень сведений об этническом составе населения Заонежья, отмечу, что сейчас представляются возможными только самые приблизительные предположения на этот счет.

Материал, которым я пользовался, неравномерно характеризует всю территорию Заонежья. Тема эта нуждается в специальном исследовании на архивном актовом материале.

Можно предполагать, что большую массу населения Заонежских погостов XVI—XVII вв. составляли русские, а также карелы, вепсы, чудь, которые были уже частично ассимилированы.

Принимая во внимание расселение в современном Заонежье карелов и вепсов, следует думать, что территория их расселе-

---

[106] М. М. Богословский. Ук. соч. т. I, стр. 145.

[107] См. Е. В. Барсов. Преподобные Обонежские пустынножители, стр. 30.

[108] Писцовые книги Обонежской пятины. Л., 1930. Писцовая 1563 г. Выгозерский погост, стр. 157.

[109] Там же, стр. 155.

ния в XVI—XVII вв. была значительно шире (первых — в северном и северо-западном Заонежье, вторых—в южном и юго-западном). Что касается чуди заволоцкой, то к XVI—XVII вв. она была в значительной степени ассимилирована, хотя отдельные островки этой загадочной этнической группы (которая скорее всего не была единой) сохранились до XIX в.

Глава III

ГЕОГРАФИЯ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Присоединение русского Севера к Москве имело огромные политические и социально-экономические последствия. Резко изменилось лицо землевладельцев, в известной степени изменилась экономическая направленность отдельных областей, изменилось основное направление торговых путей, возникли новые опорные пункты и т. д.

До присоединения к Москве спецификой экономики Поморья было сочетание крупного землевладения с мелким землепользованием. Крупных землевладельцев было очень немного. Это—несколько монастырей и светских феодалов — новгородских бояр. Древнейшие писцовые книги, а также грамоты и другие акты сохранили имена этих владельцев.

Я не буду останавливаться на размещении боярщин крупнейших землевладельцев восточного Поморья, сосредоточивших в своих руках огромнейшие земельные и промысловые богатства: Своеземцевых на Двине и Ваге, Строгановых в Устюжском, Сольвычегодском и Соликамском уездах, Селезневых в Кеврольском уезде и пр. Это выходит за географические рамки настоящей работы. Остановлюсь лишь на крупном землевладении в Заонежье.

По некоторым отрывочным данным можно судить о значи-

[1] Рассмотрению географии сельских поселений необходимо предпослать обзор географии землевладения, но не только XVI—XVII вв., — тогда оно было относительно однородным,—но и предшествующего, домосковского периода.

тельной древности крупного землевладения на этой территории. Как уже говорилось, Заонежье было одной из первых областей Поморья, колонизованных новгородскими выходцами, и феодальное землевладение распространилось там уже в начале II тысячелетия н. э. В Уставной грамоте Святослава Ольговича 1137 г. перечислены новгородские владения, расположенные частично и в Заонежье; некоторые погосты продолжали называться по имени первоначальных владельцев и тогда, когда стали подвластны князю Ярославу или его предшественникам (Тудоров, Волдутов погосты).

Частная собственность на землю к моменту прихода русских появляется у карелов на западном побережье Белого моря и в смежных областях Заонежья. Достаточно упомянуть известную Ховру Кокуеву, которая в наследство от своего отца получила значительные земли по рекам Выгу, Шуе, Кеми, на Килбострове, на Соловках и т. д.[2], а затем продала свою «отцину» между 1447—1454 гг. новгородскому посаднику Дмитрию Васильевичу. Интересно, что Ховра владеет, между прочим, «лопью и его детем»[3], очевидно собирая с них дань.

В качестве документа, подтверждающего древность феодального (а также общинного, о чем будет сказано дальше) землевладения в Заонежье, часто приводили грамоту 1375 г.[4], согласно которой челмужский боярин Григорий Семенович (бывший новгородским посадником) и его дети Абакум и Савелий разграничивают свои земли с крестьянами соседних погостов. С. Валк заподозрил этот документ в подложности[5], но это признано не всеми специалистами. Но и помимо этого и некоторых других сомнительных актов от XV в., а тем более от XVI в., дошло достаточное количество документов, которые ясно фиксируют феодальное землевладение Заонежья. Иногда документы, датируемые XV в., отражают более раннее время, так как в них имеется указание на наследственный характер владений[6]. Прежде всего, в актах фигурируют крупные феодалы. Среди «скотников и помужников Толвоской» (Толвуйской) земли

---

[2] Материалы по истории Карелии XII—XVI вв., № 5. Петрозаводск, 1941, стр. 101.

[3] Там же.

[4] Приложение к работе Е. Барсова «Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае». Чт. ОДР, кн. I, 1868, стр. 133—139; см. также Материалы, № 300, стр. 386.

[5] См. С. Валк. Начальная история древнерусского частного акта. В сб. «Вспомогательные исторические дисциплины». М.—Л., 1937, стр. 314.

[6] Напр., Материалы, № 9, стр. 103.

в 1415—1421 гг. упоминаются крупные новгородские бояре, в том числе посадники и тысяцкие [7].

В северном Заонежье утвердились новгородский тысяцкий Дмитрий Васильевич [8], посадник Афанасий Есифович [9], некий Кирил «с детми»[10], в восточном — Селифонт Твердиславль [11].

У кого же скупают земли крупные новгородские феодалы? Очень часто это бесспорно местное карельское и чудское население, когда участки продаются, например, «промеж Вымолци и промеж пяти родов» [12]. В других случаях продавцы бывают и русскими, которые еще раньше закрепились в этих местах. Позднее, когда Иван Васильевич «извел» новгородских бояр, такие мелкие землевладельцы, оставшиеся на своих землях, стали называться своеземцами.

Нет необходимости говорить здесь подробно о раннем феодальном землевладении. Достаточно отметить бесспорность ранних феодальных захватов.

Полный перечень бояр, владевших землями в Заонежье, можно составить только для конца XV в., когда появились первые писцовые книги.

Имена новгородских бояр, крупных землевладельцев Заонежья в XV столетии, видимо, надолго остались в памяти у потомков: писцовые книги—официальный, правительственный документ — очень долго, спустя столетие, продолжают упоминать прежних собственников тех или иных волостей, которые во времена писцов были «черными оброчными великого князя». Легко понять, почему эти старые владельцы упоминаются в первых описаниях: в так называемом «старом письме», учиненном вскоре после присоединения новгородских владений, так и в следующей за ним писцовой книге Юрия Сабурова [13] 1496 г.

---

[7] «...посадник новгороцкой Ондрей Ивановичь, тысячкы новгорочкый Дмитри Васильевичь, Богдан Васильевичь, Офонос Остафьин, тысячкой Мануило Даниловичь, Ермола Лентеев, Селифонт Твердиславль с детми, Иев Олфромеев с детми, Ермола Мелентеев, Яков Сидоров с братом, Максим Иванов с детми, Мартемьяне Родивонов, Федот Кузмин с детми, Демьян Яковль Ондреян с братом, Еремей Нозарьин с детми, Павле Захарьин с братьею, Василеи Фомин, Ульян Селишкин с детми, Игнатеи Амосов с братьею, Ермола Омельянов с детми, и все скотнике и помужнике Толвойской земли...» (Материалы, № I, стр. 99).

[8] Материалы, № 2, стр. 100; № 5, стр. 101.

[9] Материалы, № 3; № 4, стр. 100.

[10] Материалы, № 14, стр. 105—106.

[11] Материалы, № 7, стр. 102.

[12] Напр., Материалы по истории Карелии XII—XVI вв., № 14, стр. 105—106.

[13] Напр., «В Никольском погосте в Шунге великого князя волость Федоровская Остафиевская Глухова». Писцовая книга 1496 г. Писцовые книги Обонежской пятины, стр. 2.

Труднее представить себе причины, побуждавшие в 1563—1566 гг. писца Андрея Лихачева «с товарыщи», из которых первым был подьячий Ляпун Добрынин, тщательно перечислять этих старых владельцев, а в 1582—1583 г. писца Андрея Плещеева вместе с подьячим Семеном Кузминым упоминать о них: «В Рождественском же погосте на Олонце села и деревни и починки и пустоши и селища и займища царя и великого князя дворцовые, что преж сего отписаны у Ноугородцкого Архиепискупа Пимина»[14]. Тот же Плещеев отмечает бывшие боярщины Марфы Борецкой и т. д. Правда, архиепископ Пимен продолжал владеть другими смежными деревнями в Обонежской и Водской пятинах. Вряд ли это было проявлением личных симпатий или просто силой традиции: вероятнее всего, перечисление боярщин вызывалось опасениями внести путаницу, нарушив сложившийся порядок описания.

Если в XIV—XV вв. боярщины были расположены среди свободных общин, о чем речь будет дальше, то в конце XV в. все земли были уже захвачены феодалами[15]. Свободной общины уже нет. Самой крупной владелицей в Заонежье была известная Марфа Борецкая—Марфа-посадница, неоднократно упоминаемая в летописях[16]. Земли Марфинские Исаковы «были необозримы и далеко выходили за пределы Заонежской половины; ее владения были раскиданы и в центральном Поморье»[17], в Шенкурском уезде, и по южному Заонежью. Так, например, по старому письму в Никольском Оштинском погосте, в бывших Марфинских владениях, числилось 214 деревень с 247 дворами в них, обложенных в 278 обеж; в Вытегорском Покровском погосте — 59 деревень с 79 дворами, что составило 104 обжи, и т. д. За Марфой были записаны также вотчины в Кижском Мегорском, Пудожском погостах и очень небольшая — в Водлозерском.

Одним из главных источников экономического и вместе с ним политического могущества рода Борецких были владения по побережью Белого моря: по Карельскому, Зимнему и Летнему берегам. Если в южном Заонежье владения Борецких

---

[14] Книга «Обонежская пятина Заонежской половины», письма Ондрея Васильевича Плещеева и подьячего Семейки Кузмина 7091 года. ЦГАДА. Писцовые книги по Новгороду, № 963, л. 679.

[15] Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, стр. 248 и сл.

[16] ПСРЛ, т. IV, стр. 129, 130, 259, 261; т. V, стр. 38; т. VI, стр. 5—6, 19, 33, 220; т. VIII, стр. 159, 198—199; т. XII, стр. 126, 129, 188.

[17] См. М. М. Богословский. Ук. соч., т. I, стр. 7.

были рассыпаны среди волостей других новгородских бояр, то на беломорском побережье они представляли собой довольно монолитное целое. Что касается той части Беломорья, которая входила в Заонежскую половину Обонежской пятины, то Борецким принадлежал весь огромный Выгозерский погост. Отдельные слуги Марфы Борецкой сами становились мелкими феодалами, так, например, Ивашко Девятый «марфинский человек» имел небольшое имение в Шуйском погосте.

Из других крупных светских феодалов упомяну Федора Остафьевича Глухова. Перечень вотчин этого боярина сохранился в его духовной [18], где он оставляет основную массу своего недвижимого и движимого имущества своим сыновьям Степану и Василию, жене Офимье, а также зятю Ивану и дочери Оксинье. В Заонежье было немногим меньше половины всех его владений [19], причем находились они главным образом в Шунгском погосте и в примыкающих к нему Толвуйском и Кижском, а также в Веницком погостах.

Вотчины Никиты Грузова были расположены в Шуйском, Остречинском, Водлозерском, Пудожском и Важенском погостах.

Велики были заонежские вотчины Настасьи, жены Ивана Григорьева: в Олонецком, Пудожском, Шальском, Водлозерском и Шуйском погостах.

У Оксиньи, жены Никиты Есипова, владения были расположены в Андомском, Шальском, Важенском, Пудожском и Водлозерском погостах.

Этим исчерпывается перечень самых крупных феодалов в Заонежье, у которых было в этой области больше 100 деревень [20]. Спешу оговориться, что речь идет о размере вотчин только в Заонежье, поэтому один из самых богатых новгородцев (если не самый богатый) Иван Захарьин Овинов, сын посадника Захария Овинова, оказывается в Заонежье сравнительно мелким землевладельцем, имея там около 20 деревень. То же можно сказать и в отношении некоторых других феода-

---

[18] АЮ, II, № 409, стр. 431—432.

[19] См. С. А. Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение. М., 1939, стр. 92; И. Перельман. Новгородская деревня. «Исторические записки», № 26, 1948, стр. 134.

[20] Поскольку письмо 1496 г. сохранилось лишь по 4 погостам, в нем нет описания большинства боярщин. Письмо 1563 г. почти полное, и можно сравнить владения бояр, сведенных 80 лет назад. Так как число деревень в бывших боярщинах возросло, ясно, что и размеры самих боярщин определяются приблизительно. Подробные данные о вотчинах см. в приложении 1.

лов. Кроме перечисленных крупных землевладельцев, ряд бояр владели в Заонежье меньшими вотчинами [21].

Составленная нами по Шунгскому погосту карта наглядно показала взаимное расположение боярщин. Это отнюдь не замкнутые, четко ограниченные земли, что ясно говорит о позднем (по сравнению с общинным землевладением) и «искусственном» происхождении боярщин. Владения бояр в Шунгском погосте тесно переплетаются между собой [22], являясь наглядным свидетельством того, как феодалы по кускам захватывали общинную землю.

Объектом владения является не территория, а деревня, т. е. совокупность возделанной земли, строений и прав на использование угодий. Поэтому никаких четких границ и не может быть; владения одного боярина разбросаны по разным частям погоста самым причудливым образом.

В конце XV столетия в два приема все эти земли были конфискованы Иваном III. Кто же стал владельцем этой земли? Бо́льшая часть была отписана на «великого князя имя» и попала в пользование тех же самых крестьян, которые сидели на боярских землях. Землевладелец изменился, землепользова-

[21] Никита Лаврентьев имел вотчину в Важенском погосте; Михаил Берденев — в Шунгском, Веницком и Кижском погостах; Тимофей Матвеев сын Малого Грузова — в Остречинском; Иван Офоносов Патракеев — в Вытегорском, Андомском и Мегорском; Федор Малый Худяков — в Водлозерском и Пудожском; Григорий Ногаткин — в Вытегорском и Андомском погостах; Иван Онаньин Берденев — в Веницком погосте; Федор Яковлевич Победицкий — в Толвуйском, Федор Морозов — в Вытегорском и Андомском; Захарий Морозов — в Вытегорском и Андомском; Иван Широкий Яжжинский — в Веницком; Степан Труфанов Сарский — в Толвуйском; Никита Офанасьев — в Кижском; Спиридон Слизин — в Толвуйском; Яков Васильев Слизин — в Остречинском; Александр Тимофеев — в Шунгском, Кижском, Олонецком и Шальском; Семен Ермолин — в Челможском; Федор и Данила Крутецкие — в Важенском; Григорий Матвеев Бычков — в Важенском; Иван и Дорофей Слизины — в Остречинском; Иван Захарьин Овинов — в Веницком и Важенском; Кузьма Вангин — в Шуйском; Наталья Бабкина — в Шунгском и Толвуйском; Яков Тютюхин — в Шуйском; Родион Метусов — в Важенском; Никита Савин Татев — в Важенском; Марк Панфильев — в Шуйском и Кижском; Ол. и Вас. Матусовы — в Важенском; Заволотцкий — в Важеиском; Игнатий Филлипов да Яков Васильев — в Андомском; Игнатий да Ефрем Мишневы — в Важенском; Борис Зубарев — в Вытегорском и Андомском; Андрей Пасахнов — в Шуйском и Остречском; Василий Шалалеев — в Шуйском и Остречском; Николай Остаф Победицкий — в Олонецком погосте. Никифор Хмелев — в Шуйском; Иван Немиров — в Водлозерском и Пудожском; Ивашка Девятый марфинский человек — в Шуйском; Василий Пантелеев — в Олонецком; Никита, Иван да Григорий Бабкины — в Шальском; кн. Семен и Александр Кимские из Белозерщины — в Андомском; Офрем Мишнев — в Важенском; Андрон Филистов — в Олонецком.

[22] См. карту боярщин (рис. 20).

тель — нет. Часть земли попала в руки монастырей, в частности Соловецкого. Другие монастыри получили значительно меньше пожалования в придачи к своим старым вотчинам.

Перейдем теперь к перечню землевладельцев, современных составлению писцовых книг.

Среди церковных землевладельцев выделяются два вида: епископские кафедры и монастыри. В Заонежье первый вид был представлен только владениями новгородской архиепископской кафедры (Софийского дома), которой принадлежал ко времени присоединения к Москве чуть ли не весь Рождественский Олонецкий погост[23]. Но с приобретением новгородских земель для Москвы встал вопрос о защите новых рубежей, и Олонецкий погост приобрел военное значение. Часть входящих в него земель была отписана на имя Московского великого князя; архиепископская же кафедра получила взамен земли в Водской пятине[24].

Всего отписано на великого князя также 100 обеж[25], так что обменные земли по хозяйственной мощности примерно равны.

По северо-восточной части Заонежья, т. е. по южному берегу Белого моря, в XVI—XVII столетиях раскинулись многочисленные владения Соловецкого монастыря. До присоединения новгородских владений к Москве там были расположены «волости Марфинские Исаковы», как называют их наши писцовые книги. Марфа Борецкая одной из первых еще во второй половине XV в. пожертвовала Соловецкому монастырю значительное число своих беломорских деревень и угодий[26]. Соловецкий монастырь получает земли и от других вкладчиков[27] по данным и духовным грамотам. Монастырь приобрел большое число деревень и угодий по Поморскому и Корельскому берегам Белого моря и по прибрежным островам[28]. Некоторые из земельных пожертвований очень трудно точно

---

[23] См. приложение 1.

[24] В писцовой книге 1563 г. Андрея Лихачева читаем: «В том же погосте, в Рождественском и в Ыльинском приходе царя великого князя деревни, что бывали за владыкою, и те деревни в лете 7060-го по цареве государеве великого князя грамоте Иван Ильич Кренев да Степан Микифоров отписали на царя государя великого князя, а в тех место деревень царь и великий князь пожаловал дал архиепископу Пимину и Вотцкой пятине в Тесове 100 обеж» (Писцовая книга 1563 г. Обонежской пятины, стр. 60).

[25] Писцовые книги Обонежской пятины, стр. 62.

[26] Материалы, № 25, стр. 110.

[27] Материалы, № 16—19, 23—25, 35, 36, 38, 39, 45, 48 и др.

[28] См. В. О. Ключевский. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. «Опыты и исследования». М., 1912, стр. 12—13.

приурочить к какому-либо месту. Монастырь приобретает владения и другим путем: скупая прилежащие участки или принимая их в качестве заклада[29] часто на совершенно грабительских условиях.

Раньше других в руки соловецких монахов попали деревни по рекам Суме и Вирме. В одном житии говорится о двух монастырских дворах в устье Сумы, у пристани; в другом документе — о дворе в устье Вирмы, где хранились всякие «потребы и запасы»[30]. Довольно рано там образовался приход.

Последние пожертвования новгородских бояр имели место буквально накануне конфискации их земель московским правительством. Естественно предположить, что движущим мотивом было в этом случае сознание недолговечности своего владения: крупные новгородские вотчинники, как-бы предвидя конфискацию, без сожаления отдавали земли монастырю. Другим мотивом была, видимо, надежда на то, что, приняв пожертвование, монастырь окажет какую-нибудь поддержку вкладчику. Один из жертвователей (Федор Евстафьевич) недвусмысленно говорит об этом в своей дарственной: «...и нас бы есте не забыли, как вас бог вразумит»[31].

Среди вкладчиков мы видим и дальновидную Марфу.

С установлением власти Москвы над Поморьем рост владений Соловецкого монастыря не только не остановился, но, напротив, пошел еще более энергично. К 1479 г. относится грамота Ивана III, в которой великий князь подтверждал право Соловецкого монастыря на владение Соловецкими островами.

В 1539 г. правительство подарило монастырю земли, солеварни и рыбные ловли по рекам Выгу и Шизне (Шижме), причем было добавлено: «и кто у них в тех 13 луках учнут жити людей и крестьян, и наместники наши и волостели тех их людей и крестьян, не судят ни в чем, опричь разбоя и татьбы с поличным... а ведает и судит тех своих людей и крестьян игумен с братьею»[32]. Монастырь неоднократно получает жалованные грамоты на земли от Ивана Грозного[33]. В середине XVI в. царь дарит Соловецкому монастырю новые владения в южном Беломорье, куда вошли принадлежавшие ранее той же Марфе Борецкой деревни по Сороке и Выгу и варницы по Суме и Колежме.

---

[29] Материалы, № 21, 22, 37, 40—42 и др.

[30] См. В. О. Ключевский. Ук. соч., стр. 14.

[31] А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, стр. 38.

[32] Досифей. Описание Соловецкого монастыря, ч. III, № 1.

[33] Материалы, № 67, 70.

Скупка земель монастырем носила энергичный и последовательный характер. Это видно из сравнения по какой-нибудь местности имен продавцов участков и послухов, присутствовавших при сделке. Крестьянин, выступающий в качестве послуха в ряде документов, сам в конце концов становится продавцом [34].

Иногда крестьяне бывают вынуждены отказаться от угодий в пользу монастыря, так как угодья оказывались отрезанными от основных земель волости, а их эксплуатация — невыгодной «... и от тое есме ловли вконец истощали и опустели, что ловлишко худое, и от нас удалело за 100 верст и боле, и нам столко не добыти, сколко станет в проести и в волоките, а се государева дань великая, и нам тое ловли вперед ловити не мочно, уж есме от нее вконец опустели»[35], и т. д.

Монахи посылали царю челобитные с просьбами о новых пожалованиях. Поводы для этого они умели находить разнообразные. Часто ссылались они на нападения шведов. Так, в 1590 г. Федор Иванович жалует монастырь волостками Нюхчей и Унежмой в ответ на жалобу о разорении в связи с грабежами «немецких воинских людей» в 98 г. (1590 г.) [36]. Через полмесяца царь жалует монастырь правом беспошлинного провоза соли по Двине[37]. В 1591 г. монастырь получает всю Кемскую волость, Подужемскую, Побоозеро и Маслоозеро под предлогом защиты их от шведов[38]. В начале XVII в. монастырь получает Шуйскую волость и в середине XVII в. — Керетьскую.

Это далеко не полный перечень тех пожалований, которые получил монастырь в XVI—XVII вв.

---

[34] Напр., Петр Сидоров сын Охлябинин, выступая послухом при продаже дворов и участков в 1574 г.(Материалы, № 155), в 1578 г. (Материалы, № 187), в том же 1578 г. (Материалы, № 188) сам продает свой «двор и с местом». Другой пример: Иуда Матвеев сын, по прозвищу Истомка Масельской — человек грамотный — участвует послухом при многих сделках (Материалы, № 180 (1577 г.); № 188 (1578 г.); № 189 (1578 г.); №190 (1578 г.); № 192 (1578 г.); № 193 (1578 г.), затем сам продает свою долю в угодье (Материалы, № 198). В дальнейшем он снова выступает послухом: № 217 (1582 г.); № 219 (1583 г.); № 220 (1583 г.); № 225 (1584 г.); № 229 (1585 г.); № 231 (1586 г.); № 232 (1586 г.); № 234 (1586 г.); № 235 (1585 г.); № 238 (1586 г.) № 251 (1589 г.), а в № 233 (1586 г.), сам не участвуя в сделке, Истомка пишет купчую.

[35] 1574 г. Отступная пюхоцкого старосты Ермолы Черного и крестьян Нюхоцкой и Унежемской волостей Соловецкому монастырю на участки в Золотицкой тоне по реке Выгу. Материалы, № 156, стр. 232—233.

[36] Материалы, № 254, стр. 306—308.

[37] Материалы, № 255, стр. 308—312.

[38] Материалы, № 259, стр. 318—319.

Коротко скажу и о других монастырях Заонежья, деятельность которых, конечно, не идет ни в какое сравнение со значением Соловецкого монастыря. Остальные монастыри — землевладельцы Заонежского края — были двух разновидностей: местные, сравнительно небольшие, и богатые большие монастыри, расположенные весьма далеко от своих заонежских и других поморских вотчин. К первой разновидности монастырского землевладения относятся также земли небольших пустынь.

Одним из местных монастырей, владеющих землями, был Муромский монастырь, расположенный на юго-восточном побережье Онежского озера, между Андомским и Шальским погостами, в которых он имел небольшое число деревень. Монастырь появился в XIV столетии; в XV в. он получил от новгородского князя Василия Ивановича земли на Муромском носу и в Гакуксе, а от новгородских посадников Ивана и Волоса — землю в Андомской губе[39]. В XVII в. Михаил Федорович предоставил монастырю небольшие земли в Шальском погосте [40].

Из-за совместного с соседними общинами владения—смежных лесных угодий в 1800 кв. верст — монастырь несколько раз судится с соседним погостом[41] и Палеостровским монастырем[42].

Таким же небольшим местным монастырем был Александров-Свирский монастырь. Впрочем, он не входил в территорию Заонежских погостов в принятом мной узком смысле, а лишь граничил с юго-западной частью этой области. Ему принадлежали деревни в Важенском погосте.

В этом же погосте была расположена Важеостровская пустынь, основанная около 1520 г.

В начале же XVI в. был основан Климецкий монастырь в северной части Онежского озера. Хозяйственная деятельность монастыря сопровождалась борьбой с крестьянами-общинниками Кижского погоста.

Значительную роль в Заонежье играл Палеостровский мо-

[39] «Карелия», стр. 382.

[40] См. К. Петров. Муромский монастырь. «Олонецкий сб.», вып. 2. Петрозаводск, 1886.

[41] Приказные дела, 1646 г., № 42; М. М. Богословский. Ук. соч., т. I, стр. 89 и Приказные дела, 1644 г., № 15; М. М. Богословский. Ук. соч., т. II, стр. 55.

[42] «...бил челом Государю, Великому князю Муромского монастыря игумен Лаврентий з братиею на Палеостровского игумена Корнилия и на его братию, а сказывал Государю Великому князю, што вступаетца, де, в Муромского монастыря землю и в рыбные ловли Палеостровский игумен Корнилей с братиею» и т. д. (Материалы, № 53, стр. 131—140); (1538—1539 гг.).

настырь, по преданию, основанный иноком Корнилием. Первые достоверные свидетельства о Палеострове относятся к концу XIV столетия, однако монастырь мог возникнуть и раньше.

Принимая сообщение не слишком достоверного источника, Е. Барсов определяет появление Палеостровского монастыря «исходом двенадцатого века»[43].

В XV в. монастырь получил земельные пожалования от новгородских бояр. В конце XV в., по переписи Юрия Сабурова, Палеостров владеет небольшой землей в Шунгском погосте[44], а по следующим описаниям также в Челможском и Шальском погостах. Земли эти растут, но незначительно[45]. В дальнейшем из-за своих владений Палеостров ведет споры и судебные дела с другими монастырями[46].

В начале XVII в. монастырь был разорен литовцами и «русскими ворами», а в конце — сожжен раскольниками. Получив новые пожалования и отстроившись, монастырь все же не смог возродить своего былого состояния.

В Заонежье владели землями не только местные монастыри. В эксплуатации этого края приняли участие и чужие монастыри из Новгородской и Низовской земель. Особенно велики их владения были в чисто промысловых областях — на побережье Белого моря, Кольском полуострове, где они выступали не только сами по себе, но и организовывали иногда своеобразные промысловые компании. И не только на далеком Севере были владения крупнейших иногородних монастырей. В Заонежье крупными собственниками являлись Спасов Хутынский, Никольский Вяжицкий, Юрьев и Тихвинский монастыри. Из них Спасов Хутынский владел вотчинами в Челможском, Андомском, Вытегорском, Оштинском и Важенском погостах; Вяжицкий — почти всем Толвуйским погостом. Вяжицкий монастырь был одним из пионеров колонизации Заонежья. В середине XV в. он приобретает земли и угодья по Выгу[47], на Заонежском полуострове[48], в Шунге, Толвуе, Кузаранде, на Повенце[49]. С деятельностью Вяжицкого мона-

[43] Е. В. Барсов. Палеостров, стр. 23.

[44] Писцовые книги Обонежской пятины. М.—Л., 1930, стр. 9, а также Материалы, № 1, стр. 99.

[45] Материалы, № 256, стр. 312—315.

[46] Материалы, № 34, стр. 115—116; № 53, стр. 131—143; № 55, стр. 141—143.

[47] Материалы, № 8, стр. 102—103; № 28, стр. 111—112.

[48] Материалы, № 9—11, стр. 103—104; № 33, стр. 115; № 44, стр. 120; № 30, стр. 112—113.

[49] Материалы, № 17, стр. 111; № 29, стр. 112.

стыря связано возникновение приходских церквей, в частности в Шунгском погосте[50]. Земельные приобретения осуществляются различным путем: монастырь покупает земли, получает дары от крупных феодалов, мелких собственников и крестьянских общин.

Юрьев монастырь имел вотчины в Пудожском и Шальском погостах; Тихвинский владел в 20-х годах XVII столетия всем Шунгским погостом[51]. К 30-м годам XVII в. Шунгский погост был отобран у этого монастыря[52], а потом снова попал ему в руки.

Отношения крестьян-общинников с монастырями-землевладельцами принимали временами характер острой борьбы. Иногда тяжбы за спорные рыбные ловли вынуждали крестьян к разорительным поездкам на Олонец и даже в Москву[53]. Уже упоминавшиеся жития об основателях Соловецкого, Муромского и Челмогорского монастырей свидетельствуют о напряженной борьбе за землю и угодья между монастырями-землевладельцами и крестьянами.

Исключительной особенностью Заонежья среди других поморских областей было наличие в нем поместного землевладения, правда, в очень незначительном количестве и не во всех погостах.

В Шунгском погосте, по «старому письму» и по писцовой книге 1496 г. Юрия Сабурова, поместных земель не числится. Но уже по книге Андрея Лихачева с Ляпуном Добрыниным, писавшими Шунгский погост в 1563 г., за помещиком Иваном Горюшкиным и его детьми Иванком и Микифором показаны деревни «Лукинские Федорова», всего 11 деревень с 12 дворами в них.

В конце XVI столетия в Шунге упоминается помещик Федор Резанов, а позднее — его дети Михайла, Ондреян и Каллистрат Федоровы с матерью их Натальей[54]. Помещики Ондре-

[50] Материалы, № 33, стр. 115 (1473—1474 гг.).

[51] «В прошлом во 122-году (1614) отец наш государев блаженные памяти великий государь, царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии пожаловал в дом пречистые Богородицы в Тихвин монастырь за многое разоренье и за осадное сиденье в Заонежских погостех в Николском Шунском погосте на 1000 чети в вотчину». «Карелия» № 134, стр. 202 (1672 г.). См. также ЦГАДА, писцовые книги по Новгороду, № 979, л. 169, и сл.

[52] Писцовые книги по Новгороду, № 308, л. 246 и сл. «Погост Никольской в Шуньге на озере на Путке, что на острову, что был в вотчине за осадное от немец сидение за Тифиным монастырем, а ныне за государем царем и великим князем Михайлом Федоровичем всеа Русии по прежнему».

[53] «Карелия» № 151, стр. 240—241.

[54] Материалы, № 273, стр. 342—343.

ян и Калист Федоровы, дети Резанова, отмечены дозорщиком в 1620 г.[55]. В 1628 г. теми же деревнями владеют помещик князь Роман Путятин[56] и помещик Смирной Резанов[57]. В 1647 г. по переписной Писемского[58] описано хозяйство вдовы Федоры Путятиной «з детми: с тремя дочерми з девками», а также хозяйство сына Смирного Резанова — Романа Филиппова. Потомки Резанова и Путятина среди других помещиков отмечены в начале XVIII в. в ревизских сказках в описании Шунги[59].

Пример Шунгского погоста, показывающий незначительность поместного землевладения и наследование поместных земель, характерен и для остального Заонежья. Отсутствие на Севере поместного землевладения правильно объясняют С. Ф. Платонов[60] и Р. Б. Мюллер[61]. Поместное землевладение было невыгодно в специфических условиях севера — скудность почвы, удаленность от центра государства и пр.; кроме того, на севере трудно было использовать помещичью конницу. Помещики предпочитали получать дачи, с которых они несли службу, в более южных районах.

Небольшое количество частновладельческих земель писцовые книги отмечают кроме Шунгского также в Важенском, Челможском, Шуйском и Андомском погостах.

Кроме помещиков частными собственниками земли в Заонежье являлись так называемые своеземцы — обычно мелкие землевладельцы, удержавшие свои земли после поражения Новгорода[62]. За ними числилось небольшое количество земель в Рождественском Олонецком и некоторых других погостах.

В отличие от новгородских бояр помещики, особенно мелкие, чаще жили в своих поместьях. Их деревни расположены поблизости одна от другой. Чтобы избежать распыленности земель, производили обмены деревнями. Новгородский архиепископ Леонид, например, обменивает земли помещику Богдану Мамонову: «...и те у него 2 обжи взяты на меня, на архиепископа к Олонцу, а в то место дано ему 2 обжи Истомин-

---

[55] ЦГАДА. Писцовые книги по Новгороду, № 979, л. 209 об., 212.
[56] Там же, № 308, л. 341 об.
[57] Там же, л. 345. об.
[58] Там же, № 980, лл. 197, 199.
[59] ЦГАДА. Ревизские сказки по Новгороду, № 2542-а, лл. 731—770 об.
[60] См. С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1910, стр. 21.
[61] См. Р. Б. Мюллер. Очерки по истории Карелии в XVII в., 1947, стр. 36.
[62] См. Е. Вулих. К вопросу о своеземцах в составе новгородского общества. ЖМНП, июль, 1914.

ские Пасынкова в Ыльинском погосте на Свери для того, что ему к его поместью смежно»[63].

Основную массу земель составляли в Заонежье земли «черные». Точное соотношение между видами землевладения не может быть с точностью подсчитано на основании писцовых материалов. Примерно оно может быть выражено в процентных числах черных оброчных дворов по отношению к другим видам землевладения. В середине XVII в. в Заонежских погостах черное землевладение составляло, по Богословскому, около 65%[64]. Это довольно низкий процент по сравнению с подавляющим большинством поморских уездов[65]. Еще более низкую цифру — 25% (1623 г.) — давал только Соликамский уезд, где были расположены владения Строгановых. Давать географические границы черных земель Заонежья, понятно, не приходится. Это — вся основная территория, в которой островами, большими и малыми, расположены земли поместные, монастырские и архиепископские.

Черная земля считалась собственностью государства, с точки зрения московского правительства находилась лишь в пользовании крестьянских миров русского Севера. Сидевшее на ней население обязано было отбывать тягло. Черная земля противопоставлялась «белой» — свободной от тягла, которой владели духовенство и светские феодалы.

«Черная земля» означало — мирская, общая земля. Термин «черный» значил — ничей в отдельности, мирской[66].

Черная земля считалась собственностью государства и великого князя. Несмотря на это крестьяне могли закладывать и продавать участки, на которых сидели[67].

Участки свои крестьяне называли вотчинами и динами, разумея под этим то, что право их на землю носит наследственный характер. Вотчинная земля противопоставлялась купленной.

---

[63] Материалы, № 147, стр. 227 (1573 г.).

[64] См. М. М. Богословский. Ук. соч., т. I, стр. 50.

[65] См., там же.

[66] См. там же, стр. 52.

[67] «Жалоба, государь мне на твоего ж государева крестьянина тое ж Самозерские волости на Ондрея Андреева Лутукова. В прошлые, государь, годы для хлебного недороду от великие скудости заложил я, сирота, ему участок земли до 10-ти лет, а под заклад взял денег у него 22 алтына. И тому закладному частку моему, государь, сесь урочный год. И я, сирота, ему денег давал многажды, а участка своего просил у него взад» и т. д. «Карелия», № 68, стр. 108.

Покупка и продажа земельных участков усилилась к середине XVII в.

Я не останавливаюсь подробнее на черном землевладении, так как в дальнейшем, в связи с типами поселения и в других разделах работы, речь будет идти главным образом о черных землях и черных государственных крестьянах.

Глава IV

ТИПЫ ЗАСЕЛЕНИЯ

При общем знакомстве с любой из составленных карт по Шунгскому погосту можно сделать ряд последовательных наблюдений. Прежде всего бросается в глаза редкость поселений, их малочисленность. Затем можно заметить, что поселения разбросаны не равномерно по всей территории Заонежья, а тяготеют к воде: озерам и рекам. Рассмотрение названий селений, нанесенных на карту, приводит к выводу, что почти каждое поселение можно отнести к одной из двух категорий: либо это деревня, либо — погост. В количественном отношении они, разумеется, несравнимы: погостов-мест равно столько же, сколько погостов-округов, а именно 18. Деревень же много. И, наконец, при внимательном изучении карт становится ясно, что неравномерность размещения поселений обусловлена в первую очередь природными особенностями. Поселения показаны на карте гнездами, группами, большими и малыми. Большое гнездо составляет весь погост, отделенный ото всех смежных погостов значительными естественными препятствиями. Это может быть большое озеро или почти незаселенный водораздел с лесами и болотами. Последнее наблюдение представляется весьма важным. В пределах большого гнезда поселений — погоста можно заметить отдельные группы деревень, составляющие как бы малые гнезда.

После этого беглого обзора особенностей географического размещения поселений можно перейти к подробному разбору указанных особенностей, не ограничиваясь, разумеется, только одними картами, а привлекая разного рода историче-

ские документы и частично современные этнографические данные. И, думается, наиболее естественным порядком рассмотрения этих особенностей будет тот же самый, который возникает при постепенном рассмотрении карты.

Первой особенностью, которая обращает на себя внимание при изучении населения русского Севера, является его низкая плотность. Плотность населения этой местности и сейчас низка по сравнению с плотностью центральных и южных районов европейской части страны; в XVI—XVII вв., конечно, она была еще ниже. Для этого вывода, пожалуй, не нужно даже составлять карты, это становится ясно уже при первом знакомстве с писцовыми и переписными книгами.

Общее количество деревень Заонежья весьма невелико по отношению к этой значительной территории. По писцовой книге Андрея Лихачева 1563—1566 гг. в Заонежье числилось 2937 деревень, по письму Андрея Плещеева 1583 г. — 2138 деревень, по переписной И. Писемского и Л. Сумина 1646—1647 гг. — 2180 деревень.

Все же не следует преувеличивать этот факт. В первой половине XVII в., когда после так называемого «Смутного времени» и польско-шведской интервенции все центральные земли переживали общий экономический упадок, Поморье оказалось в стороне от арены важнейших военных действий, и разорение коснулось его в значительно меньшей степени. И тогда людность на Севере была выше, чем во многих других разоренных и выжженных областях. По сравнению с другими уездами Поморья Заонежье заселено сравнительно густо[1], хотя и уступает в этом отношении некоторым областям, например Вятке или Подвинью.

Заонежские поселения были расположены на больших расстояниях одно от другого, и причина этого не только в низкой плотности. Наличие большого количества свободных земель — отличительная черта в истории заселения европейского Севера. Но эти огромные земельные территории были расположены не массивами; наоборот, почти везде участки годной для обработки земли разработаны небольшими островками среди лесов и болот. Это обстоятельство ставило предел величине отдельных поселений и вынуждало жителей «садиться врозни». Такой характер расселения на местности можно назвать оазисным.

Дворянин Золотарев, по долгу службы путешествовавший по Заонежью, писал об особенностях расселения и о своих до-

[1] См. М. М. Богословский. Ук. соч., т. I, приложение, стр. 64.

рожных трудностях: «врознь, погост от погоста верст по 50 и по 100, а иные выставки и больше... А в иных, государь, местах и на лошади, и судном проезду нет: и я в таких местах пеш волочусь»[2].

Эта разбросанность поселений ясно видна на составленных картах. Об этом же говорят документы: «... а жили промеж мхи и болоты, от иных погостов и волостей удалели...»,— жалуются крестьяне одной из выставок Шунгского погоста[3].

Однако разбросанность поселений неравномерна.

Отличительной чертой размещения поселений на Севере является их тяготение к побережьям озер, заливов, рек. На картах Генерального межевания и современных картах крупного масштаба видно, что бóльшая часть водоразделов лишена жилья, а основная масса поселений жмется к речным бассейнам. Особенно удобными для заселения оказались берега заливов и берега небольших рек, где нет заливных пойм.

По природным условиям Заонежье несколько отличалось от других исторических областей северной России. Большинство уездов Поморья XVII в. обнимало бассейн какой-нибудь большой реки с многочисленными притоками. При этом почти все поселения были вытянуты прерывистой лентой вдоль речных берегов. Своеобразие Заонежских погостов заключалось в том, что вместо реки их объединяло огромное озеро со сравнительно небольшими притоками. Большая часть поселений тяготела не к самому озеру, а именно к этим рекам (Мегре, Вытегре, Андоме и т. д.), а в северо-западной части уезда — к многочисленным небольшим озерам и узким заливам Онежского озера. Так расположено подавляющее большинство поселений.

Писцы, а стало быть, и сами крестьяне иногда называют эти длинные и узкие заливы реками. Это одно из косвенных указаний на пришлый, русский элемент в составе населения Заонежского полуострова. Только переселенцы, двигавшиеся с юга по рекам, могли назвать так заливы, озера.

Подробнее можно разобрать преобладающие типы заселения по составленным картам Шунгского погоста.

Берем древнейшую карту[4], составленную по писцовой книге Сабурова 1496 г. Подавляющая масса селений расположена в центральной части погоста, в северо-западной части погоста всего 2 поселения, в юго-восточной — 3. Пустует и вся

[2] Приказные дела, 1649 г., № 29. Цит. по М. М. Богословскому. Ук. соч., т. I, стр. 35.

[3] 1660 г. «Карелия», № 92, стр. 138—141.

[4] См. вклейку к стр. 173.

юго-западная часть. Таким образом, заселена лишь незначительная площадь всей погостской территории, но заселена достаточно плотно. Большинство поселений вытянулось вдоль берегов Путкоозера, Валгомозера и Святой губы Онежского озера. Другие озера и заливы заселены реже. Таким образом, господствует прибрежный тип заселения, в котором можно выделить 2 подтипа. Для первого из них характерно расположение поселений на берегах рек, для второго — по берегам озер. В последнем подтипе можно выделить заселение берегов большого озера (типа Онежского) и берегов малых озер или заливов большого озера (например, Путкоозера или Святой губы). Наконец, некоторое, весьма незначительное число поселений расположено на водоразделах. Водораздельный тип представлен не больше чем шестью поселениями (составляя, следовательно, 3—4% всего количества поселений). На прибрежный речной приходится примерно 15 поселений.

Остальные поселения принадлежат к прибрежному озерному типу заселения, причем характерно, что на берегах большого Онежского озера на территории Шунгского погоста не больше 10 поселений; заселены главным образом заливы и берега малых озер. Цифры можно дать лишь приблизительные, так как часто трудно определить тип (например, поселение № 103 расположено и в устье реки и на берегу озера, то же самое можно сказать и про поселения № 111, 75, 79, 65 и т. д. Поселение № 121 стоит не на реке, но и не так далеко от нее, чтобы отнести его к водораздельному типу. Поселения № 146 и 35 в одинаковой степени можно отнести и к прибрежно-озерному подтипу, и к прибрежно-заливному и т. д.). Впрочем, в таких уточнениях и нет необходимости. Достаточно установить преобладание прибрежного типа заселения, особенно заселения берегов малых озер и заливов.

Сравнивая древнейшую карту конца XV в. с последующими, в том числе и с картами начала XVIII в., убеждаемся, что никаких существенных изменений среди типов заселения Шунгского погоста не происходит. Может быть, только еще больше сокращается заселение берегов больших озер, но несколько увеличивается заселение рек за счет освоения берегов небольшой речки, впадающей с юго-востока в Фоймогубу. Больше того, судя по карте Генерального межевания (1788 г.), по Шунгскому погосту типы заселения не меняются и к этому времени.

Это заключение позволяет без большого риска привлечь для характеристики типов заселения других районов Заонежья, по которым не составлены карты XV—XVI вв., соот-

ветствующие карты Генерального межевания. Рассмотрение этих карт убеждает в повсеместном преобладании прибрежного типа заселения. Поселений непосредственно на берегу Онежского озера (озерный тип) немного, но огромное число поселений расположено по сравнительно небольшим озерам и заливам более крупных озер. Тип этот преобладает в северо-западном Заонежье — на Заонежском полуострове. В южном и юго-восточном Заонежье преобладают прибрежные речные поселения. Характерны поселения вдоль реки Вытегры, Андомы, Ошты и т. д. Озерный тип распространен на юге в меньшей степени, чем на севере; однако он встречается, например, в местности вокруг Кемозера, где поселение расположено на возвышенности вблизи небольшого озерка. В северном Заонежье, в Выгозерском погосте, распространены оба основных типа. То же можно сказать о юго-западном Заонежье.

Некоторые изменения в типах заселения возникают в XVIII—XIX столетиях; списки населенных мест 1868 г. и 1879 г. наряду с поселениями на озерах и реках упоминают деревни «при колодцах».

Беглые замечания путешественников и исследователей, а также изучение современных карт говорят о преобладании прибрежного типа заселения и в настоящее время.

В своей работе «Город и деревня в Европейской России» В. Семенов-Тян-Шанский, не касаясь конкретных поселений русского Севера, определяет единый тип заселения: «...*северный, промысловый по преимуществу* и лишь в слабой степени земледельческий, руководимый *течениями рек,* берегами *озер,* почти не проникающий на болотистые торфяниковые водоразделы, где еще со времен Великого Новгорода до сих пор царит сплошная, так называемая «мать зеленая пустыня», и соответствующий наиболее развитой сети сплавных рек»[5].

И. И. Сорочинская-Горюнова[6] детализировала классификацию поселений В. Семенова-Тян-Шанского и на материале восточного Приладожья сделала попытку выявить варианты северного озерно-речного типа. Ею выделены несколько подтипов.

I. Речной тип поселений, охватывающий до 40% всех посе-

---

[5] В. Семенов-Тян-Шанский. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910. стр. 13.

[6] См. И. И. Сорочинская-Горюнова. Типы населенных пунктов восточного Приладожья. «Изв. Всес. геогр. о-ва», т. 78, вып. 2. Л., 1946, стр. 183—192.

лений восточного Приладожья, распространенный в основном по нижнему и среднему течению рек Видлицы, Тулоксы, Олонки и Обжи.

2. Озерный тип поселения. Распространен в 50—70 км от берега Ладожского озера (составляет примерно 25% всех изученных автором поселений). Этот тип подразделяется на 3 подтипа: а) прибрежные озерные селения; б) селения озерных наволоков; в) селения озерных перешейков.

3. Сележно-озерный или возвышенно-озерный тип поселения, близкий озерному.

4. Сележный тип поселения.

5. Тип поселений на возвышенности.

Если упростить классификацию Сорочинской-Горюновой, то дело сведется к тем же 3 основным типам: речному, озерному и водораздельному, из которых первые два преобладают.

К. К. Романовым[7] обследованы поселения в другой части русского Севера — районы рек Пинеги и Мезени. Им отмечено расположение поселений вдоль больших рек и их притоков. Опасаясь ущерба от разливов во время весеннего половодья, местные жители стали устраивать поселения на высоком берегу. Все же некоторые «околы», т. е. обособленные группы домов в Кевроле, стоят низко, у берега.

Господствующее расположение поселений у воды К. К. Романов фиксирует и в Заонежье[8].

М. Б. Едемский отмечает размещение поселений на берегах рек в районе Ваги и ее притоков[9].

В смежных с Заонежьем областях центральной и западной Карелии, по словам Р. М. Габе, поселения располагаются как на низменных местах, на берегах рек и озер, так и на возвышенностях, «на угорье», но тоже вблизи воды. Жители уверяли этого автора, что жить у воды «куда веселее»[10]. В Ухтинском районе прибрежные поселения отмечает Д. А. Золотарев[11]. Деревни вепсов южного Заонежья также располагаются по берегам рек и озер[12]. По моим собственным наблю-

[7] См. К. К. Романов. Жилище в районе реки Пинеги. В кн.: «Искусство Севера», т. II. Л., 1928, стр. 7—31.

[8] См. К. К. Романов. Жилой дом в Заонежье. «Искусство Севера», т. I (Заонежье). Л., 1927.

[9] См. М. Б. Едемский. О крестьянских постройках на севере России. «Живая старина», вып. I—II. СПб., 1913, стр. 25 и сл.

[10] См. Р. М. Габе. Карельское деревянное зодчество. М., 1941, стр. 20.

[11] См. Д. А. Золотарев. В северо-западной Карелии. Западнофинский сборник. Л., 1930, стр. 1—21.

[12] См. З. П. Малиновская. Из материалов по этнографии вепсов. Западнофинский сборник. Л., 1930, стр. 163—200.

дениям, речной и озерный тип заселения полностью господствует и на Заонежском полуострове и в соседних с Заонежьем районах Карелии, а также в смежных районах Архангельской области: по Кенозеру, среднему течению Онеги и Моши, по южному побережью Белого моря (где имеются также поселения непосредственно на высоком морском берегу).

Таким образом, указания на единообразие в типах заселения, а именно на господство речного и озерного типа заселения, имеем почти по всему Поморью.

Берега рек и озер по нескольким причинам обрастали поселениями.

Во-первых, это были экономические нервы области — единственно удобные дороги при почти полном отсутствии тележных дорог. По этим речным дорогам новгородцы проникли в Поморье и расселялись далеко на северо-восток, лишь в случае необходимости переходя через водоразделы.

Во-вторых, реки и озера были источниками рыбных промыслов, а чем дальше на север, тем более увеличивалась роль промыслов за счет невозможного в прошлом на Крайнем Севере земледелия.

Открытые берега больших озер были менее удобны для промыслов, чем небольшие заливы в устьях рек, кроме того, там мешали ветры. «... да летом же, государь, бывает на Онеге, и на малом озерке, приехав к берегу деревни видел, а в судне малом переехать немочно, ветры ж держать» [13].

В связи с этим по открытым побережьям больших озер было расположено мало селений. Наоборот, поселения, расположенные в устьях рек, в небольших бухтах, на перевозах и т. д., росли быстро. См., например, на картах рост деревень на Фоймогубе, деревни при впадении реки Путки в Хашозеро, при выходе той же реки из Путкоозера, некоторые деревни в устье Святой губы и т. д.

В-третьих, большинство удобных для обработки земель на севере расположены по берегам узкой лентой, причем иногда через 100—200 метров от реки уже начинается «сузем». Сузем, или суземье — водораздел, был покрыт болотами или труднопроходимым лесом, тогда как вблизи рек благодаря постоянному дренажу нет болот. В связи с тем, что подавляющее большинство рек северной России течет с юга на север, почва в долинах рек несколько теплее, чем на водоразделах.

---

[13] Приказные дела 1649 г., № 29; М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., ч. I. М., 1909, стр. 35.

Наконец, в поймах рек расположены заливные луга, которые издавна служили базой для животноводства.

Таковы экономические причины, обусловившие столь характерный для Поморья тип заселения местности. Последние причины обычно недоучитываются. Не следует забывать, что русские пришли в Поморье с довольно высоко развитой земледельческой техникой и со старой традицией в животноводстве, поэтому хорошая почва для пашни и наличие близко расположенных сенокосов должны были быть решающим мотивом при устройстве жилья.

Земледелие по всему Поморью находилось в трудных условиях в связи с плохой почвой, ранними неожиданными морозами, туманами, разливами рек, которые смывали пахотные земли и т. д. Это не раз отмечалось в литературе [14]. Описывались титанические трудности, связанные с расчисткой из-под леса новых нив и первоначальной обработкой их[15]. Нет нужды повторять это.

И все же, несмотря на все трудности, связанные с земледелием, население упорно держалось за него. Иначе и не могло быть в условиях патриархального уклада при слабом развитии экономических связей (в частности, торговли). Поэтому не только река, но и расположение удобных для занятий сельским хозяйством земель определяли тип заселения.

Я уже говорил, что Шунгский погост (см. карты) был заселен особенно густо в средней части. Это не может быть объяснено только наличием рыбных угодий и удобством сообщения по длинным заливам, так как такие же заливы имеются неподалеку, но они совсем не заселены. Причину плотности заселения центральной части Шунгского погоста, очевидно, следует искать в особенностях почвы. Действительно, район Шунги отличается плодородием почв, которое зависит от выходов на поверхность земли особого минерала, близкого ископаемому углю — так называемого шунгита, а также шунгитовых сланцев. Кроме наличия в почве шунгита и шунгитовых сланцев почвы рассматриваемой области ничем не отличаются от почв окружающих областей, а урожайность на них выше [16]. Почва Шунги черного цвета и местные жители называют ее «черноземом».

---

[14] См. А. Я. Ефименко. Ук. соч., стр. 199—201; М. М. Богословский. Ук. соч., стр. 166 и сл.

[15] См. С. Приклонский. Ук. соч., стр. 66—67.

[16] См. М. А. Тойкка и А. П. Кекконен. Шунгит как местное удобрение. «Уч. зап. Карело-Финского гос. ун-та», т. I. Петрозаводск, 1947, стр. 218.

Основное месторождение шунгита, по которому этот минерал и получил свое название, самое богатое. Оно расположено на перешейке между Путкозером и Валгомозером, который покрыт невысокими холмами, вытянувшимися в том же направлении, что и озера.

Месторождения шунгитовых сланцев имеются и в других районах Заонежья — на Кар наволоке, близ села Толвуи, около деревень Цилополь, Царево, Вотвицино, на берегу губы Святухи у Габострова, у дер. Фоймогуба, Ковдозере, Кижозере, на Кижском архипелаге, в районах Путкозера, Великой губы, Космозера, Калиручья[17].

Следовательно, все три расположенные на полуострове погоста — три средоточия поселений — расположены вблизи шунгитовых месторождений. Побережья Путкозера, Фоймогубы, Святухи, Великой губы также плотно заселены. Очевидно, поселения Севера следуют не только речным долинам, но и, если можно так выразиться, выходам на поверхность шунгита, т. е. расположены в наиболее плодородных местах. Поэтому при объяснении особенностей заселения и других местностей Заонежья и всего Поморья нельзя ограничиваться указаниями только на многообразную роль реки.

В заключение — несколько слов о прибрежном типе заселения как о стадии. Вряд ли может вызвать сомнение, что этот тип является древнейшим в условиях Севера, а скорее всего он является древнейшим и для всей лесной полосы. Он господствует в Поморье вплоть до настоящего времени. Водораздельный тип возникает только в редких случаях и притом в местах старого и плотного расселения (что указывает на его относительно позднее происхождение на Севере); в малозаселенных местностях водораздельный тип обычно отсутствует (сравните в Шунгском погосте густонаселенную часть и малонаселенную).

Характерно изменение типа заселения в Новгородской области. В XVI—XVII вв. там был распространен прибрежный речной тип заселения, сходный с типом заселения Поморья. А. М. Андрияшев отмечает на территории Шелонской пятины в XV—XVII столетиях тип заселения, «состоящий из мелких поселков, расположенных по течению рек, местность же между этими реками остается совершенно пустынной»[18].

---

[17] См. М. А. Тойкка и А. П. Кекконен. Ук. соч., стр. 223.

[18] А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли. М., 1913—1914, стр. XXXII, сноска.

В начале XX в. водораздел был в значительной степени вырублен и заселен. Во всяком случае В. Семенов-Тян-Шанский отмечает там господство водораздельного типа заселения[19].

Конечно, прибрежный тип заселения не является вечной фатальной особенностью русского Севера. Неуклонный рост производительных сил, лесной и сельскохозяйственной техники позволяет врубиться в сузем, осушить болота и освоить водораздел.

[19] В. Семенов-Тян-Шанский. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910.

Глава V.

ТИПЫ ПОСЕЛЕНИЙ

Рассмотрим теперь типы поселений, которые отмечаются писцовыми книгами Заонежья. Ошибочно было бы считать, что каждый новый термин писцовой книги обозначает особый тип поселения. Под типами поселений везде имеются в виду разновидности селений, отличающиеся в социально-экономическом отношении, как-то: село в значении центра феодального землевладения, деревня — обычное поселение крестьян, погост с церковью и окружающими ее домами служителей культа и т. п.

Писцовые книги знают термины: погост, деревня, починок, сельцо, деревня с Большим двором (иначе деревня «Большой двор» или «Великий двор»[1]), усадище, городище, селище, рядок, посад, выставка и некоторые другие. Из них в качестве типов поселений могут рассматриваться по существу только лишь погост и деревня. Торговые рядки, посады не относятся к сельским поселениям в узком смысле слова, занимая промежуточное место между поселениями сельского и городского типов; починок является разновидностью деревни, а именно вновь возникшим селением, не положенным еще в обжи, а обрабатываемым на льготных условиях вплоть до следующей переписи или в течение оговоренного срока; термины село, сельцо, деревня с Большим двором

[1] «Великий двор» редко упоминается, напр., в переписной 1678 г. ЦГАДА. Ревизские сказки по Новгороду, № 2541, л. 183 об.

и т. д. отражают одно и то же понятие — поселение с двором феодала — новгородского боярина; в XVI—XVII вв. пережиточно так называются некоторые деревни, хотя новгородских бояр уже не было. Усадищем такое поселение называлось обычно, когда пустело. Городищами[2] в Заонежье XVI—XVII вв. называются не «живущие» поселения, а давно заброшенные укрепленные места. Селищем же называется не особый вид поселения, а просто старое, часто заброшенное, поселение[3]. Термин «выставка» большей частью употребляется в отношении филиальной церкви (а также округа) в отдаленной местности и, стало быть, обозначает разновидность погоста. Другое значение слова, отмеченное Андрияшевым в Шелонской пятине (разновидность починка), в Заонежье не было употребительно.

Погост-место[4] представляет собой в Заонежье XVI—XVII вв. в простейшем случае церковь с кладбищем при ней и несколько дворов служителей: священника, дьячка, проскурника. Большей частью на погосте отмечаются дворы нищих, иногда бобылей. Располагался погост, как правило, вне поселений, на возвышенном берегу, часто на мысу, омываемом озером или рекой.

Приведу описание погоста по древнейшей сохранившейся писцовой книге 1496 года: «погост Никольской в Шунге, на погосте церковь велики Никола и другая теплая церковь великии Илья, а у церквей служит игумен Тарасей, сеют на него коробью ржи; дв. дьяк Макар, дв. сторож Осташко, сеют ржи четвертку, сена у всех восем копен; у всех пол-обжи»[5].

Вот описание другого Заонежского погоста по той же книге «Погост Никольской на реце на Оште. На погосте церковь велики Никола; а у церкви игумен Герасим, пашни нет»[6]. Всего по Заонежью сохранилось в книге 1496 г. описание трех погостов-мест. (По Вытегорскому погосту начало с описанием погоста-места отсутствует.) Население в них не превышает 3 человек на каждый погост (имеются в виду хозяева дворов).

---

[2] В Андомском погосте: «деревня за городищем» (ЦГАДА. Ревизские сказки, № 2541, л. 211 об.). Или: «дер. Фетковская под горотком» (Писцовые книги Обонежской пятины, стр. 235).

[3] «Да к той же деревне отхожево сена, что осталось у вытей под деревнею на Шамординском селище 27 копен...». ЦГАДА. Писцовые книги по Новгороду, № 308, л. 255.

[4] См. сноску 25 на стр. 27 настоящей книги.

[5] Писцовые книги Обонежской пятины, стр. 1.

[6] Там же, стр. 29.

Через 60 лет облик погоста-места несколько меняется. В писцовой книге Андрея Лихачева, 1563 г., читаем: «Погост Никольской в Шунге. На погосте церковь великий Никола, а другая церковь великий Илья пророк, дв. игумен Варлам, дв. поп Ларион, дв. дьяк Иванко, дв. пономарь Ларионко, дв. проскурник старец Протасей; да на погосте же 20 старцов да стариц и с игуменьею пол-40; пашни под игуменем и под попом с собором с церковным сеют в поле ржы коробью с четверткою, сена косят 8 коп., пол-обжи»[7].

Там же изменился и другой погост — Оштинский. В 1563 г. там уже 2 церкви, 2 поповских двора, двор дьячий и двор сторожа. Кроме того, упомянуты 10 старцев, 8 стариц и 2 бобыльских двора[8].

Описание же Покровского Вытегорского погоста по той же книге уже мало чем напоминает первоначальный одинокий и малолюдный погост: «Погост Покровский на Вытегры за Онегом озером. На погосте церковь Покров святии богородицы да другая церковь теплая Никола чюдотворец, дв. поп Федор, дв. поп Терентей, сеют в поле ржы пол-4 коробьи, сена косят 40 коп., пол-2 обжи. Да на той же церковной земли: дв. дьяк Илейка Степанов, дв. дияк Дмитрец Кондратов, дв. понамарь Ламанко, дв. понамарь Данилко, дв. проскурница Маринка. Да у церкви ж на погосте 9 старцов да 12 стариц. Да прибыло на погосте же лавок, а в них торгуют того же погоста крестьяне всяким мяхким товаром. Лав. Мартынка Зелейника, царя великого князя крестьянина, в длину пол-3 сажени, поперег сажень с лохтем, середнево ч. Лав. Сенки Федорова, царя великого князя крестьянина, в длину 2 сажени, поперег сажень. Лав. Крючкова Михайлова сына Попова, молодово ч., в длину сажень, поперег то ж. Лав. попа Михайла Старого, середнево ч., в длину 3 сажени, поперег сажень с лохтем. Лав. попа Федора Михайлова, середнего ч., в длину 2 сажени, поперег сажень с лохтем. Лав. царя великого князя кристьянина Чудина Русанова, середнего ч., в длину сажень с лохтем, поперег пол-2. И всего середних 5 лавок, а молодых людей 1 лавка, а оброку царя и великого князя на те лавки положено 6 алтын, да с оброку пошлин 2 ден»[9].

Дальше идет описание нового расширения погоста: «...на погосте же прибыло анбаров от погоста 3 версты вниз Вы-

[7] Писцовые книги Обонежской пятины, стр. 147.
[8] Там же, стр. 221.
[9] Там же, стр. 202.

тегры реки на Селюгине поле, а в них сыплют соль и хлеб торговые люди...» и т. д.[10].

В отдельных случаях погосты-места становились небольшими монастырями с несколькими церквами и большим причтом. Во главе такого монастыря стоял игумен.

Приведенные примеры характеризуют последовательное увеличение и экономическое преобразование погоста-места. Разумеется, не в каждом погосте церковный двор обрастал дворами торговцев и купцов и превращался из одинокого храма в торговое поселение с церковью в нем. Последний этап развития погоста был скорее исключительным[11], но при наличии ряда благоприятствующих социально-экономических обстоятельств возможным превращением. Такими обстоятельствами могли быть выгода бойкого месторасположения на стыке торговых путей, богатство края, социальное расслоение окружающего крестьянства, безопасность от нападений иноземцев и т. п.

Погосты-места обычно носят двойные названия: одно по имени святого, в честь которого воздвигнута церковь, другое большей частью происходит от названия реки, озера или местности, как это видно из приводившихся примеров.

Погост-место было финансово-административным, культурным, религиозным центром погоста-округа. На погосте находилась главная, а иногда единственная церковь, куда сходилось население из самых отдаленных мест, отстоящих часто за многие десятки верст, если там еще не была воздвигнута часовня. На погосте же находилась мирская изба и трапеза, где устраивались сходки для решения общественных дел: судов, обысков и пр.; там же устраивались празднества и пиршества всего населения. Подробнее об этом будет сказано в связи с рассмотрением погоста как общины.

Выставки — новые церкви или часовни — образуются в качестве филиалов основной погостской церкви и имеют свои приходы. Если по книгам конца XV — середины XVI в. выставки — редкое исключение, то, по последней переписной Аничковых[12], лишь в черных оброчных землях в Веницком погосте числится 8 выставок, в Остречинском — 5, в Оштинском — 4, в Шимозерской волостке — 4, в Мегорском — 6,

---

[10] Писцовые книги Обонежской пятины, стр. 202.

[11] П. А. Соколовский явно ошибался, считая погост наиболее многолюдным селением из нескольких рядов. П. А. Соколовский. Ук. соч., стр. 61. В Заонежье такие случаи нетипичны даже для поздних описаний.

[12] ЦГАДА. Ревизские сказки по Новгороду, № 2541.

в Вытегорском — 2, в Андомском — 5, в Водлозерском — 0, в Шальском — 2, в Пудожском — 7, в Выгозерском — 0, в Толвуйском — 3, в Шунском — 1, в Кижском — 9. Сведения об остальных погостах отсутствуют.

Деревня — основной тип поселения писцовых и переписных книг. Все остальные типы поселения вместе взятые составляют ничтожный процент.

Что же такое деревня? Современное значение этого слова значительно отличается от того, что называлось деревней в XVI—XVII вв. Сейчас это поселение, состоящее из нескольких или многих дворов, поставленных поблизости друг от друга. Из описания писцовых книг выступает несколько другая деревня — малодворное или однодворное поселение. Причем, само поселение с окружающей ее возделанной землей составляло одно целое. Термин «деревня» производили от «драти» (расчищать); теперь этимологически чаще связывают с «дерево». Потебня, Трубачев указывают на связь с литовским dirva (пашня). Термин этот появился, по-видимому, лишь в XIV в. (духовная Ивана Калиты) и только в XV в. стал господствующим обозначением крестьянских поселений. Первоначальное, еще не расчленившееся понятие деревни обнимало расчистку с поселением на ней. Отсюда «продать, купить деревню» подразумевало все хозяйство с землей и угодьями.

Вот как выглядит древняя северная деревня по купчей 1578 года [13]. «Се яз Игнатей Никифоров сын да своими детми з Дементием и с Никитою, да яз Лазар Никифоров же сын и своими детми с Софроном да сь Евсеевьем, да яз Борис да яз Родион Ильины дети продали есмя игумену Козме Кирилова монастыря цареву и государеву черную деревню в Каргопольском уезде на Водлоозере на Канзонаволоке без четверти обжи со всеми угодьи, и с лешими и с водяными ловлями и с пахотною землею, и с Новгудою рекою, и с Ылексою рекою от устья и до Сиговца, и с Нялмоозером. А взяли есмя на той деревни и на всем угодьи у игумена Козмы з братьею 20 руб. денег» и т. д.

Деревня описана здесь, как четкое экономическое целое, состоящее из пашенной земли, рыбных ловль, лесных угодий. Так как среди деревенских владений упомянуты две ре-

---

[13] Купчая на деревню на Канзонаволоке Водлозерской волости Каргопольского уезда. Материалы, № 194, стр. 265.

ки и озеро, надо думать, что деревня эта была изолированным целым и отстояла от других деревень довольно далеко.

Для определения границ в документах обычно употребляется формула: «куда соха, коса и топор ходили». Соха, коса и топор выступают как символы: первая—пахотных владений, вторая — сенокосов, третий — лесных угодий.

Что угодья принадлежат всей деревне, а не отдельным дворам, хозяйствам (если их было несколько в деревне) подтверждается рядом документов [14]. Именно деревни, а не дворы клались в обжи и были мелкой податной единицей.

Оставим на некоторое время деревню на Канзонаволоке, не затрагивая пока ее обитателей. Посмотрим теперь, как изменяется число деревень и дворов по отдельным погостам Заонежья (табл. 1 и 2; см. также карты на стр. 106—108). Не по всем писцовым и переписным книгам можно проследить эти изменения, так как древнейшая писцовая книга 1496 г. (вместе с выдержками из «старого письма») сохранилась только по 4 погостам-округам. По сохранившейся книге 1563 г. наибольшее количество деревень — в самых южных погостах: Олонецком, Важенском и Оштинском (больше 300 дер. в погосте), а также Остречинском и Мегорском (около 200), наименьшее — в самых северных: Выгозерском, Водлозерском и Челможском (меньше 100). По числу дворов на первом месте стоит Олонецкий погост (1338), за ним Важенский (685) и Оштинский (518). Меньше всего дворов было в Челможском и Водлозерском погостах.

В общем, видно, что число деревень и дворов убывает с юго-запада на северо-восток, т. е. по мере удаления от издавна заселенных русских земель Поильменья. Это обусловлено, прежде всего, лучшим качеством почвы на юго-западе. Можно было бы предполагать также, что процесс заселения русскими Заонежья не был еще вполне закончен и переселенцы «еще не дошли» до глухого северо-востока. Однако, как мы увидим дальше, и в более позднее время юго-запад был заселен более плотно.

Особое положение занимает самый северный, Выгозерский погост. По числу деревень (92) он занимает одно из последних мест, а по числу дворов (320) — среднее. Таблица средней численности дворов в деревне (стр. 115) показывает одну из самых высоких цифр для этого времени (3,48 дв. на деревню). Причина этого своеобразия кроется в хозяйственной особенности Выгозерского погоста: ведущую роль

[14] Например: «...пожаловал есми... деревнями и со всеми угодьи». Материалы, № 153, стр. 230.

играло не земледелие, а рыбный и соляной промыслы, допускающие большую концентрацию населения. Имело значение и то обстоятельство, что южное Беломорье часто подвергалось грабительским набегам «каянских немцев» — шведов, и мелкие, малодворные поселения были особенно беззащитны. Кроме того, на Выгу были расположены вотчины Соловецкого монастыря — могущественного феодала, усиленно привлекавшего к себе население. Среднее число дворов на деревню, вычисленное лишь для черных волостей того же Выгозерского погоста, значительно ниже — 2,13 дв. на деревню.

Таблица 1

Изменение количества деревень по погостам

Погосты	Старое письмо	Сабуров, 1496 г.	Лихачев, 1563 г.	Плещеев, 1583 г.	Писемский, 1646 г.
Веницкий	205	232	181	165	
Оштинский	235	266	324	161	164
Вытегорский	115	126	122	88	81
Шунгский	136	149	140	104	111
Итого: *	691	773	767	518	—
Остречинский	—	—	200	102	139
Олонецкий	—	—	416	354	333
Важенский	—	—	314	137	195
Шуйский	—	—	125	93	114
Мегорский	—	—	193	167	164
Андомский	—	—	187	197	163
Водлозерский	—	—	45	24	21
Шальский	—	—	82	61	59
Пудожский	—	—	133	145	125
Выгозерский	—	—	92	73	18
Толвуйский	—	—	188	137	174
Кижский	—	—	163	115	136
Челможский	—	—	33	15	18
Общее колич. деревень			2937	2138	2013 (без Веницкого пог.)

* Так как по 4 первым погостам имеются сведения по письму 1646 г. и «старому письму», для сравнения здесь приведено общее количество деревень в этих погостах и по последующим описаниям.

Таблица 2

Изменение количества дворов по погостам

Погосты	Старое письмо	Сабуров 1496 г.	Лихачев 1563 г.	Плещеев 1583 г.	Писемский 1646 г.
Веницкий (10)*	214	252	206	242	—
Оштинский (9)	270	347	518	428	443
Вытегорский (7)	148	197	224	138	312
Шунгский (17)	145	168	232	251	440
Остречинский (13)	—	—	341	170	291
Олонецкий (12)	—	—	1338	743	1548
Важенский (11)	—	—	685	489	506
Шуйский (14)	—	—	459	208	499
Мегорский (8)	—	—	352	298	326
Андомский (6)	—	—	404	538	606
Водлозерский (3)	—	—	60	43	38
Шальский (5)	—	—	184	243	298
Пудожский (4)	—	—	292	458	461
Выгозерский (1)	—	—	320	299	37
Толвуйский (16)	—	—	326	286	658
Кижский (15)	—	—	367	351	690
Челможский (2)	—	—	71	35	71

* Номера после названий погостов соответствуют номерам погостов на картах (стр. 106—108).

Вообще по книге 1563 г. колебания в средних числах дворов на деревню невелики: от 1,14—в Веницком погосте до 3,67 — в Шуйском.

Интересно отметить, что в погостах, пограничных с Вотской пятиной и чаще всего подвергавшихся нападению шведов (Олонецкий, Шуйский, Выгозерский), приходится самое высокое число дворов на деревню. Основной же причиной укрупнения селений в этих местах была, по-видимому, большая роль промыслов, о чем уже говорилось в отношении Выгозерского погоста, и развитие ремесла. В северо-западном Заонежье (в частности, в Шуйском и Выгозерском погостах) находился один из основных районов железоделательного производства[15]. Железо и железные изделия не только удовлетворяли местные нужды, но и вывозились за пределы Заонежья.

[15] См. С. В. Бахрушин. Железоделательные районы в русском государстве в XVI веке. «Вопросы географии», сб. XX, 1950, стр. 54—55.

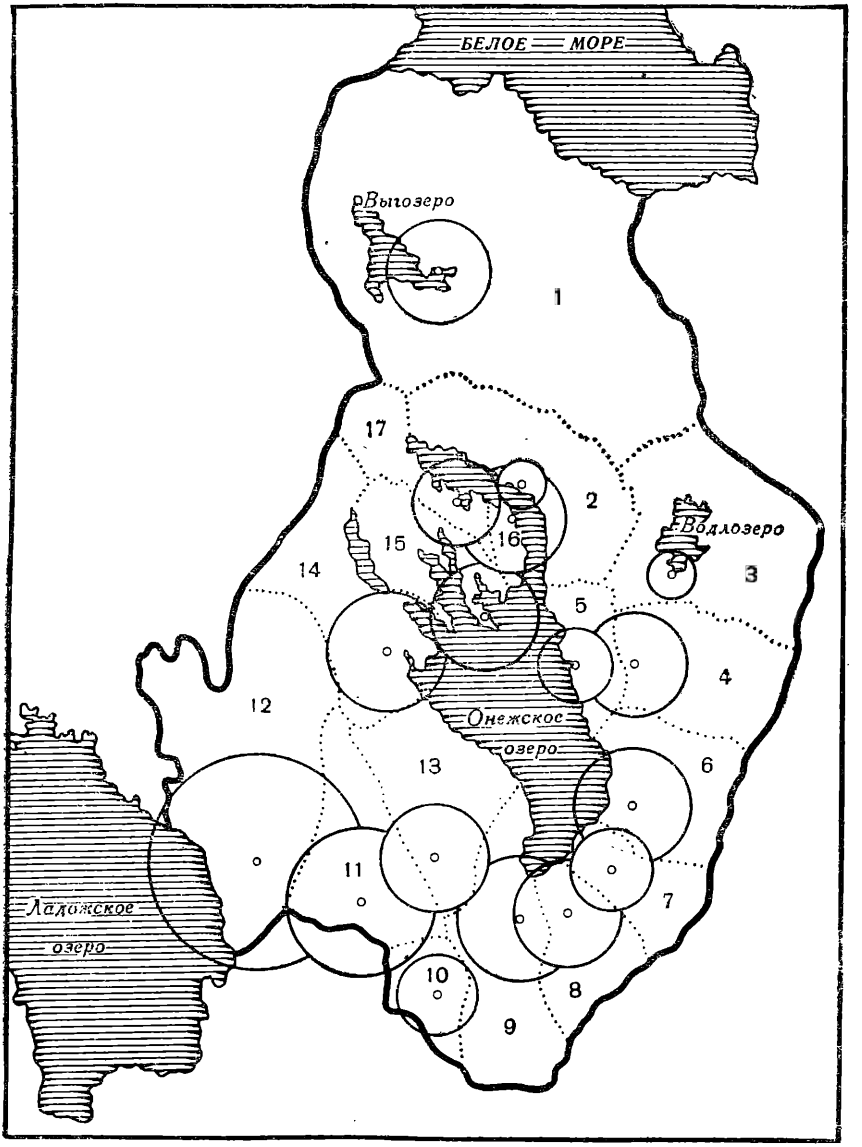

Рис. 2. Количество дворов в погостах-округах по писцовой книге А. Лихачева, 1563 г.

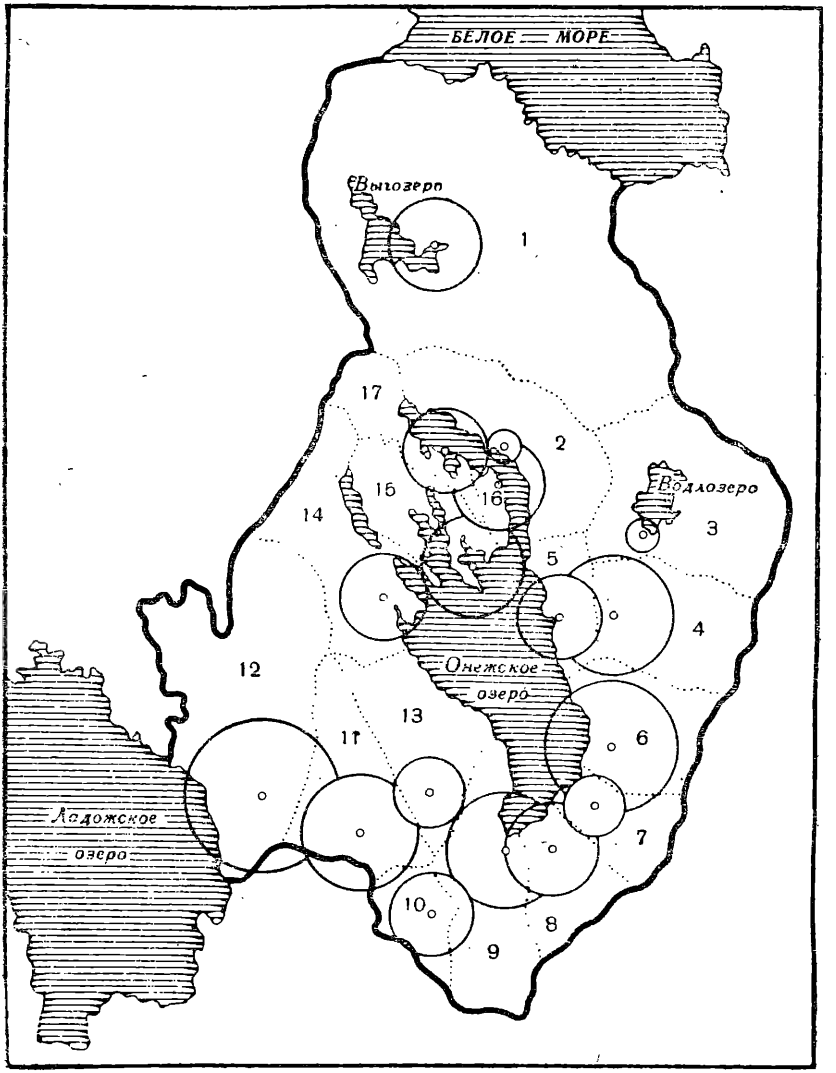

Рис. 3. Количество дворов в погостах-округах по писцовой книге А. Плещеева, 1583 г.

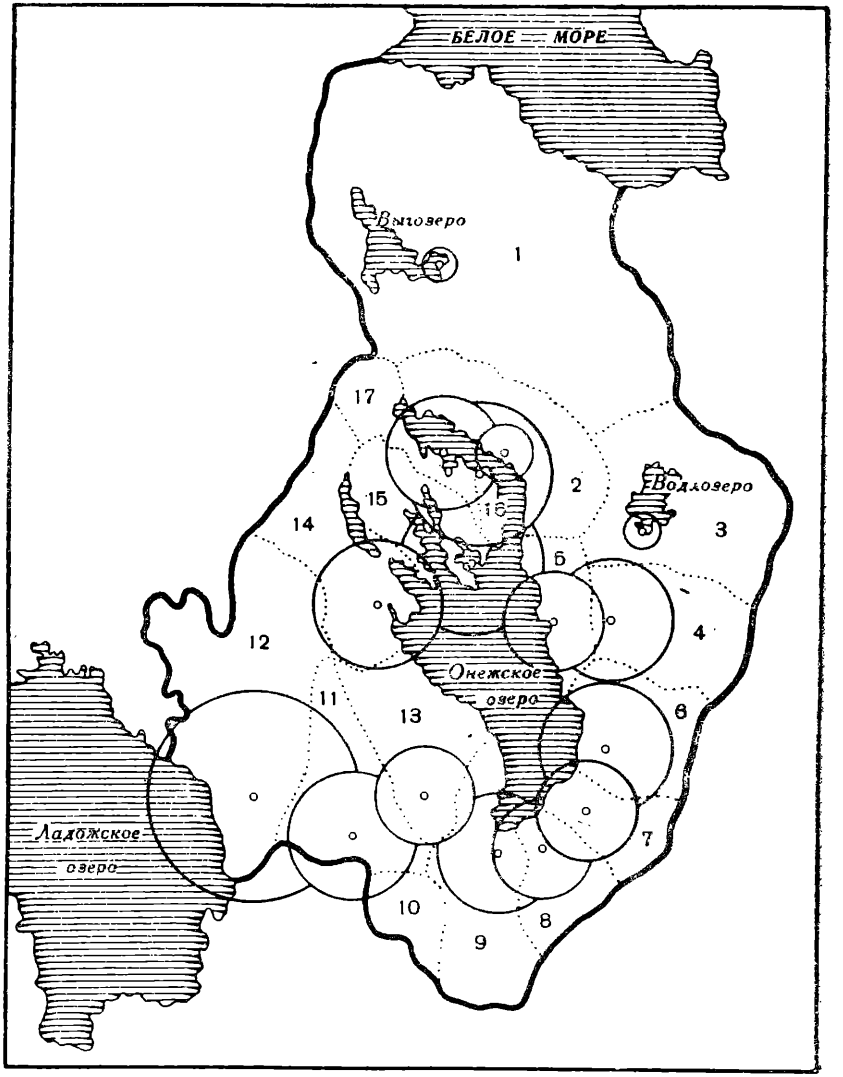

Рис. 4. Количество дворов в погостах-округах по писцовой книге И. Писемского, 1647 г. (площадь пунсона на этой и следующих картах строго пропорциональна количеству дворов в погосте)

Кроме того, через западное Заонежье шли торговые пути из Новогорода к южному и западному беломорскому побережью [16]; естественно, что на торговых путях поселения укрупнялись быстрее, чем в других местах.

Однако общее число деревень и дворов на погост-округ и среднее количество дворов на деревню по погостам не показывает степени заселенности различных погостов, так как территории погостов неодинаковы. Например, в Выгозерском погосте примерно то же количество деревень, что и в Мегорском (320 и 352). Отсюда нельзя заключить, что они одинаково заселены, так как Выгозерский погост (около 16 200 км) во много раз больше Мегорского (около 1890 кв. км). Еще разительнее будет результат сравнения Вытегорского погоста с маленьким Веницким погостом (1350 кв. км), на который приходится 206 дворов. Поэтому для определения заселенности погостов необходимо было вычислить их территории и сравнить с количеством приходящихся на них деревень и дворов. Это не может быть проделано с большой точностью, так как границы погостов точно не известны. За основу я взял примерные границы между погостами, проведенные А. М. Андрияшевым [17], и сделал некоторые поправки, касающиеся Заонежского полуострова (в соответствии с составленной мной картой Шунгского погоста изменились и границы смежных с ним погостов). Размеры погостов были вычислены очень приблизительно с помощью планиметра [18]. Это позволило установить, какая примерно территория приходится на 1 двор и на 1 деревню по всем погостам (табл. 3 и 4).

В 1563 г. оказывается резко противопоставленными юго-запад и северо-восток (Выгозерский, Водлозерский и Челможский погосты); если в Веницком погосте, например, на 1 деревню приходится 7,4 кв. км, на 1 двор — 6,5 кв. км, то в Выгозерском погосте на 1 деревню приходится 176,0 кв. км, на 1 двор — 50,6 кв. км.

---

[16] См., напр., карту, составленную И. А. Голубцовым и приложенную к статье «Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII веках». «Вопросы географии», сб. XX, 1950, стр. 272.

[17] См. карту, приложенную к кн.: «Писцовые книги Обонежской пятины».

[18] Выгозерский погост — 16 200 кв. км, Шунгский — 1530, Челможский — 3510, Водлозерский — 4680, Шальский — 1350, Пудожский — 3330, Андомский — 2880, Вытегорский — 1575, Мегорский — 1890, Оштинский — 3600, Веницкий — 1350, Важенский — 3240, Остречинский — 2880, Олонецкий — 7200, Шуйский — 3690, Кижский — 1890, Толвуйский — 405, Мегорский — 1890, Оштинский — 3600, Веницкий — 1350 кв. км.

Таблица 3

Территория в кв. км, которая приходится на одну деревню

Погосты	Старое письмо	Сабуров, 1496 г.	Лихачев, 1563 г.	Плещеев, 1583 г.	Писемский, 1646 г.
Веницкий	6,5	5,8	7,4	8,1	—
Оштинский	15,3	13,5	11,1	22,3	21,9
Вытегорский	13,6	12,5	12,9	17,8	19,4
Шунгский	11,2	10,2	10,9	14,7	13,7
Остречинский	—	—	14,4	28,2	20,7
Олонецкий	—	—	17,3	20,3	21,6
Важенский	—	—	10,3	23,6	16,6
Шуйский	—	—	29,5	39,6	32,3
Мегорский	—	—	9,7	11,3	1,5
Андомский	—	—	15,4	14,6	17,6
Водлозерский	—	—	104,0	195,0	222,8
Шальский	—	—	16,4	22,1	22,6
Пудожский	—	—	25,2	22,9	27,0
Выгозерский	—	—	176,0	221,9	900,0
Толвуйский	—	—	2,1	29,5	2,3
Кижский	—	—	11,5	16,4	13,8
Челможский	—	—	106,3	234,0	195,0

Таблица 4

Территория в кв. км, которая приходится на 1 двор

Погосты	Старое письмо	Сабуров, 1496 г.	Лихачев, 1563 г.	Плещеев, 1583 г.	Писемский, 1646 г.
Веницкий	6,3	5,3	6,5	5,5	—
Оштинский	13,3	10,3	6,9	8,4	8,1
Вытегорский	10,6	7,9	7,0	11,4	5,0
Шунгский	10,5	9,1	6,5	6,0	3,4
Остречинский	—	—	8,4	16,9	9,8
Олонецкий	—	—	5,3	9,6	4,6
Важенский	—	—	4,7	6,6	6,4
Шуйский	—	—	8,0	17,7	7,3
Мегорский	—	—	5,3	6,3	5,7
Андомский	—	—	7,1	5,3	4,7
Водлозерский	—	—	78,0	108,8	123,1
Шальский	—	—	7,3	5,5	4,5
Пудожский	—	—	11,4	7,2	7,2
Выгозерский	—	—	50,6	54,1	437,8
Толвуйский	—	—	1,2	1,4	0,6
Кижский	—	—	5,1	5,3	2,7
Челможский	—	—	49,4	100,2	49,4

Помимо уже упоминавшихся причин, обусловивших особенно низкую плотность населения Выгозерского погоста, следует учесть и голод, постигший население погоста. Писец Лихачев отметил запустение деревень. «...От голоду и от зябли, и от мору; и дворы на тех деревнях все згнили, а крестьяне вымерли, а иные разошлися в Белозерщину и в Каргополе, а поля и пожни лесом поросли в бревно»[19]. Судя по последнему замечанию, запустение произошло за одно или несколько десятилетий до письма.

Промежуточное положение занимал Пудожский погост (25 кв. км. на деревню и 11 кв. км. на 1 двор) и, пожалуй, Шуйский. В последнем число квадратных километров на деревню и на двор расходится больше, чем по большинству других погостов, что связано со сравнительно высоким средним числом дворов на деревню (3, 6); о причинах этого своеобразия говорилось выше. Используемый прием позволяет обнаружить сравнительную заселенность Заонежского полуострова, особенно Толвуйского погоста — самого небольшого погоста в пятине, где не было огромных пустых пространств, как в большинстве других погостов.

Неурожаи и связанный с ними голод, моровые поветрия истребляли и сгоняли с мест крестьян, о чем неоднократно сообщают писцы[20].

Спустя двадцать лет после переписи Лихачева, по писцовой книге Плещеева (1583 г.), картина в значительной степени меняется. Число деревень резко сокращается по всем погостам, за исключением двух (Пудожского и Андомского). Напомню, что прошедшее десятилетие — время страшного перенапряжения экономики страны; на эти годы падает Ливонская война и полное развитие опричнины. Особенно сильно упало число деревень в южных погостах: Оштинском (с 324 до 161), Важенском (с 316 до 137), Остречинском (с 200 до 102). Число дворов падает в большинстве погостов, но не во всех. Так в Веницком, Андомском, Шальском, Пудожском погостах число дворов повысилось. В основном это те погосты восточной части Заонежья, которые меньше пострадали в тяжелые годы. Сопоставив увеличение дворов

---

[19] Писцовые книги Обонежской пятины, стр. 158.

[20] «Дер. в Чюи же наволока 3 двора пусты, поля и пожни лесом поросли 2 обжи, а запустели те две обжы от голоду 15 лет» (Олонецкий погост. Писцовые книги Обонежской пятины, стр. 63). Другая деревня в Чапине наволоке, как сообщает дальше писцовая книга, запустела от голода 15 лет назад. В Остречинском погосте имел место мор, от которого запустело несколько новоприбылых починков, и т. д. (там же, стр. 106).

в этих погостах с падением их числа в соседних, можно предположить, что рост числа дворов и деревень в перечисленных погостах шел главным образом за счет беглого населения.

Падение числа дворов и особенно деревень сопровождается увеличением площади, которая приходится на двор и деревню. Исключение составляют те же Пудожский и Андомский погосты. Особенно сильно пустеют Челможский и Водлозерский погосты.

Среднее количество дворов на деревню, по книге Плещеева, — 2,43. Колебания в средних цифрах по погостам от 1,47 — в Веницком до 4,1 — в Выгозерском.

Известно, какое страшное экономическое потрясение испытал русский народ в годы так называемого «смутного времени», в годы польско-литовско-шведской интервенции. Несмотря на то что Заонежье оставалось в стороне от основного театра военных действий, мы имеем многочисленные документы о грабительских походах шведов и «казаков» в этот отдаленный край Русского государства.

Однако к 30-м годам XVII в. заонежская деревня, в общем, видимо, оправилась от экономических последствий смуты. Писцовая книга 1628—1629 гг. Никиты Панина и кн. Долгорукова рисует довольно благополучную картину. Характерно значительное увеличение числа дворов на деревню почти без исключений по всем погостам. Возможно, что имел место некоторый приток населения из центральных областей России. Заонежские крестьяне-челобитчики писали позднее о времени до 1624 г.: «...и в те поры Заонежские погосты были полны и крестьяном напрасных продаж и налогов никаких не было»[21]. Сравнивая черные оброчные деревни по книгам Никиты Панина (1628—1629 гг.) и Долгорукова (1629 г.), с одной стороны, и по письму А. Лихачева (1563 г.) — с другой, убеждаемся, что число дворов значительно увеличилось в подавляющем большинстве погостов.

Картина относительного благополучия резко меняется к худшему, по словам самих крестьян, уже в 1624 г. в связи с назначением в Заонежские погосты воеводы. До того «судили и ведали Заонежских погостов крестьян в Великом Новегороде бояре и воеводы и диаки...». «А со 132-го году учали быти в Заонежских погостех воеводы и приказные люди; и от тех воевод и приказных людей... налоги были великие; и многие крестьяне из Заонежских погостов розбрелись

[21] «Карелия», № 35, стр. 56.

врозь, а тяглые их участки запустели...»[23]. По-видимому, уже книги Панина и Долгорукова отражают начало упадка.

Наконец, согласно последней, почти полностью сохранившейся переписной книге Писемского (1646 г.), общее число деревень остается почти неизменным по сравнению с письмом Плещеева (возрастает по 8 погостам и сокращается по 8). Зато количество дворов сильно возрастает (с 4964 до 7224, даже не считая Веницкого погоста, который в описании отсутствует. Резкое падение отмечается лишь по Выгозерскому и по Водлозерскому погостам, что связано с неурожаями и голодом. Среднее число дворов на деревню — 3,6, а в некоторых погостах (Олонецкий, Челможский, Шуйский, Шунгский, Оштинский) превышает 4. Самые многодворовые деревни в Кижском погосте — 5,07.

Некоторые причины повышения числа дворов в деревнях уже были отмечены. В погостах Заонежского полуострова (Кижском, Толвуйском, Шунгском) значительную роль играло и то обстоятельство, что в связи с плодородием почвы в районах месторождений шунгитовых сланцев, там создавалась относительная кучность поселений, что контрастировало с почти пустыми соседними землями.

По сравнению с предыдущим письмом Панина переписная книга Писемского отражает упадок. Это связано с резким увеличением налогового обложения и с изменением в управлении Заонежьем — назначением воевод. На эту причину крестьяне указывают в своих челобитных. Воеводское управление не раз отменялось Московским правительством и снова вводилось.

Из воевод особенно прославился «деянием» князь Петр Хилков, прибывший на стан в Ошту в 1644 г. в сопровождении многочисленной свиты «болше штидесят человек» и разнообразными поборами и вымогательствами «учинил... шкоту великую и разоренье до конца». Крестьяне бросали свои дворы и участки на произвол судьбы и спасались в лесах, «а иные крестьяне розбежалися безвестно, и бегаючи младенцы от матерей заблудилися и померли голодною смертью...». Князь Петр Хилков «ездил на подводах по всем Заонежским погостом со многими своими людми... поимал многих крестьян, и бил и мучил и в подполья связанных сажал, и на стан на Ошту в тюрму отсылал... и клети и животы грабить велел».

Особенно пострадали, очевидно, Шуйский и Андомский

[23] «Карелия», № 35, стр. 56.

погосты, где воевода князь Хилков, «поимав крестьян, бил и мучил, а по иных из ружья стрелял, и жон их позорил; и бегаючи от них, крестьяне в реке потонули. И от такого воеводского разоренья в Заонежских погостах многие тяглые крестьянские участки запустели...»[24].

Приведу сводную таблицу (табл. 5) средних чисел дворов на деревню. Следует обратить внимание, что средние цифры в подавляющем большинстве случаев получены по целому погосту. Однако в отдельных случаях за неимением полного описания подсчеты приходилось вести лишь по черным оброчным волостям (книги 1628 и 1678 гг.); в других случаях средние получены по сохранившейся в описании части погоста (в Шунгском погосте в 1628 и 1678 гг. описана только Хоймогубская волость).

Табл. 5 и соответствующие ей карты на стр. 116—120 дают нам бесспорную картину неуклонного укрупнения поселений. Оно может временно замедляться под действием различных исторических и экономических причин, но общий процесс идет от однодворного поселения к поселению многодворному, причем писцовые и переписные книги отображают первые этапы этого процесса. Ясно, что все многодворные поселения на Севере позднего происхождения.

Карты Шунгского погоста наглядно демонстрируют описываемый процесс. Правда, если судить по картам, после 20—30-х годов XVII в. (карта по книге Н. Панина) начинается сокращение населенности деревень. Это характерно не для всех погостов.

Книга 1678 г., в которой описание Шунгского погоста, правда, ограничено Фоймогубской выставкой, отражает дальнейшее укрупнение поселений.

Если отвлечься от частных и временных изменений по отдельным погостам, общая демографическая картина будет такова.

Число деревень в Заонежских погостах, начиная с писцовых книг Сабурова (1496 г.) и Лихачева (1563 г.), остается почти неизменным вплоть до конца XVII в., падая и поднимаясь в зависимости от разных исторических причин (голод, нападения иноземцев). Зато число дворов на деревню растет по погостам неуклонно. Прекращение роста деревень после конца XV — середины XVI в. говорит о том, что процесс колонизации к этому времени в основном закончился. Труднее объяснить неуклонный рост дворов в деревне.

---

[24] «Карелия», № 35, стр. 57—58.

Таблица 5

Среднее количество дворов на одну деревню

Погосты	Старое письмо	Сабуров, 1496 г.	Лихачев, 1563 г.	Плещеев, 1583 г.	Панин и Долгоруков, 1628 г., только черн. оброчн.	Писемский, 1647 г.	Аничков, 1678 г., только черн. оброчн.
Веницкий (10)	1,04	1,09	1,14	1,47	3,29	—	2,03
Оштинский (9)	1,15	1,30	1,60	2,63	2,19	4,26	1,69
Вытегорский (7)	1,28	1,56	1,83	1,57	3,29	3,85	4,50
Шунгский (17)	1,07	1,13	1,66	2,41	5,75*	3,96	8,40*
Остречинский (13)	—	—	1,70	1,67	2,68	2,09	2,93
Мегорский (8)	—	—	1,82	1,78	2,48	1,99	3,34
Андомский (6)	—	—	2,16	2,74	3,26	3,72	4,40
Водлозерский (3)	—	—	1,38	1,79	4,45	1,81	3,14
Шальский (5)	—	—	2,24	4,12	3,52	4,89	4,92
Пудожский (4)	—	—	2,21	3,16	3,80	3,75	5,09
Выгозерский (1)	—	—	3,48	4,10	4,60	2,06	5,77
Толвуйский (16)	—	—	1,73	2,09	4,18	3,78	5,68
Кижский (15)	—	—	2,25	3,05	6,39	5,07	7,25
Шуйский (14)	—	—	3,67	2,24	4,86	4,34	6,04
Челможский (2)	—	—	2,15	2,33	—	3,94	—
Олонецкий (12)	—	—	3,22	2,10	—	4,65	—
Важенский (11) **	—	—	2,18	2,06	—	2,62	—
Средние цифры по итоговым данным писцовых книг	1,12	1,25	2,17	2,33	3,52	3,70	4,14
Средние цифры по таблице	1,13	1,27	2,14	2,43	3,82	3,55	4,98

* В 1628 и 1678 гг. описана только одна волость Шунгского погоста — Фоймогубская.

** Номера после названий погостов соответствуют номерам погостов на картах на стр. 116—120.

Возникает вопрос, является ли укрупнение поселений результатом естественного роста населения или, кроме того, это находится в связи с изменением социальной структуры. Опережая доказательства, скажу, что сравнение документов, описывающих строй деревни за исследуемые два века, выявляет две стадии социальной организации и соответствующие формы землевладения. Первая представляет собой се-

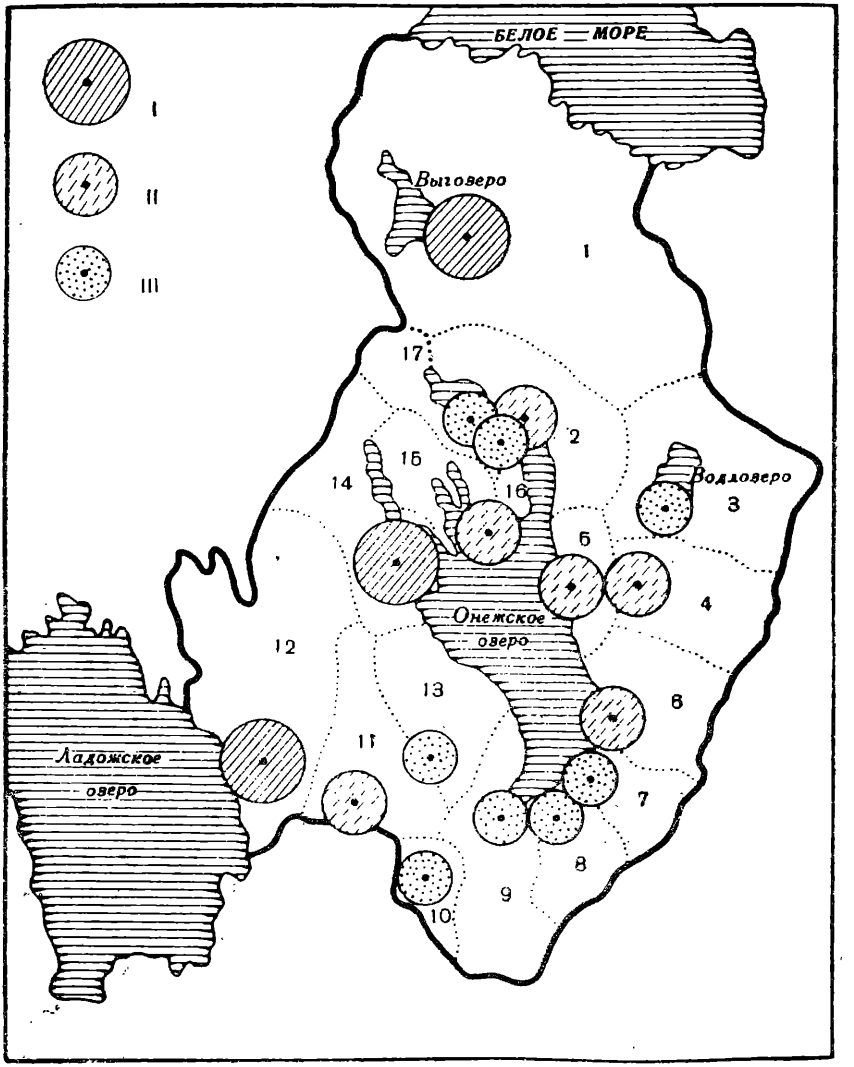

Рис. 5. Среднее количество дворов в деревне по отдельным погостам, 1563 г.:
I — 3,0—3,9 двора в деревне; *II* — 2,0—2,9; *III* — 1,0—1,9

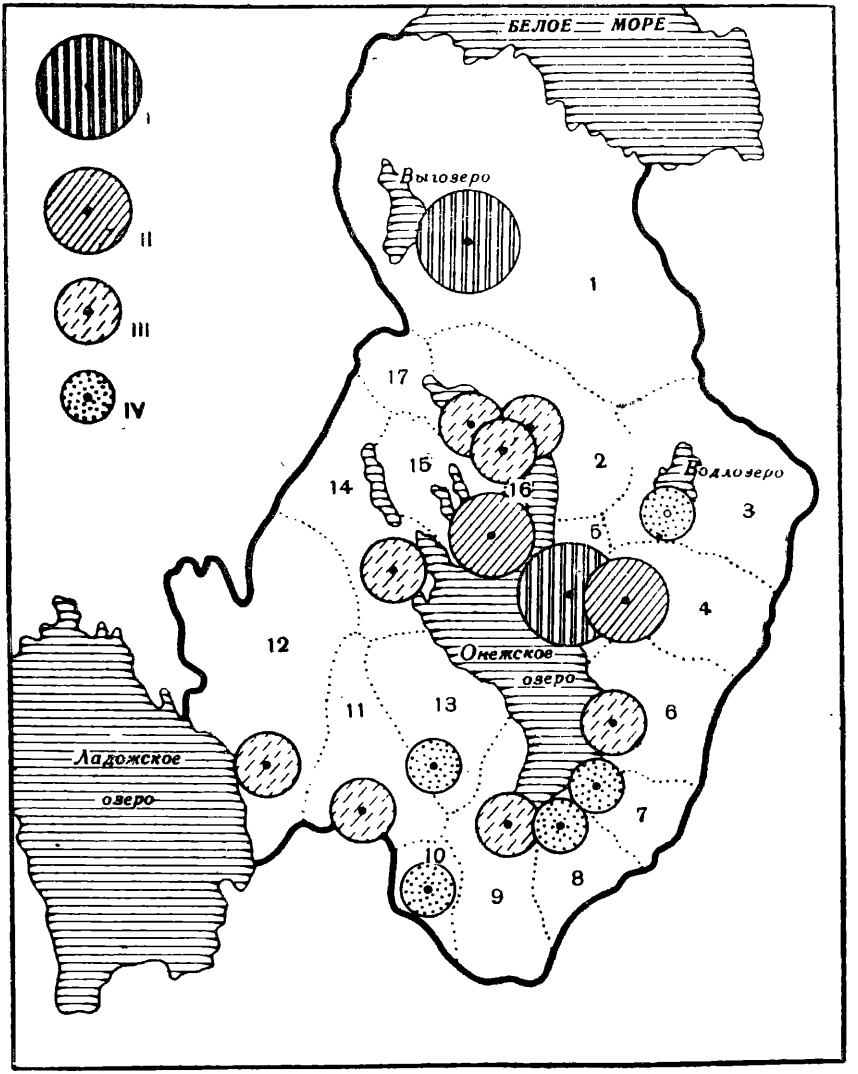

Рис. 6. Среднее количество дворов в деревне по отдельным погостам, 1583 г.:
I — 4,0—4,9 двора в деревне; *II* — 3,0—3,9; *III* — 2,0—2,9; *IV* — 1,0—1,9

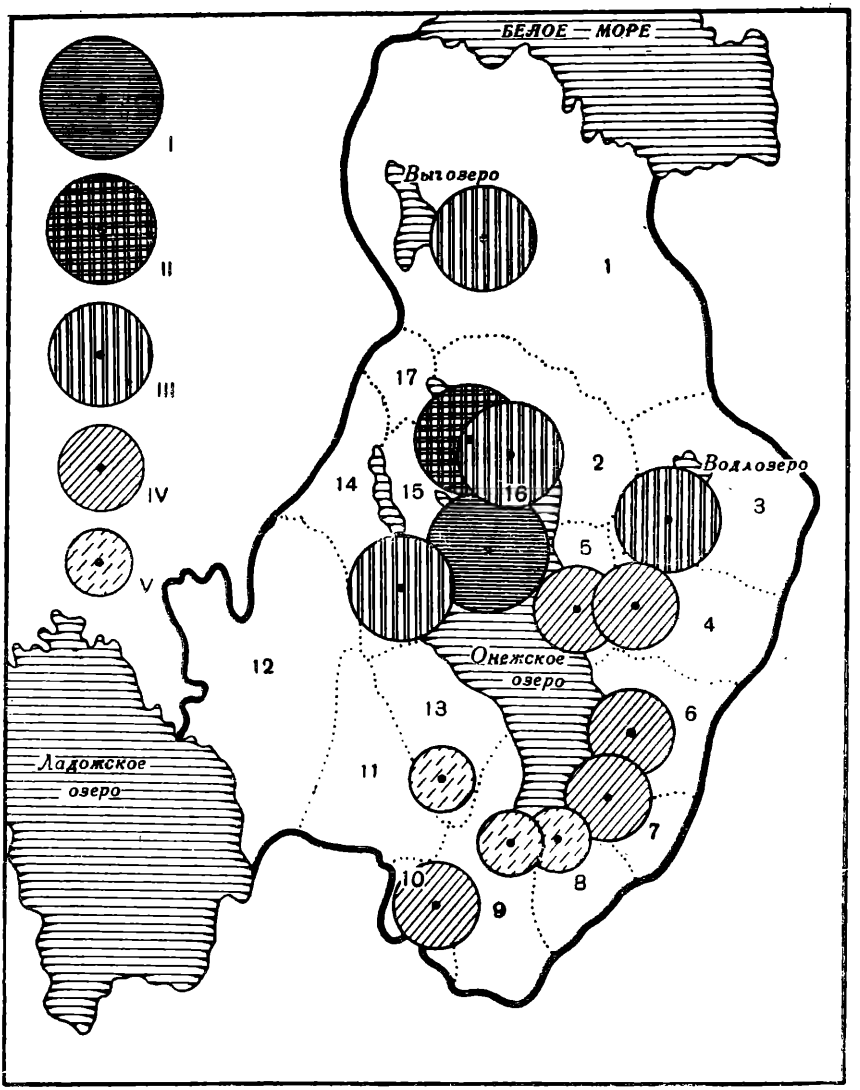

Рис. 7. Среднее количество дворов в деревне по отдельным погостам, 1628 г.:
I — 6,0—6,9 двора в деревне; *II* — 5,0—5,9; *III* — 4,0—4,9; *IV* — 3,0—3,9; *V* — 2,0—2,9

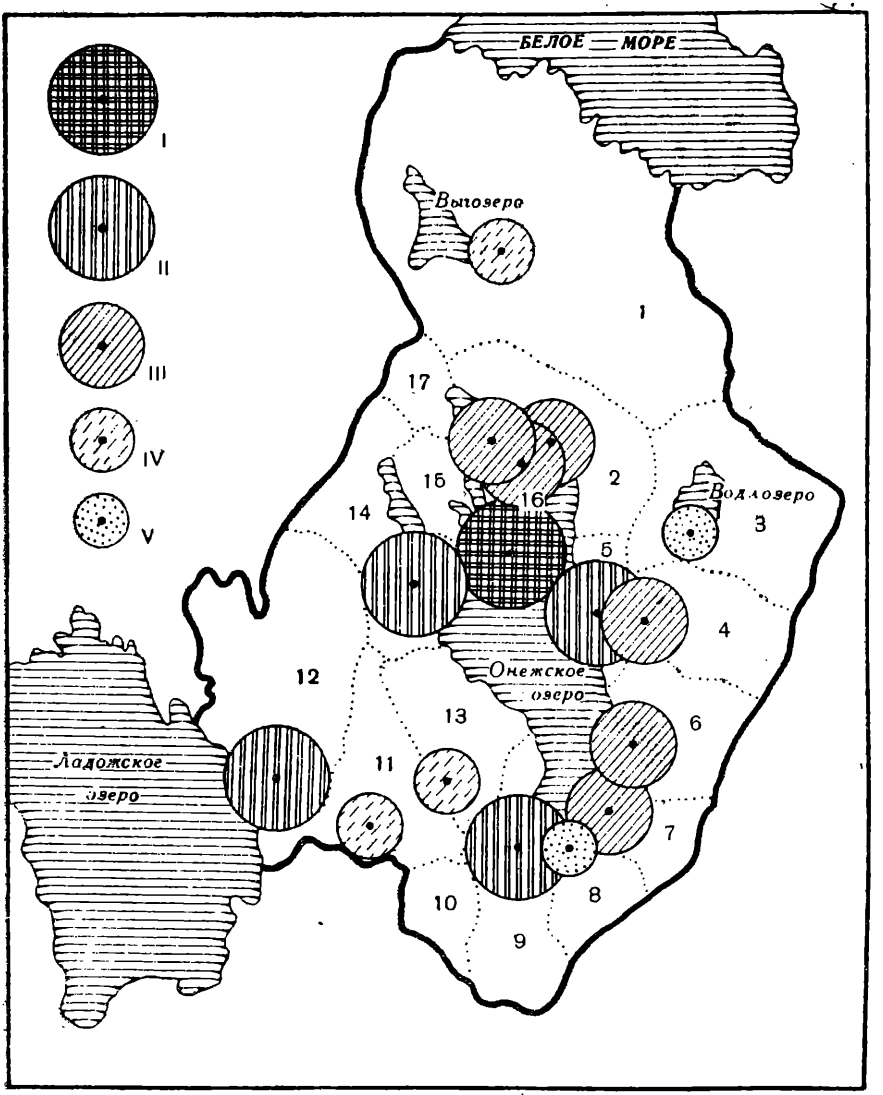

Рис. 8. Среднее количество дворов в деревне по отдельным погостам, 1647 г.:
I — 5,0—5,9 двора в деревне; *II* — 4,0—4,9; *III* — 3,0—3,9; *IV* — 2,0—2,9; *V* — 1,0—1,9

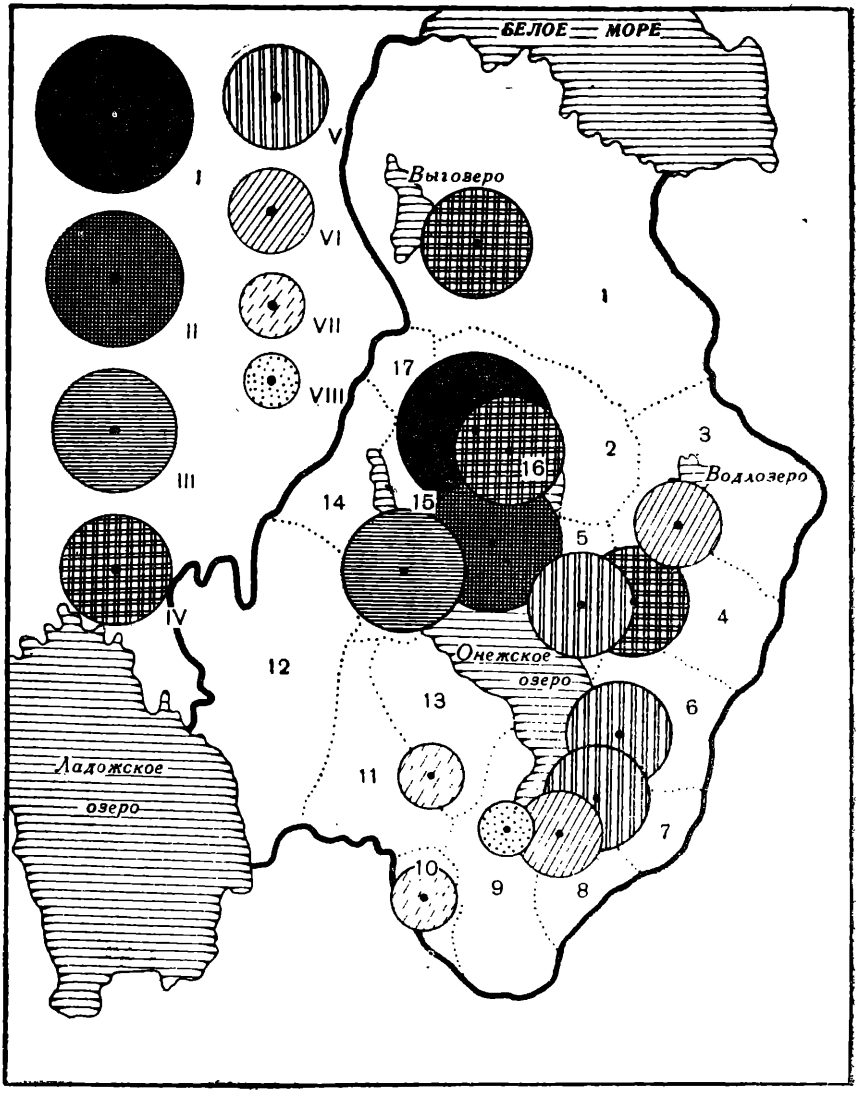

Рис. 9. Среднее количество дворов в деревне по отдельным погостам, 1678 г.:
I — 8,0—8,9 двора в деревне; *II* — 7,0—7,9; *III* — 6,0—6,9; *IV* — 5,0—5,9; *V* — 4,0—4,9; *VI* — 6,0—6,9; *VII* — 2,0—2,9; *VIII* — 1,0—1,9

мейную общину или «большую семью» (правда, видимо, немногочисленную) с коллективным производством и потреблением. Семейная община населяет однодворную деревню, в которой иногда бывает больше одного дома.

Вторая стадия — долевая деревня — результат деления семейной общины, причем такого деления, когда каждая вновь образованная семья владеет участком в каждом из полей деревни. Угодья находятся в неразделенном пользовании. Обычно деление сопровождается строительством новых дворов внутри одной деревни.

С течением времени размножившееся население долевой деревни вместе с подселившимися новоселами оказывается между собой в самых запутанных юридических отношениях. Полное право отчуждения доли каждого жителя контрастирует со старым отношением к деревне, как к чему-то целому. Разложение долевой деревни, начавшееся в середине XVII в., связано с ростом товарно-денежных отношений и проникновением в когда-то родственную деревню постороннего элемента. Таким образом, долевая организация является одним из проявлений компромисса между частным и общинным правом на землю.

Перейду к доказательству высказанных положений.

Судя по отрывкам из «старого письма», сохранившимся в писцовой книге Сабурова, среднее число дворов на деревню — 1,1. В дальнейшем эта цифра неуклонно повышается. Может возникнуть подозрение, что в некоторых погостах (Шуйский, Олонецкий, Выгозерский), по которым нет данных в «старом письме» и у Сабурова (а самое раннее описание дает в среднем 3 двора на деревню), первоначальными были двух- и трехдворные поселения. Это подозрение отпадает, если мы примем во внимание исторические и экономические особенности этих погостов, о чем уже было сказано (пограничное положение, раннее развитие ремесла, роль промыслов, расположение на торговых путях).

Вопрос о размерах древнейших деревень чрезвычайно важен, так как его решение помогает понять социальный строй северной деревни, который в литературе недостаточно выяснен.

В том, что древнейшие северорусские поселения были однодворными, даже в самое последнее время высказывались сомнения [25]. Чтобы рассеять их, я приведу суммарные дан-

[25] См. М. О. Косвен. Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище. «Советская этнография», 1950, № 2, стр. 73—75.

ные о количестве однодворных, двухдворных, трехдворных и т. д. деревень по выпискам из «старого письма», сохранившемуся отрывку из писцовой 1496 г. и полной (для Заонежья) писцовой книге 1563 г.

Приведу сводную таблицу (табл. 6) из сохранившегося отрывка писцовой книги Ю. К. Сабурова (1496 г.).

Таблица 6

Погосты	Колич. деревень	Колич. дворов	Однодворных	2-дворных	3-дворных	4-дворных	Больше 4 дворов
Шунгский	149	168	131	17	1		
Веницкий (данные сохранились неполностью)	232	252	нет сведений *				
	—23	—27					
	209	225	195	12	2		
Вытегорский (данные сохранились неполностью)	125	197	нет сведений **				
	—27	—42					
	98	155	52	40	3	3	
Оштинский	266	347	203	51	8	2	2

* По 23 деревням отсутствуют сведения, так как утрачены листы.
** По 27 деревням отсутствуют сведения, так как утрачены листы.

Таким образом, на 772 деревни приходится 964 двора, что составит в среднем на деревню 1,25 двора.

Отрывки из «старого письма», сохранившиеся в писцовой книге Сабурова, не позволяют судить о сравнительном количестве однодворных, двухдворных и прочих поселений, но они дают общее число деревень и дворов. Располагая этими цифрами, можно заметить, что процент однодворных деревень по «старому письму» должен быть очень высок.

Погосты	Колич. деревень	Колич. дворов
Щунгский	139	148
Веницкий	205	214
Вытегорский	115	148
Оштинский	235	270
Всего по 4 погостам:	694	780

Таким образом, на одну деревню приходилось 1,1 двора.

Последующие писцовые книги дают значительное падение относительного количества однодворных деревень.

Таблица 7

По писцовой книге 1563 г. Андрея Лихачева

Погосты	Всего деревень	Дер. живущих	Дворов	1 дв.	2 дв.	3 дв.	4 дв.	5 дв.	6 дв.	7 дворов и больше
Шунгский	151	140	232	58	72	10				
Веницкий	245	181	206	163	12	5	1			
Вытегорский	166	122	224	56	44	11	10			1—7 дв.
Оштинский	439	324	518	196	86	28	7	5	1	1—7 дв.
Андомский	272	187	404	62	60	45	15	4	—	1—7 дв.
Олонецкий (данные сохранились неполностью)	424 —101		1338 —272	нет сведений						
	323	316	1066	57	81	74	41	24	17	9—7 дв.
										1—8 дв.
										4—9 дв.
										2—10 дв.
										2—12 дв.
										2—14 дв.
										1—18 дв.
										1—42 дв.
Челможский	35	33	71	14	13	2	3	—	—	1—13 дв.
Выгозерский	135	92	320	27	23	13	13	5	3	2—7 дв.
										1—11 дв.
										2—12 дв.
										1—14 дв.
										1—22 дв.
										1—28 дв.
Водлозерский	78	45	60	34	8	2	1			
Шальский	88	81	184	23	28	21	6	1	1	1—7 дв.
Мегорский	257	193	352	85	64	37	7			
Пудожский	214	132	292	40	55	20	12	2	—	1—7 дв.
										1—8 дв.
										1—9 дв.
Остречинский	261	200	341	101	70	21	6	2		
Шуйский	146	121	459	20	27	17	19	15	8	7—7 дв.
										3—8 дв.
										2—9 дв.
										1—10 дв.
										1—12 дв.
										1—13 дв.
Важенский	379	314	685	118	108	39	32	10	5	4—7 дв.
Кижский (данные сохранились неполностью)	190 —10		367 —14	нет сведений						
	180	151	353	37	64	30	11	5	1	3—7 дв.
Толвуйский	196	188	326	96	59	24	5	4		

Таким образом, то, что деревня конца XV века была однодворной, не может вызывать сомнений.

Известно, что сторонники теории о древней поземельной общине искали ее именно в деревне. Но однодворная деревня не могла составить поземельной общины вроде той, которая существовала в России в XIX в., с уравнительными переделами земли, мирскими сходами и пр. «В деревне мира не соберешь», — говорит северная пословица [26]. Поэтому противники древности общинного строя в распространении малодворных и однодворных деревень увидели оружие против этой теории. Следует отметить, что древняя деревня изучалась главным образом на материале писцовых книг по южным пятинам, где социально-экономическое развитие зашло дальше и исходная малодворность деревни XV—XVI вв. не прослеживается с такой очевидностью, как в Поморье.

Наиболее четко сформулировал взгляды противников общинной теории В. И. Сергеевич, выставивший тезис о населявшей однодворную деревню малой семье, как основной общественной единице во времена, когда составлялись писцовые книги [27].

На самом же деле преобладание однодворных поселений еще не означало господства малой индивидуальной семьи позднего типа и отсутствие каких бы то ни было значительных родственных хозяйственных коллективов [28].

Прежде всего, данные писцовых книг для решения этого вопроса недостаточны. Необходимо привлечь актовый материал и попытаться ретроспективно использовать этнографические данные XIX — начала XX в.

Оказывается, однодворность еще не всегда свидетельствует о том, что поселение состояло из одной избы, одного двора. А. Ефименко приводит пример раздела большой семьи, члены которой до раздела составляли один двор, хотя и жили в трех разных домах [29].

Интересно сопоставить с этим сохранившиеся в летописях

---

[26] См С. А. Приклонский. Народная жизнь на Севере. М., 1884.

[27] См. В. И. Сергеевич. Древности русского права, т. III. СПб., 1903, стр. 65—66.

[28] Подчеркну, что речь идет именно о XV—XVI вв. и сравнительно недавно колонизованных землях. По археологическим данным (В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли VIII—XV вв. М., 1960) до середины XIV в. в Смоленской земле преобладали поселения средних размеров (9—10 дв.), которые позднее сменяются малодворными и однодворными поселениями.

[29] АЮ, № 23; А. Ефименко. Крестьянское землевладение на Крайнем Севере. «Исследования народной жизни». М., 1884, стр. 218.

известия о попытке татар переписывать население не по дворам, а по домам, что вызвало волнение[30]. Значит, двор не всегда соответствовал дому и в те времена.

Наличие в одном дворе иногда двух изб могут подтвердить косвенным путем также и писцовые книги. В них попадается выражение: «а двор тот был писан деревней». Смешение писцом понятий двора и деревни могло быть лишь в том случае, если во дворе была не одна изба, а больше[31]. Из всего сказанного, конечно, не следует, что двор всегда состоял из нескольких домов.

Кроме того, сторонники теории о господстве малой семьи не были знакомы с этнографическим материалом и, видимо, представляли себе северный двор по аналогии с современным им двором среднерусской полосы. Такой двор, действительно, часто несовместим с большой семьей — значительным хозяйственным коллективом. Однако северный жилой дом, изученный в разных областях Поморья, представляет собой своеобразное явление, интересное не только историкам материальной культуры, но и исследователям общественного строя.

Приведу обычное описание двора.

«1571 г. октября 3. — Купчая на угодья и двор с местом в Кемской волости, проданные Мариной Евдокимовой дочерью и Павлом Аксентьевым сыном Таптиными Соловецкому монастырю. «Се яз Марина Евдокимова дочь, а Ионинская сестра Таптина, да яз Павел Аксентиев сын, а Ионин племянник Таптина, продали есмя в Кемской волости Соловецкого монастыря старцу Арсению двор свой с местом, а во дворе хором: 2 избы и 3 сеньми, да 2 клети на подклетех, да 2 сенника на хлевах, да анбар на подклетех на поле, да мыльня на брегу, да полянка под двором»...».

И другое: «1578 г. октября 5. — Купчая на двор с полями и угодьями в Кемской волости, проданные Юрьем и Третьяком Сумцыными Соловецкому монастырю. «Се яз Юрьи да Третьяк Игнатьевы дети Сумцына продали есмя Соловецкого монастыря старцу Арсению двор свой и с местом, а во дворе хором: изба, да сени, да клеть, да 2 клетки, да сенник на двух х(л)евах, да поварня, да сарай на 9-ти столбах, да и с полями того двора»...»[32].

---

[30] Новг. I под 1259. М., 1950; А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 14—16.

[31] На это обратила внимание И. Л. Перельман. Новгородская деревня в XV—XVI вв. «Исторические записки», 1948, № 26, стр. 147.

[32] Материалы, № 110, стр. 207; № 189, стр. 262.

Приведенные и им подобные документы рисуют нам картину, хорошо известную по этнографическим описаниям крестьянских построек XIX—XX вв.

Сравнивая северный дом конца XIX — начала XX в., каким его описывают Майнов[33], Едемский[34], Романов[35], Габе[36] и некоторые другие, с описанием его в актах XVI — XVII вв. можно заключить, что за это время он не претерпел существенных изменений ни во внутреннем устройстве, ни в размещении отдельных построек. Заонежане называли свои дома «хоромами». К такому названию должно отнестись без иронии: в подавляющем большинстве это огромные, величественные здания, перед которыми избы средней полосы выглядят лачугами. В таких хоромах жилые и некоторые хозяйственные помещения объединены под одной кровлей. Срубы двора и жилья примыкают друг к друг; иногда в дворовый сруб выступают холодные комнаты — «клети» или горницы; последние используются летом для ночлега, а зимой как кладовые. Клеть могла быть и не одна, особенно в больших зажиточных семьях[37]. Клеть могла не примыкать к сеням, а стоять совершенно особо. Часть дома, предназначенная для жилья, приподнята высоко над землей; подполье (подклеть) служило для складов, кладовых и пр. Соответственно делению жилой части дома дворовая часть также состоит из двух этажей; нижний этаж занимает собственно двор с хлевом, а над ним располагается сарай. Это самая большая часть дома; по особому наклонному бревенчатому взъезду — «мосту» — в сарай можно въехать на телеге.

Жилая часть дома состоит из одной или двух изб[38],

---

[33] См. В. Н. Майнов. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1874.

[34] См. М. Б. Едемский. О крестьянских постройках на севере России. «Живая старина», вып. I и II. СПб., 1913.

[35] См. К. К. Романов. Жилой дом в Заонежье. «Искусство Севера». Л., 1927; его же: Жилище в районе реки Пинеги. «Искусство Севера», вып. II. Л., 1928.

[36] См. Р. М. Габе. Карельское деревянное зодчество. М., 1941.

[37] В богатом хозяйстве одного «колачника», большую часть которого он завещал Соловецкому монастырю, перечислены 3 клети, не считая других помещений: «клеть, что у двора», «клеть нова», и «клеть далная новая». Материалы, № 169, стр. 242—243, (1576 г.).

[38] Этнографические параллели показывают, что в приведенных выше отрывках из купчих 1571 г. под избой имеется в виду не отдельный дом-изба, в нашем смысле слова, а лишь комната с печью «изба» от «истьба» в передней части дома. То же самое относится к аналогичным документам. Напр.: по купчей 1578 г. Петр Сидорович Охлябинин продает «...двор и с местом, а во дворе хором изба, да сени, да клеть, да другая изба, да сенник на двух хлевишках...» и т. д. (Материалы, № 188, стр. 261).

отапливаемых комнат, широких, просторных сеней и клети, которая, как уже было сказано, иногда входит в дворовый сруб. Сплошь да рядом крестьянский северный дом бывает двухэтажным (а если считать подклеть, — и трехэтажным).

В общем, заонежский дом является разновидностью «дома-усадьбы», распространенного по всему Поморью, самыми характерными признаками которого являются так называемая однорядная связь, объединение под одной кровлей жилых и большинства хозяйственных помещений, а также наличие подклети и других особенностей.

Амбары располагаются в разных местах, в зависимости от назначения; предназначенные для хранения рыбы и рыболовных снастей—у самой воды, на берегу; для хранения дичи — в самом лесу[39]. Чаще же всего в амбарах хранили зерно и утварь и ставили их неподалеку от жилья. Как это видно из актов, амбары бывали тоже двухэтажными («да анбар на подклетях на поле»); причем, судя по современным этнографическим параллелям, наверху берегли имущество, а внизу зерно. Упоминаются также сараи («да сарай на 9-ти столбах» в приведенном выше документе), поварни и пр.

Хозяйственные помещения — дворы, амбары, сараи и пр. — стояли своими нижними венцами не на земле, а на столбиках-подпорках или больших камнях, что предохраняло сруб от сырости. Когда подпорки подгнивали, их заменяли новыми.

Если жилые дома, отапливаемые по-черному («рудные избы», как их называют на Севере), сохранились в современной деревне как исключение[40], то бани и сейчас топятся именно этим способом. Бани располагаются, в подавляющем большинстве своем, у самой реки или озера, часто на склоне берега. В документах XVI—XVII вв. они называются также и «мыльнями».

Сохранился документ начала XVII столетия, который вкратце описывает основные детали северного жилища, упо-

---

[39] См. Р. М. Габе. Карельское деревянное зодчество, стр. 176.

[40] Распространенное мнение, что черные, курные избы грязны, полны дыма и копоти, ошибочно в отношении северных рудных изб. Мне самому приходилось видеть немало рудных изб, еще сохранившихся в глухих районах, и ночевать в них. Потолки рудных изб, конечно, покрыты копотью, но в основном, это — те же огромные чистые жилища, подобные только что описанным. Во время топки дым почти не чувствуется. То же самое отмечает и Р. М. Габе (Цит. соч., стр. 56—57).

миная иногда материал, из которого они изготовлены, и их употребление в хозяйстве. Сходство с современным жилищем заонежанина и помора, каким его рисуют экспедиционные отчеты, очень велико. Некий Дмитрий Андреевич Горлов в 1612 г. продает Соловецкому монастырю мельницу и, кроме того, «двор свой и з дворовым местом, а во дворе хором: горница с комнатою на подклете, да противо горницы повалуша на подклете ж, а промеж горницы и повалуши двои сени: вверху дощаные, а внизу подклеть в стоячей забор, да в верхних сенех чюлан дощаной, и в нижних сенех погреб походной рубленой, да поварня, да байня, а те хоромы крыты все тесом, да конюшенка, да хлевец коровей, да двои ворота дощаные, да 3 вереи, а ворота покрыты тесом ж, да на улицы на берегу погреб репной рубленый»[41].

Все сказанное о жилище позволяет допускать жизнь в нем большого семейного коллектива, возможно, из двух-трех поколений. Традиционное строительство больших домов отражает время[42], когда семейные группы были больше современных малых (индивидуальных) семей.

При выяснении вопроса об организации заонежской деревни XVI—XVII веков нужно изучить состав семьи. Предварительно необходимо установить ее численность. Казалось бы, самый верный способ для этого — проследить средние цифры населенности двора за XVI—XVII столетия. Однако с достаточно большой точностью это можно сделать только по одной книге, а именно последней, 1678 г., письма И. А. и И. Н. Аничковых.

Эта книга единственная из всех писцовых и переписных книг по Заонежским погостам, которая дает полное перечисление всего мужского населения черных оброчных волостей. Перечислены в том числе несовершеннолетние, так называемые «недоросли» — вплоть до годовалых младенцев.

Увеличив вдвое численность мужского населения, получим примерное количество всех жителей.

Располагая численностью населения по погостам, легко вычислить населенность двора. Приходится учитывать, конечно, неизбежные ошибки переписчиков (табл. 8).

---

[41] «Карелия», № 11, стр. 25.

[42] Дома, кстати сказать, стоят долго. А. Соборнову приходилось видеть в Повенецком уезде дома, срубленные 100—200 лет назад. (А. Соборнов. К истории культуры олонецкой корелы. «Олонецкий сборник», вып. I, 1875—1876, стр. 133). Мне приходилось видеть немало 100-летних и 200-летних домов в Подвинье, на Мезени, в Карелии.

Таблица 8

Среднее количество населения на двор по книге Аничковых (1678 г.)

Погосты	Среднее число лиц мужского пола на двор	Примерное среднее число населения на двор
Веницкий	3,77	7,54
Оштинский	4,11	8,22
Шимозерская волостка	3,92	7,84
Вытегорский	3,38	6,76
Шунгский (Хоймогубская волостка)	3,58	7,16
Остречинский	2,44	4,88
Мегорский	3,42	6,84
Андомский	3,56	7,12
Водлозерский	1,89	3,78
Шальский	3,50	7,00
Пудожский	3,38	6,76
Выгозерский	3,36	6,72
Толвуйский	3,44	6,88
Пещанская волостка	3,70	7,40
Кижский	3,62	7,24
Шуйский	3,77	7,54

Цифры по большинству погостов (за исключением Водлозерского и Остречинского) скрывают здесь и большие и малые семьи. Оговорюсь, что речь тут может идти о «больших семьях», значительно уступающих по численности общинам типа задруги. «Большую семью» в этнографии отличают от «малой» в первую очередь не по численности; для нее характерна совместная хозяйственная жизнь разных поколений — отцов и детей. Два брата с семьями (пусть небольшими), ведущие общее хозяйство — также уже «большая» семья. Отмечу, что в таблице не учтены семьи бобылей, а только крестьянские тяглые. Тем не менее имущественная дифференциация имеет место, как показывает количество высеваемого зерна, описания «животов» отдельных дворов и т. д. Вопрос этот уже рассматривался в литературе.

Что касается описаний, предшествовавших книге Аничкова, то несовершеннолетние там определенно не учитывались. Однако кто же именно учитывался писцами и переписчиками при перечислении населения двора? Вычисление средней населенности двора по описаниям, предшествовавшим переписи Аничковых не приводит нас к положительному результату.

Не вызывает сомнения, что писцы и переписчики имели разные принципы учета населения. Сравнивая с цифрами Аничкова среднюю численность населенности двора по двум предыдущим книгам (Писемского и Панина), предполагаю, что в них учтено только взрослое население и, по-видимому, все. Но принцип учета населения по писцовой книге 1583 г. резко отличается от учета населения в последующих книгах. По всем погостам письма А. Плещеева цифра средней населенности двора близка единице. Это означает, что, описывая двор, писец называл обычно только одного человека и отступал от такого принципа лишь в исключительно редких случаях. При составлении трех первых описаний писцы, очевидно, действовали без определенного критерия. Можно предположить, что записывался в книгу обычно дворохозяин; сын его записывался лишь тогда, когда глава семьи был стар, болен, вообще малотрудоспособен. Если во дворе жили два ровесника — брата или два складника — записывались, очевидно, оба.

При отсутствии одинакового критерия у составителей описаний способ сравнения численности населения и средних цифр по погостам, конечно, не может быть использован.

Теперь я снова обращусь к тому документу 1578 г.[43], с которого начал рассмотрение заонежской деревни (стр. 102), и попробую выяснить, что представляло собой население этой деревни. Там перечислено несколько лиц — владельцев деревни. Названы три какие-то семейные группы; причем по крайней мере две из них состоят в близком родстве и происходят от некоего Никифора.

Известно, что в актах обычно упоминаются лишь взрослые мужчины-работники, большей частью уже женатые, так как родители стремились как можно раньше переженить своих сыновей, рассчитывая на приход в хозяйство новой работницы. Малые дети в качестве продавцов деревни упоминаться не могут. Следовательно, за каждым из упомянутых лиц — продавцов деревни — скрывается еще и жена, а скорее всего и дети.

Интересно сравнить это описание состава деревни в купчей с официальным документом — писцовой книгой. К сожалению, писцовая книга того же времени до нас не дошла, хотя известно, что в 1577 г. Заонежье описывали Михаил Волков и Федор Фатьянов[44]. Придется прибегнуть к несколько бо-

---

[43] Материалы, № 194, стр. 265.
[44] АИ, т. I, стр. 301.

лее ранней книге — письму Андрея Лихачева и подьячего Ляпуна Добрынина (1563—1566 гг.). Вместо описания нескольких семейных групп находим лишь одно лицо: «деревня на Канзине наволоке: во дв. Игнашко Микифоров»[45].

Возникает вопрос, чем объясняется расхождение купчей и писцовой книги. Возможно, конечно, что в купчей упомянуто второе поколение братьев Игнатия и Лазаря, а Борис с Родионом могли подселиться. Этому предположению противоречит отсутствие в писцовой книге упоминания о втором брате Лазаре, который не мог быть слишком молодым в 1563 г., так как спустя 15 лет у него были взрослые, видимо, женатые дети. Во-вторых, в 70—80-е годы имел место хозяйственный кризис, связанный с Ливонской войной и опричниной, который привел к запустению большого числа деревень, некоторому сокращению числа дворов. Остается гипотеза, что писцовая книга фиксирует только старейшего в семье, а весь коллектив является так называемой большой семьей, состоящей из нескольких поколений.

Наряду с такими коллективами, как это с очевидностью следует из текста переписной 1678 г. и таблицы 7, были распространены, а возможно, и преобладали (в конце XVII в.) — малые семьи.

Таким образом, если гипотеза верна, то в данном случае понятия двора и деревни совпадают. Приведенная купчая не представляет собой исключения; и другие акты рисуют нам деревню как хозяйственное целое из двора, участка пашенной земли и разнообразных рыбных и «леших» угодий вокруг него[46]. В качестве владельца деревни (продающего, закладывающего ее) упоминается обычно один-два-три человека — два брата или отец с сыном, представляющие, по нашему предположению, всю семейную общину. При состав-

---

[45] Писцовые книги Обонежской пятины, стр. 173.

[46] Напр., Закладная кабала на Чимовскую деревню на Колгоострове 1578—79 гг.: «Се яз Костянтин Иванов сын с своими детми с Сенкою да с Гришкою, Каргополского уезда с Водлоозера, занял есми у игумена у Козмы з братьею Кирилова монастыря 4 руб. денег монастырьских казенных от вербного воскресения да до вербного ж воскресения, на год, а заложил есмя в тех денгах игумену Козме з братьею на Колгострове Чимовские деревни четверть обжи земли со всеми угодьи и рыбными ловлями и тонями и с лешими, и куды плуг и соха ходила изстари», и т. д. (Материалы, № 196, стр. 266).

Тому же Кирилло-Белозерскому монастырю закладывают в 1578—1579 гг. «Сидор Иванов сын с своими детми з Богданом да с Баженом» — «свои деревни на Колкоострове Есиповские половину обжи со всеми угодьи и с рыбными ловлями, с тонями, и с озерскими и с лешими и з сенными покосы, и куды изстари плуг и соха ходила...» (Материалы, № 197, стр. 267).

лении описи писцу незачем было перечислять все население двора — достаточно было назвать одного, обычно старшего жителя, так как налогом облагалось хозяйство, а не души, как в XVIII в.

Выяснить состав двора путем изучения писцовых книг попыталась И. Л. Перельман[47]. Исходя из того, что писцовые книги дают только главу семьи, а в одном дворе упоминается иногда 2, а изредка и несколько лиц, И. Л. Перельман пришла к выводу, что «деревни, в которых жила одна семья, составляют значительно меньший процент, чем деревни однодворные»[48]. Дальше на примере четырех Обонежских погостов И. Л. Перельман приходит к выводу, что 18% всех дворов населены неродственниками.

Приемы автора и вывод вызывают сомнения. В том случае, если писец упоминает в одном дворе двух лиц с разными отчествами (фамилий в подавляющем большинстве случаев не было в XV—XVI вв.), нет оснований считать их чужими. Это могли быть два двоюродных брата, дядя с племянником и более отдаленные родичи, как признает и сама исследовательница, чувствуя шаткость своей позиции[49]. Совсем уже неправильно считать неродственниками жителей двора, если они названы лишь по имени. Следует иметь в виду, что складники или люди, находящиеся на разных ступенях зависимости: захребетники, суседи, подсуседники, — обычно так и называются и не смешиваются с родственниками.

Все сказанное позволяет считать подсчет и выводы И. Л. Перельман недостаточно обоснованными.

Со второй половины XVI в., как это видно из таблицы 5, преобладают деревни уже в несколько дворов. Однако и тогда в книги заносятся общие суммарные цифры: об общем количестве скашиваемого сена, коробей высеваемого хлеба и т. п.

Ясно, что деревня продолжает рассматриваться, как некое экономическое целое, даже если включает в себя не-

---

[47] См. И. Л. Перельман. Новгородская деревня в XV—XVI вв: «Исторические записки», № 26, 1948, стр. 148—197.

[48] См. там же, стр. 148.

[49] Ошибочность метода Перельман доказывается ее же примерами. На стр. 196 под № 148 она прослеживает состав дер. Кулдуево. По Лихачеву, там живут «во дв. Стафей да Ивашко Терентьевы», по Плещееву,— «во дв. Гришка Терентьев — во дв. Фетка Стахеев». По методу Перельман мы должны были бы считать двух последних жителей неродственниками, а при сопоставлении с предыдущей книгой становится ясно, что это дядя и племянник (живущие уже в разных дворах).

сколько хозяйств. Это объясняется длительным периодом существования однородной большесемейной деревни.

Другим свидетельством о существовании в прошлом большой семьи является право выкупа земли родственником человека, продавшего или заложившего ее.

Право родового выкупа в XV—XVI столетиях начинает отмирать в связи с развитием частной собственности, ростом торговли и разложением большой семейной общины. Бытование родового выкупа известно нам главным образом по стремлению продавцов обойти его. Продавая, закладывая или завещая свое имущество, движимое и недвижимое, авторы этих документов приписывают: «А нет никому, ни роду моему, ни племени, дела до моих статков, опришно того, что в сей духовной написано»[50].

Чрезвычайно важно, что не только дети, братья и сестры считаются теми родственниками, которые могут претендовать на земли умершего владельца, но и более отдаленные родичи. Это устанавливается тем, что завещатели часто оговаривают возможность материальных претензий со стороны этих родичей, добавляя: «и иному роду моему и племени дела нет ни в чем». Это является существенным аргументом против ошибочной теории об изначальной малой индивидуальной семье на Севере. Акт этот дает возможность судить о каком-то родственном коллективе, сохранившем известные экономические и идеологические (сознание единого происхождения) связи. Подобные коллективы были выделены в структуре рода М. О. Косвеном[51] под названием патронимии.

К этому же виду родовых пережитков относится право преимущественной покупки земли родственниками лица, желающего продать ее, а также обязательство купившего землю не продавать ее самому, не поставив в известность продавцов[52].

Выкуп родовой земли продавцами и их сородичами, как и другие пережитки, является переходным моментом при натиске частной собственности на общинную. Крупному феодалу, каким был, например, Соловецкий монастырь, родовой выкуп был чрезвычайно неприятен, так как мешал той пла-

---

[50] Материалы, № 214, стр. 277 (1581 г.).

[51] См. М. О. Косвен. Семейная община. К истории вопроса. Изв. АН СССР, сер. истор. и филос., т. III, 1946, № 4; его же: Семейная община. «Советская этнография», 1948, № 3.

[52] Устюжские купчие 1596 г. и 1601 г. М. Островская. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI—XVII вв. СПб., 1913, стр. 24.

номерной скупке и захвату волостных земель, который он вел по берегам Белого моря. Приписки к своим дарственным и купчим, которые делали крестьяне, видимо, не без давления монастыря, отражают уже значительную победу частной собственности. Чтобы избежать родового выкупа, завещатель иногда откупался от родственников деньгами или условием выкупа ставил внесение явно завышенной суммы [53].

Однако общинное самосознание не сразу уступило новому взгляду на земельную собственность; еще в XIX столетии выкуп земли отмечается в северной глуши [54].

Есть и другие основания считать, что семейная община больших размеров была нетипична для европейского Севера уже в XVI—XVII вв. Большое распространение в XVI—XVII вв. имело так называемое складничество. Складниками назывались лица, договорившиеся вести общее хозяйство: совместно обрабатывать землю, снимать урожай и жить в одном доме. Широкое распространение складничества — а складники по существу создавали искусственную большую семью — было возможно лишь в условиях бытования наряду с большими и малых семей.

Вот пример складной записи: складная запись крестьянской вдовы Космозерской волости Марьи Павловой дочери и сына ее Федота Яковлева с крестьянином Шунгского погоста Василием Власьевым на совместное владение деревенским участком и движимым имуществом. «Се аз Кижского погоста крестьянка вдова Марья, Елизарьевская вдова, а Павлова дочь, Федот Елизарьев сын Яковлева дали на собя запись закладную Николского Шунского погоста крестьянину, я вдова брату своему Василью Власьеву, а я Федот дяди своему, что в нынешнем во 170-м году то мы перезвали его ис Шунского погоста в Кижский погост в Космозерскую волость на житье на деревенской участок в хоромы на полтрети в ызбу и с прочию землею; и на тот участок в хоромы жить сложились животами ходячими: скотиною всякою, и хлебом, и серебряною посудою и медною и железным и всякою житейскою посудою, опричь того, что у него Василья за женою в приданые живота пришло: корова и овца, серебрянная чепь воротовая плетеная, на чепи три креста, жуковина, два креста, платья, ферязи заечные

---

[53] А. Ефименко. Ук. соч., стр. 259 (Двина, 1619 г.).
[54] См. С. А. Приклонский. Ук. соч., стр. 169—170.

под куметом, другие крашенинные холодные, сукна сенего овечья, да ш[а]пка женская с пухом бобровым отлазная, да мелочи две коробейки, одна (з) замком, другая без з(а)мка, да платья белых насилных. А мне вдовы до тех животов до приданых дела нет. И сколко буде мы с ним Василь(ем) поживем вместе в хоромах на месте, и что будет к тому прибудет животов и деревенского участка сверх к прежнему каких угодей, живучи вмести, прибавим то нам все розделить пополам, а ему Василью половина, а мне Федоту с матерью другая. А друг на друга не бить челом и не изгонять. И которые другие которые участки прикупные, то дилить нам пополам. Писал Еуфим Григорьев. На обороте: К сей записи успенской поп Космозерской волости Григоре(й) Ортемьев вместо Марьи Власьевой дочери да сына еи Федота Елизарьева по их веленью руку приложил»[55].

Обычно складниками становились посторонние люди, но иногда складную запись делают зять с тестем или тещей и другие лица, находящиеся в близком свойстве. В челобитной 1658 г. бобыля Фоймогубской волости Шунгского погоста Федота Сазонова описывается именно такого рода складство[56], правда, ограниченное сроком — 8 годами. Складничество проникало в разного рода хозяйственные отношения: не только земледельческие, но и промысловые. Крестьяне склады-

---

[55] «Карелия», № 101, стр. 151—152.

[56] 1658 г. не позднее октября 31.— Челобитная бобыля Фоймогубской волости Федота Сазонова о привлечении к суду вдовы Евдокии Панфиловой дочери, не выполнившей заключенных с ним условий. «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержцу, бьет челом бобылек твой государев Николского Шунского погоста Хоймогубской волости Федотко Созонов. Жалоба, государь, мне того ж Шунского погоста тое ж Хоймогубской волости на твою государеву вдову на Евдокею Панфилову дочь и на сына ее на Ипполита. В прошлом, государь, во 161-м году приняли оны меня к себе в дом Евдокея к дочери своей Марем(ья)не; и жити мне было с ними по записи 8 годов; и приносу со мною пришло к ним денег 3 рубля да платья на рубль. И божиим судом семья моя преставися. И оны мне до урочных годов жити у себя в дому не дали, вон отказали. А в записи написано: будет я Евдокея с сыном ево Федота до сроку откажем, и давать полетнего найма на год по рублю да приносной живот и дочери приданое. И у меня сироты от тое жены остался сыночек. Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержец, пожалуй, государь, меня сироту своего, вели, государь, на них по записи свой царьской суд и управу дать. Царь, государь, смилуйся, пожалуй» («Карелия», № 87, стр. 134).

вались ловить рыбу, варить соль, строить мельницы [57] и т. п.

Я не буду останавливаться на различных видах складничества и истории этого института, так как это непосредственно не входит в тему работы, тем более, что вопрос о складничестве получил подробное освещение в работах А. Ефименко, М. Островской и некоторых других исследователей. Ясно одно, что складническое поселение является хозяйственной и искусственной семейной организацией [58]. Перед северной природой с ее дремучими лесами, тяжелой, местами каменистой почвой один работник был бессилен. Промысловая деятельность как лов рыбы также требовала хотя бы небольших коллективов. Возникновение складничества облегчалось также древней артельной и дружинной традицией, которую русские переселенцы принесли из Новгородской республики [59].

Складническое землевладение было слишком неустойчивым, чтобы долго просуществовать; уже в XVII столетии оно разлагается [60]. Складническая деревня превращается в долевую. Но не только из складничества возникла долевая

[57] «Жалоба, государь, мне того ж Андомьского погосту на Офонку Иванова в том: (в) прошлом государь, во 166-м году он Офонка своим небреженьем мелницу нашу вопчюю на Андоме реке на пороге зжек, налево Офонкиной череды; а мене холопу твоему в тоей мелницы шестой жеребей, и мне тое мелницы в строеньи и в мастерстве в мелничной во всей збыти по своей выти стала в 10 рублев. Да он же Офонка за тое мелницу мне от мастерства найму по записи по своей, ево Офонкиной выти, не платит и волочит многое время; а по з(го)вору доведетца на нем взяти найму за тое мастерство полтора рубли. и мне учинилось убытку для его нерасплаты в тех наймых денгах 20 алтын з гривной...» (Челобитная 1658 г. «Карелия», № 86, стр. 133).

[58] Элементы складничества проявляются в какой-то мере и в брачных отношениях. Житель Кузарандской волостки, Толвуйского погоста откровенно пишет об экономических мотивах, вынуждающих его жениться вторично: «...Был есми, государь, женат год, да жена, государь, моя от меня сошла безвестно тому 13 лет; а мы, государь, люди страдные, без семьи жити не мочно. Государь святый архиепископ Леонид, покажи милость, благослови мне женитца. А без твоего святого слова никоторой священник не венчает...» (Челобитная 1572 г. Материалы, № 139, стр. 223).

М. М. Богословский приводит пример, как вдова, выходя вторично замуж, от имени своих детей заключает с мужем складнический союз. (М. М. Богословский. Ук. соч., стр. 156).

[59] Сущность складничества не вызвала, кажется, принципиальных разногласий. Оригинальную точку зрения высказал В. И. Сергеевич («Древности русского права». СПб., 1903, т. III, стр. 63 и пред.). Этот исследователь считает складниками крестьян, хозяйство которых положено в одну податную единицу «в одну обжу, соху, тягло». Искусственность этой точки зрения показана еще Н. П. Павловым-Сильванским («Феодализм в удельной Руси». СПб., 1910, стр. 153—154, сноска).

[60] См. Н. П. Павлов-Сильванский. Ук. соч., стр. 152.

деревня; в основном она возникла путем разложения семейной деревенской общины, а так как складнический союз был как бы искусственной семейной общиной, при разложении своем он давал ту же долевую форму деревни. Честь открытия долевого землевладения и первого его истолкования принадлежит А. Ефименко[61].

Экономические условия Севера были, следовательно, таковы, что крупных семейных коллективов там не складывалось. Причины этого следует искать в оазисном расположении годных для пашни земель, а также в том, что в хозяйстве помора видную долю занимала охота. Особенно это относится ко времени освоения края. Перечень натуры, которой платили «старый доход», по древнейшей писцовой книге 1496 г. довольно разнообразен, и доля продуктов охотничьего и рыболовного промыслов велика.

Наступал момент, когда семейная община делилась; но общинное мировоззрение не сразу сдавало свои позиции: производя раздел, жители деревни продолжали смотреть на нее, как на нечто целое и замкнутое. Раздел производили так: каждое поле деревни делили, смотря по числу участников дележа; таким образом, каждый дольщик получал свою долю, участок в каждом из полей. Угодья: выгоны, «поскотину», ловли и пр. — обычно оставляли в нераздельном пользовании всей деревни. Такой порядок был справедлив: разные земли деревни были неравны по качеству и удобству месторасположения. Лучшей землей была земля «горная», расположенная на склонах холмов; иногда только склоны и были пригодны для пахоты. Остальные земли были хуже, поэтому полный дележ земли был труден технически и не соответствовал семейнообщинному мировоззрению.

Особенно интересно, какие изменения испытывало в связи с разделом поселение. К сожалению, вопрос этот в источниках отражен недостаточно. Чаще, видимо, раздел сопровождался строительством отдельных домов, но не всегда; тогда складники оговаривали, что «изба вместе»[62]. В результате раздела могло получиться, что изба одного жителя деревни оказывалась «без места», т. е. без дворовой земли[63]. Такое положение могло получиться, когда дворовая земля была поделена, а двор остался общим; в таких случа-

---

[61] См. А. Я. Ефименко. Ук. соч.

[62] См. М. Островская. Ук. соч., стр. 128.

[63] «... Изба без места» могла оказаться и тогда, когда завещатель оставлял свое имущество по частям разным лицам. Напр., Материалы, № 214, стр. 277 (1581).

ях при дележе оговаривалось, что «изба вместе», а дворовое место принадлежит одному из дольщиков[64]. Крестьяне договаривались: «дворов и хором не трясти, землею под дворами в меру верстать», или «а которые хоромы где стоят, и хором нам друг у друга с мест не сживать»[65].

В купчей 1578 г.[66] находим пример дольщиков, оставшихся жить в одном дворе: «Се яз Клим Иванов сын Ляпин, кемлянин, продал есми соловецкому старцу Анисиму полдворца, в чем сам живу с Ефимом вместе, да половина поля сь Ефимом же, да 8-я доля лука рыбные ловли промеж волощаны, во всех ловлях, и с морскими пожнями».

Каждый дольщик владел, следовательно, не определенной землей, а какой-то идеальной долей общего земельного целого.

Каждый владелец доли деревни (вместе со своей семьей) распоряжался ею как собственностью. Он мог продать, заложить ее, пожертвовать в монастырь на помин души, разделить свою долю и продать только часть. Но деревня оставалась тем же целым, так как лицо, получившее право на долю, входило в долевую деревенскую организацию, он получал право не на кусок земли или участок ловли, а на долю в общем деревенском владении. Угодья продают неразмежованными, указывая лишь долю. Какой-нибудь крестьянин продает, между прочим, «и полянку меж братнею, что придет на 6-ю долю лука»[67]. Долевое землевладение было неустойчиво. Когда после первого раздела сменялось несколько поколений, получался запутанный клубок прав отдельных дольщиков. Доли, разумеется, были уже неравны: если, скажем, три первых сына получили по равной доле, а у первого, скажем, было три сына, у второго один, у третьего два, то дети первого сына получали по $^1/_9$ общей земли, сын второго распоряжался $^1/_3$, а дети последнего — по $^1/_6$. Чужеродный элемент и продажа частями окончательно запутывали все дело.

Одним из существенных проявлений взгляда на землю деревни, как на общее достояние, было право передела земли. Если дольщик приходил к выводу, что интересы его оказались ущемленными и он владеет меньшей долей, чем ему полагается по наследству, купчим, дарственным и пр., мог потребовать обмера земли общей волостной веревкой и, таким

[64] См. М. Островская. Ук. соч., стр. 128.
[65] Там же.
[66] Материалы, № 187, стр. 261.
[67] Материалы, № 244, стр. 299 (1587).

образом, привести свое реальное владение в соответствие с той идеальной долей, на которую он мог претендовать. Процедура эта называлась «вервьлением», по названию веревки — «верви», которой производился обмер, а результаты вервления записывались самими крестьянами в особые «вервные книги». Обнаружение этих книг и дало возможность А. Ефименко описать долевой земельный строй и рассеять некоторые недоразумения.

Новопоставленные деревни отмечаются под названием «починков»; в других пятинах был распространен близкий по значению термин «выставка». Андрияшев[68] так определяет его: «Новые селения в Новгородской земле возникали двояким путем: посредством выставки части дворов из деревни и образования новых поселков на земле, приписанной к этой деревне, или посредством починков, которые устраивались на землях, еще не разработанных и не положенных в обжи. В первом случае число окладных единиц поместья — обеж — не увеличивалось, так как на каждое выделившееся таким путем селение отделялась соответственная доля прежнего обложения...». И дальше: «Что касается починков, то устройство их всегда повышало цифру обеж поместья и поэтому они тщательно отмечались, как таковые, в писцовых книгах».

Другой исследователь, Ю. В. Готье[69], замечает на территории Замосковского края XVII в. одинаковое значение терминов «починок» и «выставка» применительно к новым поселениям (термин «выставка» отмечен во Владимирском и Дмитровском уездах).

В Заонежских погостах слово «выставка» имеет значение новой, филиальной церкви, а также небольшой группы деревень, удаленной от погоста-места на значительное расстояние; термин «починок» употребляется при возникновении новой деревни, вне зависимости от того, приписана ли земля починка к деревне или нет[70].

Новоселам, поселившимся в починках, давалась временная льгота от уплаты налогов. В документах изредка отме-

---

[68] См. А. М. Андрияшев. Ук. соч., стр. XXXI, сноска.

[69] См. Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII в. М., 1906, стр. 128—129.

[70] «Дер. на Кунголе ж: ... во дворе Перха да Иванко Софроновы, во дворе Лешко Офоносов да сусед его Иванко Онисимов, пол-2 обжи, сеют в поле ржи 2 коробьи, сена косят 20 коп. да ис тое же деревни стал ново починок на том же угодье на Сиговом наволоке: во дворе Мишук Ондреев на Фефилатко Иванов, сеет в поле ржы пол-коробьи, сена косят 10 коп.; и то починок к Перхе да Иванку Федоровым в потуг». (Писцовые книги Обонежской пятины, стр. 184).

чаются случаи, когда, прожив льготные годы и поставив дворы, переселенцы уходили. Новые поселения часто возникают на пустошах, где требовалось вложить меньше труда, чем на новой, дикой земле. Новоселами бывают и местные люди и пришлые — «на пустошах и на черных лесах крестьяне и бобыли того ж Веницкого погоста, и карелские выходцы, от отцов — дети и от братей — братья...»[71]. Образование новых поселений так же объясняется и в Шимозерской волости («от отцов — дети, от братьев — братья и корелские выхотцы»).

Возникшее селение называлось обычно починком до тех пор, пока не истекал льготный срок, а в отдельных случаях название «починок» удерживалось как нарицательное.

Починки чаще, чем деревни, расположены в глухих местах; причем из-за того, что границы отдельных владений были нечетки, а сами починки были еще неустойчивы, они оказывались предметом ссоры соседних владельцев[72].

Несколько слов о названиях деревень. Чаще всего в древнейших писцовых книгах деревни вовсе не имеют названий. Если, например, описывается деревня на Волосове горе или в Хоймогубе, то это, разумеется, еще не название, так как сразу же за ней следует другая деревня на Хоймогубе, а потом может быть и третья, так что Хоймогуба не является определяющим исключительным названием для какой-нибудь одной деревни. Хоймогуба есть название губы, залива, т. е. географического понятия, а также и главным образом заселенной местности по берегам этой губы. Названия местностей четко выделяются писцами: «А се в Паханичах», — отмечает писец и дальше идет перечисление паханичских деревень.

В качестве таких определяющих местность названий выступают названия озер, рек, ручьев, заливов и пр. Даже если, скажем, на каком-нибудь «Белом ручью» описана только одна деревня, то и здесь Белый ручей или какое-нибудь «Щучье озеро» не являются определениями для деревни, так как через несколько лет там может возникнуть новая деревня, которая будет носить то же название — «деревня на Белом ручью» и т. п.

---

[71] ЦГАДА. Ревизские сказки по Новгороду, № 2541, л. 17.

[72] Старцы Муромского монастыря жалуются на палеостровских монахов, что они «отняли... починок наш монастырской на Марнаволоке». Игумен же Палеостровского монастыря отвечает от имени своей братии: «... а силно починков у них не отнимаем... а починки, господине, ставим на своей земли...» (Материалы, № 53, стр. 135).

Действительно, из-за неустойчивости названий, часто бывает довольно трудно решить, описывается ли одно селение или несколько. Сличение нескольких писцовых книг одной и той же местности может облегчить задачу. По писцовой книге 1496 г. в Шунге на Верхнем озере в бывшем владении Федора Остафьева Глухова описаны 3 деревни, в каждой из которых было по одному двору[73].

Можно было бы сомневаться, имеем ли мы здесь дело с тремя однодворными или одной трехдворной деревней, но писцовая книга 1563 г. отмечает на том же Верхнем озере те же три деревни (пустых), причем в двух из них по двору[74].

Конечно, не всегда деревня не имеет названия. Уже в древнейших книгах встречаем названия, производные от имен владельцев дворов и прочно закрепившиеся за какой-то одной деревней. Например, «Деревня Даниловская: дв. Волоско Данилов...»[75]; или «Деревня Савинское: дв. Максимко да Данилко Савины...»[76]; или: «дер. Никоновское: дв. Захарко да Фомка Олексины да сусед их Яковик, дв. Ларивонко Никонов, дв. Родивонко да Офоноско...» и т. д.[77]. Во всех приведенных примерах понятно происхождение названия деревни: оно идет либо от имени современного письму владельца, либо, что вероятно, чаще от его отца или деда, а может быть, и более отдаленного предка. В последнем приведенном примере, кроме потомка основателя деревни (или получившего некоторую известность ее жителя), здесь упомянуты какие-то другие лица; причем некоторые из них, может быть, происходят из той же семьи, а другие (сусед Яковик) — здесь явно чужие. Характерно, что если в древнейших писцовых книгах, Сабурова или Лихачева, название деревни часто связано с одним из ее обитателей, то в последующих книгах деревня называется по имени давно умершего основателя. Иногда наряду с названием деревни, происходящим от прозвища ее обитателя, упоминается и местность[78]: река, залив и т. п. Бывает, что название деревни, образованное от личного имени, уже не перекликается с отчествами и прозвищами насельников. Это особенно

---

[73] Писцовые книги Обонежской пятины, стр. 1.
[74] Там же, стр. 147.
[75] Там же, стр. 11.
[76] Там же, стр. 32.
[77] Там же, стр. 33.
[78] «Дер. на реке на берегу на яме Боносово». См. кн. Н. Панина, 1628 г. (Писцовая, ЦГАДА, № 308, л. 260 об.)

свойственно более поздним переписям, когда старые жители поселений были уже позабыты современниками.

Например, в писцовой книге 1628—1629 гг. Никиты Панина в описании Шунгского погоста находим деревню Степановскую Омельянову в Киркиной губе[79]. Среди имен жителей нет Степановых, хотя предположение о том, что хотя бы часть их является его потомками, весьма правдоподобно.

Установившиеся фамилии у крестьян — явление довольно позднее[80].

* *
*

Таким образом, изучение северной деревни на материалах заонежских писцовых, переписных книг и актов XVI—XVII вв. приводит нас к выводу, что однодворные деревни — господствующий тип поселений к моменту появления писцовых книг. Деревенские семьи этого времени не были однотипными, так как наряду с «большими» семьями существовали и малые. В целом же для этой эпохи были характерны сравнительно немногочисленные семьи из 6—7 человек, объединенные, как это будет показано в VII главе, в патронимические коллективы.

В дальнейшем происходит дробление деревни и превращение ее в долевую. Рост числа дворов в XVI—XVII вв. отражает не только естественный рост населения, но также изменение общественных отношений заонежской деревни.

---

[79] ЦГАДА. Архив Мин-ва юстиции, писцовые книги, № 308, лл. 279—279 об.

[80] Если у Ивашки, скажем, сын Семен, то его отметят в книгах, как Семена Иванова; сына же Семена — Петра будут называть Петром Семеновым, а не Ивановым. Словом, — это еще не фамилии. Более устойчивы прозвища, которые постепенно превращаются в постоянную фамилию (см. напр., по таблице. Приложение II, № 57 — дер. Скоморохово, № 26— дер. Соловарова).

Глава VI

ФОРМЫ ПОСЕЛЕНИЙ

Понятие формы поселений обнимает две основные стороны дела: планировку поселения и ориентировку фасадов жилых домов. Обе эти стороны вопроса на основании карт Генерального межевания и писцовых книг не поддаются изучению. Даже на крупномасштабных картах (верста в дюйме) нельзя выявить отдельные строения, а тем более их внутреннюю планировку и направление здания.

Для определения ориентировки фасадов вряд ли могут что-нибудь дать даже сохранившиеся трехсотсаженные планы отдельных дач, служившие материалом для составления Генеральных уездных планов и атласов при проведении межевания. Для изучения же планировки трехсотсаженные планы, вероятно, пригодны, но, к сожалению, эти интересные документы законсервированы в Государственном архиве древних актов.

Следует иметь в виду, что для подавляющего большинства поселений конца XV и XVI вв. не приходится вообще говорить о «формах» поселений, потому что, как уже было сказано, деревни большею частью были однодворные и двухдворные. Хотя двухдворная деревня уже имеет форму поселения, но практически определить ее трудно. Все же вопрос представляется интересным, хотя бы и в отношении меньшинства поселений.

Для предположительного суждения о формах поселений в XVI—XVII вв. можно привлечь только поздние экспеди-

ционные данные, т. е. позволить себе довольно длинное отступление и от XVI—XVII столетий обратиться к XX и частично XIX в.

Задача осложняется еще и тем, что лучше изучены наиболее заселенные части Заонежья, где селения частично перестроены под влиянием государственной власти, а глухие места с небольшими деревнями изучены значительно хуже. Кроме того, материал по Заонежью недостаточен и приходится привлекать данные почти по всему русскому Северу.

Имеются сведения по западному Заонежью, относящиеся к 1866 г.[1]. Автор описывает этнографические особенности заонежан, понимая под этим термином не всех жителей Заонежья, а только население двух волостей Петрозаводского уезда — Кижской и Толвуйской, расположенных по берегу Онежского озера (всего 10 приходов).

Отмечается отсутствие какого-либо плана и порядка в расположении крестьянских построек Заонежья: «Кому куда вздумалось, тот туда и ставил свою хату. Большею частью выходит так, что скотный двор одного домохозяина находится перед самыми окнами другого».

Однако незадолго до времени написания статьи (1866 г.), по словам автора, начальство стало требовать у крестьян, чтобы во избежание пожаров новые поселения строились на местах, отведенных для этого землемером. Автор статьи не описывает принципов этой новой планировки, по которым было перестроено к тому времени «уже не мало деревень». Судя по замечанию автора статьи, что окна домов обычно выходят на скотные дворы других домохозяев, можно заключить, что все фасады ориентированы примерно в одном направлении.

Другие описания позволяют предположить, что это южное направление. В дальнейшем я буду называть такую планировку беспорядочной с ориентировкой фасадов на юг, хотя и сознаю тяжеловесность и неточность этой формулировки.

Работа М. Б. Едемского считается лучшей среди дореволюционных исследований по северному жилищу[2].

---

[1] Этнографические заметки о заонежанах. «Памятная книжка Олонецкой губ. на 1866 г.», ч. II. Петрозаводск, 1866, стр. 22—23.

[2] См. М. Б. Едемский. О крестьянских постройках на севере России. «Живая старина», вып. I—II. СПб., 1913, стр. 25—116.

Интересующему нас вопросу он посвятил несколько страниц. Исследованный район охватывает бассейн среднего течения реки Ваги и ее притоков: Устьи с Кокшеньгой, Вели, Кулоя и частью других.

В качестве сравнительного материала автор использовал также свои наблюдения в смежных районах Вологодской и Архангельской губернии. Описывая поселения, автор в основном говорит о планировке, о форме поселений.

Самой специфической формой поселений для этого района Едемский считает селение, расположенное на берегу реки. Главный фасад здания выходит на реку, Едемский отмечает, что строители стараются, чтобы окна были обращены на юг, «в теплую сторону». «Одним словом, — добавляет Едемский, — чтобы было тепло и красиво». Летняя и зимняя избы («перед» и «озадок») расположены в противоположных частях дома; поэтому очень распространенно такое расположение: зимняя изба — в юго-западном углу дома, летняя — в юго-восточном, между ними — горница на повети, окна которой смотрят на юг. Главный фасад, следовательно, обращен к востоку. Условия «на восток и на реку», замечает автор, легко осуществимо, так как большинство рек Поморья течет с юга на север.

Хозяйственные постройки сгруппированы вокруг зимней избы — «озадка». Перед домом небольшой сад, перед ним — дорога, которую никогда не называют улицей. Улица (или более позднее название — проулок) — это пространство между домами, которое кончается «разуличьем» за огородами.

Когда деревня разрастается, появляется второй ряд. Он выстраивается перед основным так, что зады выходят на дорогу, а главный фасад обращен в сторону реки. Большей частью озадки стараются приукрасить. Хозяйственные постройки этого ряда занимают пространство перед главным фасадом. Второй ряд, или порядок, расположен в более низкой части склона берега.

Другие формы поселений, по Едемскому, встречаются реже. Деревни, расположенные далеко от реки, ориентированы по дороге (уличная деревня); в больших торговых селах главные фасады выходят на базарную площадь; в овражистой местности дома смотрят в разные стороны.

Овраги несколько запутывают планировку селения. Появляются боковые линии. Но все же основной господствующей формой остается такая форма поселения, при которой оно вытянуто вдоль реки.

Едемский отмечает, что к югу, по направлению к Тотьме, в бассейне Сухоны — совершенно отличная форма поселений, а именно фасад всегда выходит на дорогу; Едемский имеет в виду, по-видимому, типичные уличные деревни. В этом отношении жилые дома Сухонского бассейна ближе к постройкам верхней Волги. Такое же различие в форме поселений отмечается и при переходе с рек Ваги — Вели в сторону р. Кубины.

Это отличие чрезвычайно важно. Действительно, прямым воздействием среды никак не объяснишь, что в бассейне Сухоны распространены уличные деревни, а в бассейне Ваги — деревни речного типа. Природные условия этих местностей весьма сходны. Как же объяснить такое резкое различие в форме поселений? Едемский не дает ответа на этот вопрос, да и не ставит его. Объяснения здесь два. Во-первых, водораздел между бассейнами Ваги и Сухоны был рубежом между новгородской колонизацией и низовской, что не могло не отразиться на особенностях материальной культуры; различие наблюдается не только в форме поселения, но и в особенностях жилищ (конструкция, планировка и пр. особ.). Во-вторых, различия связаны с хозяйством; как замечает сам Едемский, в бассейне Сухоны сузем вырублен, а стало быть, тележная дорога вытесняет речную, а вместе с тем уличная планировка — прибрежно-рядовую.

В другой работе[3] по Пинежскому краю М. Б. Едемский в качестве господствующей формы поселения описывает ту же самую прибрежную рядовую деревню.

В Заонежье специальной этнографической экспедицией было обследовано 72 селения. Экспедиция обследовала главным образом Шунгский полуостров Онежского озера, особенно западную его часть. Селения состоят из «изб-усадеб» с примыкающими к ним хозяйственными постройками. К. К. Романов выделяет несколько форм поселений. Наиболее древней он считает ту форму, при которой усадьбы-дома стоят рядом и всегда лицом к солнцу.

Определение автора «лицом к солнцу», казалось бы, должно обозначать ориентировку главного фасада на юг (на полуденное солнце), но у Романова оно обозначает, по-

---

[3] См. М. Б. Едемский. Этнологические наблюдения в Пинежском крае Архангельской губ. в 1921 г. «Север», 1923, № 3—4.

видимому, запад и юго-запад. Наиболее старым приемом постройки селения была постройка усадеб-домов рядами и всегда лицом к солнцу. Большинство старых домов ориентировано в селениях к западу и к юго-западу; таковы деревни Тарасы, Верховье, окрестности Яндомозера и др.[4].

Едемский, кстати, под ориентировкой «на солнце» имеет в виду противоположное направление — на восток. В другой, более поздней своей работе К. К. Романов определяет ориентировку на солнце как направление на юг, юго-восток или юго-запад.

Вернемся к описанию Заонежья. В том случае, если селение состоит из 2-х порядков (рядов) изб, то дома одного из них выходят на улицу, обыкновенно главным фасадом, а другого — задами. Такова старая часть деревни Кондобережной, деревни Вигово и некоторых других деревень. Если в деревне было не 2, а несколько порядков, то и улиц было соответственно больше, причем одна сторона домов обязательно выходила на улицу задами. Пример такой деревни с несколько асимметричными улицами — дер. Потаповщина под Яндомозером, село Фоймогуба. Этот тип поселений автор считает типичным для старых русских поселений.

В дальнейшем, замечает автор, происходит изменение этого типа; в двухпорядковой деревне один ряд, а именно тот, который раньше выходил на дорогу задами, меняет свою ориентацию. В этом типе оба ряда выходят своими главными фасадами на проходящую между ними дорогу. Точно так же деревни, состоящие из нескольких параллельных рядов зданий, перестраиваются по уличному принципу, т. е. превращаются в несколько параллельных улиц, на которые выходят окна домов. Автор приводит любопытный пример с упоминавшимся уже селением Кондобережным, которое расположено по берегу одной из мелких бухт Великой губы. Улица состоит из двух порядков. Весь поселок делится пересохшим ручьем на северную и южную части. Южная — горела и была отстроена заново; дома обоих порядков ориентированы фасадами на улицу; северная — сохранила свой первоначальный вид. Все дома северной половины смотрят в одном направлении — на запад, к озеру.

В другой своей работе К. К. Романов описывает формы

---

[4] См. К. К. Романов. Жилой дом в Заонежье. «Искусство Севера (Заонежье)», 1. Л., 1927.

поселений в районе Пинеги[5]. Наиболее характерной планировкой является, по Романову, такая, при которой дома расположены рядами и ориентированы «на солнце» (юго-восток, юг или юго-запад). Перед фасадами домов проходит дорога. В небольших селениях всего один ряд (Айнова гора, деревни под Сурой и др.), в более крупных — два и даже три (Поганец — около Песчаника, Остров, Кобылико в Покшеньге). Автор отмечает недавнюю перестройку отдельных рядовых селений по уличному принципу (например, Карпова гора).

Вторая форма поселения, выделяемая автором, отличается бесформенностью, «где дома-усадьбы стоят не в одну линию, а случайно, вперемежку, хотя все обращены «лицом» в одну сторону — «к солнцу» (Слуда под Сурой, части Горы). Романов определяет этот тип, как финский.

Попадаются смешанные формы поселений, где сосуществуют оба принципа (Шотова гора).

Очень редки поселения с планом в виде двух перпендикулярных рядов (Погост и Горка в Суре). При достройке оба ряда превратились там в улицы. Отмечается также теснота застройки отдельных поселений.

Мной было снято свыше 40 глазомерных планов деревень во время работ северо-великорусской экспедиции 1947 г., обследовавшей в этнографическом отношении южный берег Белого моря (несколько поселений по небольшой речке Нименге и селение Ворзагоры), среднее течение реки Онеги, Кенозеро и Корбозеро. По течению больших сплавных рек господствует рядовая прибрежная планировка, чаще однорядная, реже — многорядная; в глухих водораздельных районах — беспорядочная, местами — рядовая, ориентированная на юг, которая чаще встречается в отдалении от рек; наконец, в наиболее экономически развитых местностях, где большую роль играет сухопутный транспорт, преобладает уличная деревня.

Отмечаю большое число смешанных форм поселений, которые представляют собой переходные формы (из рядовой, ориентированной на юг и прибрежно-рядовой — в уличную, из беспорядочной — в рядовую). Изучение смешанных форм важно при установлении древности той или иной планировки.

---

[5] См. К. К. Романов. Жилище в районе реки Пинеги. «Искусство Севера», т. II. Л., 1928.

Таким образом, формы поселений русского Севера изучены явно недостаточно. Существует, правда, сравнительный материал по более южным областям Волго-Окского междуречья. В этой области господствует уличная деревня. Вкратце о поселениях Ржевского уезда сказано в работе Н. П. Гринковой[6]; поселения Бежицкого уезда касается Л. И. Песселеп[7]; Мологского уезда — Е. Э. Бломквист[8] (в двух последних работах отмечается преобладание в прошлом беспорядочной планировки); Краснохолмского уезда — М. И. Артамонов[9], Волоколамского уезда — Н. Н Чебоксаров[10], Дмитровского уезда — К. А. Соловьев[11]. В своем большом труде о востокославянском жилище Е. Э. Бломквист[12] описывает, в частности, северно- и среднерусские поселения.

Изучение поселений народов финской языковой семьи — особенно важная параллель русским поселениям Севера, во-первых, потому что дославянское население этого края принадлежало к финской группе, а, во-вторых, финноязычные народы, особенно карелы, вепсы, ижоры, живут по соседству и в весьма сходной природной обстановке.

Исследователи XIX—XX вв. отмечают у финно-угорских народов распространение беспорядочной формы поселений (часто ее называют бесформенной, неправильной и пр.), указывают на отсутствие в прошлом правильных планов в деревнях коми-зырян, коми-пермяков, манси, хантов[13]. То же описывают и у марийцев, но позднее у них под воздействием правительства была частично введена правильная планировка. В Финляндии, по данным конца XIX в., деревни состоят из групп домов, расположенных без всякого порядка. Деревни очень мелки[14]. Бесформенные поселки отмечались и у эстонцев. То же наблюдается у карел. «Чем ближе

---

[6] См. Н. П. Гринкова. Постройки юго-западной части Ржевского уезда. В сб.: «Верхне-Волжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края». Л., 1926.

[7] См. Л. И. Песселеп. Постройки Бежицкого уезда. Там же.

[8] См. Е. Э. Бломквист. Постройки Мологского уезда. Там же.

[9] См. М. И. Артамонов. Постройки Краснохолмского района. Там же.

[10] См. Н. Н. Чебоксаров. Постройки Волоколамского уезда. «Московский краевед», 1929, вып. 3

[11] См. К. А. Соловьев. Жилище крестьян Дмитровского края. Дмитров, 1930.

[12] См. Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов. Труды Института этнографии, нов. сер., т. XXI.

[13] См. Н. Н. Харузин. Очерк истории развития жилища у финнов. М., 1895, стр. 36.

[14] См. там же.

корельские погосты и деревни к границе селений русской народности, — пишет А. Соборнов, — тем больше заметно сходство в постройках карелов с русскими, и чем дальше корельские селения от сказанных районов русской народности, тем меньше замечается общих черт между этими народностями... Корельские селения планируются неправильно: дома стоят друг от друга в разных направлениях, иногда в совершенном беспорядке. Корельские деревни очень часто считают в себе только 2—6 дворов с 6-ю или 20-ю душами населения; в поселках подчас живут одиночные семейства» [15].

Несколько своеобразнее поселения коми-зырян. Они — беспорядочного плана, отличаются очень большими размерами и большим числом жителей. Соседние же русские селения малолюдны и мелки [16].

В 1926 и 1927 гг. среди финских народностей Ленинградского округа работала этнографическая экспедиция; между прочим, были проведены некоторые наблюдения над формой поселения ижоров, савакот, води [17].

В некоторых поселениях отмечена уличная планировка (дер. Логи, Глинки и др.), в других правильный порядок поселения затрудняется природными условиями (Залесье, Горки, Репино), в третьих, планировку обнаружить весьма трудно (2-е Бабино, Пумолицы, Криворучье). К статье приложен один план.

Формы поселения вепсов (южное Заонежье) нашли отражение в работе З. П. Малиновской [18]. Деревни в большинстве случаев расположены по берегам рек и озер отдельными группами. Планировка беспорядочная; по этому поводу автор приводит шуточные замечания самих жителей: «бывало, пойдешь в чужую деревню Христа славить, так по кадушкам замечаешь, в какой избе был, и в какой не был» и т. п.

Погост, а также наиболее старые постройки расположены обычно на «сельге» — возвышенности. Преобладают малодворные поселения (43% деревень состоит из числа дворов в пределе от 1 до 10).

Судя по замечаниям, которые делают мимоходом иссле-

---

[15] А. Соборнов. К истории культуры олонецкой корелы. «Олонецкий сб.», вып. I, стр. 132.

[16] См. К. А. Попов. Зыряне и зырянский край, стр. 61.

[17] См. Р. М. Габе. Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа. «Западнофинский сб.». Л., 1930, стр. 107—162.

[18] См. З. П. Малиновская. Из материалов по этнографии вепсов «Западнофинский сб.», стр. 163—200.

дователи[19] (И. В. Оленев, Д. К. Зеленин, А. М. Линевский и др.), у карелов господствует беспорядочная планировка поселений. Только в более крупных деревнях появляются намеки на планировку.

По северо-западной Карелии имеются беглые замечания Д. А. Золотарева[20] и Л. Л. Капицы[21], первого по Ухтинскому району, а второго — по Кондокскому и Вокнаволоцкому.

В Ухтинском крае селения небольшие, расположены по берегам рек и озер. «Дома поставлены в улицу вдоль берега, с банями около самой воды, или разбросаны отдельными усадьбами без особого плана»[22].

Характеристику форм поселений Карелии дал Р. М. Габе в книге «Карельское деревянное зодчество»[23].

В западной части Карелии, по соседству с финским населением, господствуют беспорядочные поселения, где по словам Габе, «лишь с трудом найдешь какую-либо закономерность в расположении построек», подобные тем, которые отмечались уже у других финноязычных народностей. Однако автор предостерегает против распространения этой формы поселения на всю Карелию. Отмечая, если не порядок, то «стремление» к нему в большинстве карельских поселений, Габе полемизирует с мнением Харузина и других дореволюционных авторов.

Затруднения, возникающие при проведении правильной планировки, объясняются, по Габе, спецификой природных условий, многочисленными озерами, реками, болотами, холмами и т. д. Впрочем, это соображение не мешает Габе через несколько страниц отметить, что русские поселения Карелии, разместившиеся в аналогичной географической среде, планированы всегда «правильно», т. е. рядами[24].

Беспорядочный план автор обнаружил в деревнях Угмойла, Проккойла, Мягрян-пеза в Самозерском районе и в

---

[19] См. И. В. Оленев. Карельский край. Гельсингфорс, 1917, стр. 58; Д. К. Зеленин. О старом быте карел Медвежегорского района Карело-Финской ССР. «Советская этнография», сб. 5, 1941; А. М. Линевский. Карелы. «Советская этнография», сб. 5, 1941.

[20] См. Д. А. Золотарев. В северо-западной Карелии. «Западнофинский сб.». Л., 1930, стр. 1—21.

[21] См. Л. Л. Капица. Материалы для этнографической характеристики Кондокского и Вокнаволоцкого района северо-западной Карелии. «Западнофинский сб.», 1930, стр. 22—35.

[22] См. Д. А. Золотарев. Ук. соч., стр. 10.

[23] См. Р. М. Габе. Карельское деревянное зодчество. М., 1941, стр. 9—21.

[24] См. Р. М. Габе. Ук. соч., стр. 17—18.

деревне Малые Сельги Олонецкого района. Тем не менее в большинстве наново выстроенных частей таких деревень наблюдается стремление к правильной планировке.

В деревнях Святозерского и Олонецкого районов Габе наблюдал другой вид планировки, когда дома расположены в несколько параллельных рядов, причем на одну улицу дома выходят фасадами, а на другую — задами (дер. Корза, Юксила Олонецкого района, Пельдожи Святозерского района, в основном по этому же принципу распланировано село Святозеро).

Третий вид планировки отличается тем, что дома на берегу обращены задами к воде, лицевыми фасадами — на улицу (Улваны, Ангел-лахта, Важинская пристань, Сюрьга, Юстозеро).

К сожалению, остается неясным, как планирован второй ряд таких деревень: фасадами в лес или на улицу. Судя по снимку 4 (стр. 12 ук. соч.), второе предположение вернее.

Для поселений северной Карелии автор приводит пример деревни Чикша, очень характерный для Ухтинского района, которая вытянута вдоль берега в два ряда. «Дома расположены по обе стороны улицы, но не непрерывными линиями, а таким образом, что сначала идет ряд домов по одну сторону, а дальше на продолжении улицы другой ряд по противоположной стороне ее. При этом дома поставлены к озеру то задами, то передними фасадами»[25]. В Подужемском и Кестеньгском районах, по данным этнологической экспедиции 1923 г., отмечаются уличные формы поселений.

Как уже говорилось, для русских деревень Карелии отмечается правильность планировки (Кондопога на берегу Кондопожской губы, Сулажгора под Петрозаводском, поселения Заонежья). Общий и основной недостаток всех конкретных описаний — в отсутствии общих приемов исследования. Это сказывается, между прочим, в неустойчивой терминологии, так как разные авторы по-разному называют одни и те же формы. Кроме того, в изучении форм северных поселений, сказывается серьезный пробел — отсутствие обобщающих специальных работ. Основываясь на перечисленных описаниях, назову существующие формы поселений. Это уличная деревня, рядовая береговая деревня в двух вариантах: однорядном и многорядном; рядовая деревня, ориентированная на юг; беспорядочная деревня с домами, ориентированными на юг.

---

[25] Р. М. Габе. Ук. соч., стр. 13.

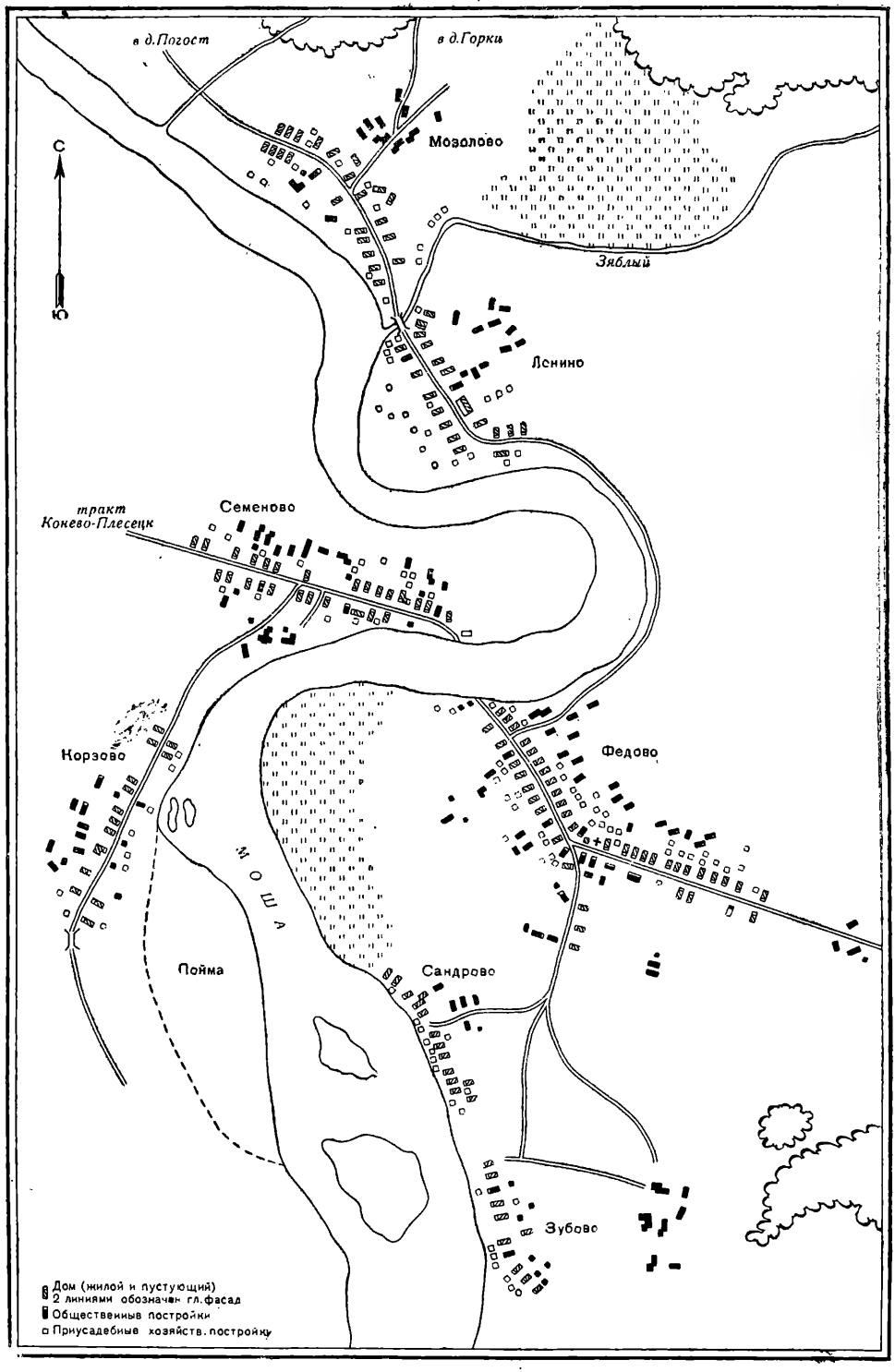

Рис. 10. Глазомерный план поселений по р. Моше. Приозерный р-н Архангельской области (1948 г.):
1 — дома; *2* — общественные, государственные и колхозные постройки; *3* — приусадебные хозяйственные постройки

Зак. 96. Стр. 152—153.

Начнем с уличной деревни, состоящей из 2-х параллельных рядов домов, причем когда фасады рядов устремлены друг на друга. Такая уличная форма поселения широко распространена в местах сравнительно густого заселения и редко — в глухих, малонаселенных краях. Она характерна для больших поселений и не характерна для мелких. Уже это указывает на ее позднее происхождение. Р. М. Габе считал возможным относить возникновение уличной планировки к большой древности лишь на том основании, что названия некоторых деревень с уличной планировкой встречаются в писцовых книгах и старых документах[26]. Утверждение это явно ошибочно. Есть много примеров того, что поселения перестраиваются, даже переносятся с места на место[27], на незначительное, конечно, расстояние, и все же сохраняют старое название. Следы перестройки можно заметить и на планах, приведенных самим автором (планы № 2, 3).

Большую древность признавал за рядовой деревней П. А. Соколовский[28].

Позднее происхождение уличной планировки подтверждается рассмотрением смешанных форм поселений, на которые, кажется, еще не обращали внимания. Часто в плане одной и той же деревни можно усмотреть разные принципы планировки, например уличной и прибрежной рядовой, когда вытянутая вдоль реки деревня состоит из двух рядов, причем на одном конце деревни оба ряда ориентированы фасадами друг на друга, т. е. на улицу, а на другом конце — смотрят окнами на реку, т. е. окна второго ряда выходят на зады первого. Такие смешанные формы встречаются часто (напр., описанное Романовым селение Кондобережное в Заонежье).

Много смешанных форм зафиксировано мной в бассейне Онеги и на Кенозере (напр., Выползово в Нименьге, Корзово в Устьмошье, Горы на Кенозере и др.).

Смешанная планировка возникала после пожара, уничтожившего часть деревни, которая и была затем перестроена по-новому. Во всех замеченных случаях прибрежная рядовая деревня перестраивалась в уличную и никогда — наоборот.

Таким образом, появление уличной деревни на Севере чаще всего можно отнести к XIX в.

---

[26] См. Р. М. Габе. Ук. соч., стр. 13.

[27] Напр., деревня Вершинино на Кенозере, описанная под тем же названием в переписной книге по Каргопольскому уезду (ЦГАДА, Писцовая книга по Каргополю, кн. 168 (7156 г.) переписная, л. 368, об.).

[28] См. П. А. Соколовский. Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877, стр. 61.

Наиболее характерной для современного Севера является прибрежная рядовая деревня, поставленная вдоль реки. В небольших деревнях это один ряд зданий, в крупных (для Севера) — два, три, четыре ряда, а изредка и больше. Второй ряд возникал часто тогда, когда дальнейшему распространению первого ряда вдоль реки мешало какое-нибудь естественное препятствие: овраг, болото и пр. Прибрежная рядовая деревня распространена вдоль судоходных и сплавных рек по всему Поморью, в русской Карелии, в том числе и в Заонежье (Романов, Габе), по Двине и Ваге (Едемский), Пинеге и Мезени (Романов). Мне приходилось снимать планы таких поселений по реке Нименьге, впадающей в Белое море, по средней Онеге и Моше.

Возникновение прибрежно-рядовой планировки Едемский связывает с эстетическим чувством населения. Это не вполне удовлетворительное объяснение. Возникновение 2-х и больше рядов лицом к реке, а не друг к другу, объясняется, прежде всего, тем, что первый ряд часто существовал уже раньше, и главное тем, что река, а не улица-дорога осознается как основной путь.

Консервативность форм поселений в отдельных областях объясняется медленностью внедрения сухопутного транспорта (по тем или иным причинам). В Нименьге, например, это объясняется тем, что телега до сих пор не господствует в качестве внутридеревенского транспорта. Для перевозки грузов, особенно сена, с приморских пожен используются лодки и сани. Причина этого — болота, окружающие Нименьгу.

По мере развития производства, с увеличением плотности населения вырубается суземь, осваивается водораздел и тележная дорога приобретает все большее и большее значение. Тогда-то и приходится перестраивать первый, ближайший к реке ряд деревни, и она получает уличную планировку, вытянутую вдоль реки (Выползово в Нименьге, Корзово в Устьмошье, Горы на Кенозере и др.) или образует 2, реже 3 параллельных ряда (Боярское в Устьмошье).

Следует сказать, что на больших судоходных и сплавных реках эта эволюция проходит медленнее, чем на малых реках, реке Нименьге или Моши: река дольше удерживает свое значение и соперничает с сухопутной дорогой.

В общем, везде такая перестройка планировки запаздывает по сравнению с развитием транспорта и экономическим прогрессом вообще; в этом сказывается консерватизм эле-

ментов материальной культуры, не связанных непосредственно с производством.

Другая форма поселения — ряд домов, обращенных лицом на юг. По-видимому, это тоже древняя форма на территории Севера; но она локально ограничена. Эта форма характерна для водоразделов и редко встречается по рекам. Мне не удалось зафиксировать ни одной такой деревни по течению Онеги и Моши и только одну — на Нименьге. Рядовая деревня, ориентированная на юг, распространена по очень малым рекам (Вонгуда) и широко представлена по побережьям озер, например, на Кенозере (Зехново, Спицино, Медвежье). Романов и Габе считают ее господствующей для многих районов Карелии.

Рядовая, ориентированная на юг деревня, как и прибрежная, образует иногда смешанные формы в тех случаях, когда погоревший конец деревни (или перестроенный по каким-либо иным соображениям) планируется уже в виде улицы (Зиновьевское в Вонгуде, Яковлевское в Ворзагорах на берегу Белого моря и некоторые другие). Интересно, что даже малодворные поселения по течениям рек планированы рядами, а не беспорядочно (в частности, Шибатово в Устьмошье, деревни, перечисляемые Романовым на Пинеге и пр.).

На Севере распространены также изредка рядовые деревни, причем ориентировка ряда или рядов зависит от направления ветра. Обычно такие селения расположены на берегах больших озер или моря (деревни в Ворзагорах).

Перейдем теперь к наименее населенным областям Поморья, расположенным поодаль от основных сухопутных, речных и озерных дорог. Самой характерной формой поселения там являются небольшие деревни беспорядочного или бесформенного плана с преобладающей ориентировкой главных фасадов домов на юг — Стешевское, Чуркина (Корбозеро), Кишкинское (Вонгуда), северная часть Ряпусова, восточная часть Зехнова, Ряпусовский погост (Кенозеро); бесформенной планировки, но без обязательной ориентации фасадов домов на солнце — Глущево, Мамоново, Суслово (все — Кенозеро). Важно, что деревень такого типа не было зафиксировано по течению рек (Онега, Моша, Вага, Веля), в районах старых торговых путей.

Селения с беспорядочной планировкой отмечены в самых разнообразных, особенно глухих, районах Севера. Казалось бы, форму эту можно считать финской, так как она господствует именно у финских народов, а распространение ее

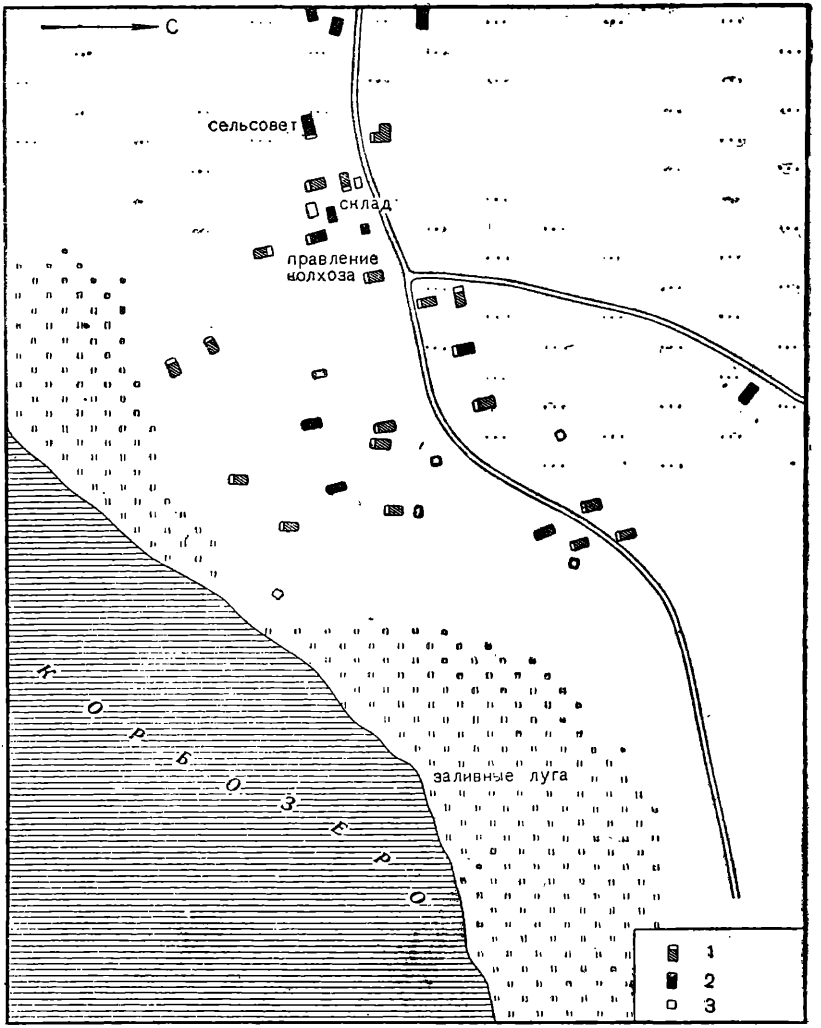

Рис. 11. Глазомерный план дер. Стешевское, Пудожского р-на (1948 г.)

1—жилые дома; *2*—общественные постройки; *3*—приусадебные хозяйственные постройки

в глухих областях русского Севера отнести за счет «чудского наследства». Но это не основной фактор. Дело не столько в этнической принадлежности, сколько в хозяйственных особенностях. Близость форм поселений у северных финноязычных народов объясняется аналогичными экономическими и географическими условиями. С приходом русских в значительной степени меняется способ производства, который оказывает определяющее влияние на все особенности материальной культуры, в частности на форму поселений.

Поселения беспорядочной планировки также образуют иногда переходные формы, когда одна часть деревни планирована беспорядочно, а другая, перестроенная, — уже образует ряд (например, Зехново на Кенозере; деревни, отмечаемые Габе в Карелии, и т. д.).

Бывают случаи и непосредственной перестройки бесформенной деревни в уличную (Ряпусово на Кенозере, Чуркино на Корбозере). По-видимому, это происходит чаще в отсталых районах, где рядовые типы не получили развития [29].

Перечисленные наблюдения (распространение беспорядочной деревни в глухих местах, связь ее с малой величиной поселений, наблюдения над переходными смешанными формами) позволяют предположить, что беспорядочная деревня является наиболее древней формой поселения в Поморье [30].

Отсутствие правильной планировки можно связать с первоначальным свободным захватным землевладением семейных, дворовых общин, с распыленным однодворным и малодворным характером расселения, а частично, может быть, и с этнической традицией, восходящей к аборигенам Поморья (имею при этом в виду преобладание беспорядочной планировки среди народов финно-угорской семьи и в последние столетия).

С другой стороны, по течению больших рек рядовая при-

[29] На материале поселений бассейна Онеги удалось подметить любопытную закономерность — связь между формами поселений и соотношением хозяйственных (отдельно стоящих) и жилых построек, возв. до 20-х годов. По пяти произвольно взятым уличным деревням количество хозяйственных построек по отношению к количеству жилых домов составляет в среднем около 80%, по четырем рядовым, ориентированным на юг, около 40%; по четырем рядовым прибрежным — около 40% и, наконец, по четырем бесформенным — около 30%. Разумеется корреляция здесь не непосредственная; однако процент хозяйственных построек в уличных деревнях свидетельствует о более высоком экономическом уровне этих поселений в конце XIX — начале XX в.

[30] За древность поселений «без плана» у карелов уже высказывался А. М. Линевский. См. «Советская этнография», 1941, № 5.

брежная планировка также могла возникать уже при самой колонизации русскими поморских земель. Новгородцы двигались по рекам, долго еще остававшимся основными дорогами, экономическим нервом края: естественно, поэтому, что окна их смотрят на эту единственную возможную дорогу. К тому же новгородцы двигались ватагами «другов», селившихся вместе. Это придавало коллективный, рядовой характер русским поселениям в более населенных транзитных местах[31].

* *
*

В целом при анализе смены форм поселений в Заонежье и на русском Севере вообще роль этнической традиции бесспорно должна учитываться. Однако, во-первых, речь здесь может идти лишь о культурных явлениях последних столетий (так как говорить о планировке однодворных и двудворных поселений XV — пол. XVI в., очевидно, не приходится) и, следовательно, этноопределяющая ценность подобных культурных зон сравнительно невелика и, во-вторых, все эти различия в планировке значительно легче и логичнее объясняются особенностями в хозяйстве и, в частности, в степени развития и характере путей сообщения.

---

[31] Просмотренные мной документы XVI—XVII вв. не дают прочных оснований для подтверждения высказанных соображений; все же в некоторых актах можно усмотреть намеки на беспорядочность плана, а в других — на рядовую застройку. Так, один складник жалуется на другого, что тот отнимает у него «старого печища подворные земли и ворот поставить и выступу из двора и на двор не дает» (М. Островская. Ук. соч., стр. 129; Приказные дела 1629 г. № 18). В другом документе крестьянин продает двор, добавляя, между прочим, в купчей, что «двор стоит меж Кононовским двором и Ермолою Машатиным» (Материалы, № 189, стр. 262).

Глава VII

ТИПЫ РАССЕЛЕНИЯ

Перейдем к последнему аспекту изучения поселений Заонежья — их группировке.

Исследовательница русского Севера М. А. Островская писала по этому поводу: «Хуторское расселение надо признать типичным для древнейшей истории русского севера, что признал и сторонник военно-артельной колонизации Павлов-Сильванский»[1]. «Хуторское» расселение отмечают и другие авторы. И все же это ошибочное определение.

Прежде всего, деревни, в том числе и однодворные, редко стоят в одиночку, а обычно по соседству с ними расположено еще несколько таких же деревень. Все вместе они образуют группу, гнездо. Независимо от таких групп бывают расположены отдельные починки — новые поселения, возникшие на незанятой черной земле, еще не положенной в обжи. Обратимся к картам XV—XVII вв., составленным по Шунгскому погосту, а также к картам Генерального межевания.

Гнезда селений были разной величины; бывали группы всего в две-три однодворные деревни, отделенные от остальных селений на десятки верст (напр., деревни по Верхнему озеру в Шунгском погосте, на Вигнаволоке), бывают группы с большим количеством деревень — чаще всего в местах сравнительно старого обитания. Расширяясь во все сторо-

[1] М. А. Островская. Земельный быт сельского населения русского севера в XVI—XVIII вв. СПб., 1913, стр. 122.

ны, такие гнезда срастаются друг с другом и образуют составные гнезда поселений. Результатом такого увеличения гнезд бывает иногда обрастание деревнями погоста-места и превращение последнего в центр крупного для Севера поселения, о чем уже говорилось выше. Примером такого сросшегося гнезда могут служить деревни, окружающие со всех сторон Вытегорский погост в XVI—XVII вв.

Эти гнезда поселений носят обычно общее собирательное название. Можно предположить, что все без исключения гнезда носили общее название, но составители книг не интересовались этим, а, наоборот, старались зафиксировать название каждой отдельной деревни, так как деревня, а не группа деревень, обкладывалась налогом и составляла хозяйственную единицу.

Интересно, что названия гнезд большей частью нерусского происхождения и, следовательно, древнее названий каждой отдельной деревни. Также чрезвычайно важно, что собирательные названия гнезд поселений имеют часто патронимические окончания на «ичи», «цы» или «не».

Перечислю некоторые гнезда поселений Шунгского погоста по составленным картам. На крайнем юге — группа из 2—3-х деревень на Верхнем озере. В южном конце длинного Путкоозера обособленное положение занимает гнездо Фоймогуба. В средней части Путкоозера, по восточному берегу, расположены два гнезда: Онежане и Паницы, которые обнаруживают тенденцию срастись, так как расположены неподалеку. Вокруг Хашозера находится еще гнездо деревень, на Малом озерке — так же. В верховьях Кевтеньгубы — небольшое гнездо, которое иногда называется Кевтеничами. На берегу Святой губы — гнездо Юрьевичи (или Верговичи по древнейшей книге) и т. д.

Гнезда поселений занимают одну местность и, если они не слишком разрослись, выделяются очень четко. В центральной части погоста, вокруг самого погоста-места, поселения срослись настолько, что отдельных гнезд не видно.

Гнездовой тип расселения заметен и по картам Генерального межевания XVIII столетия на территориях других погостов. Срастаясь, мелкие гнезда образуют густозаселенные места обычно вокруг погостов-мест. В окраинных частях погоста гнезда распознаются легко.

Распространение гнездового типа расселения в соседних с западной Карелией областях обнаруживают планы поселений, снятые шведами в XVII в. и хранившиеся в Стокгольмском архиве. Несколько таких планов опубликовано

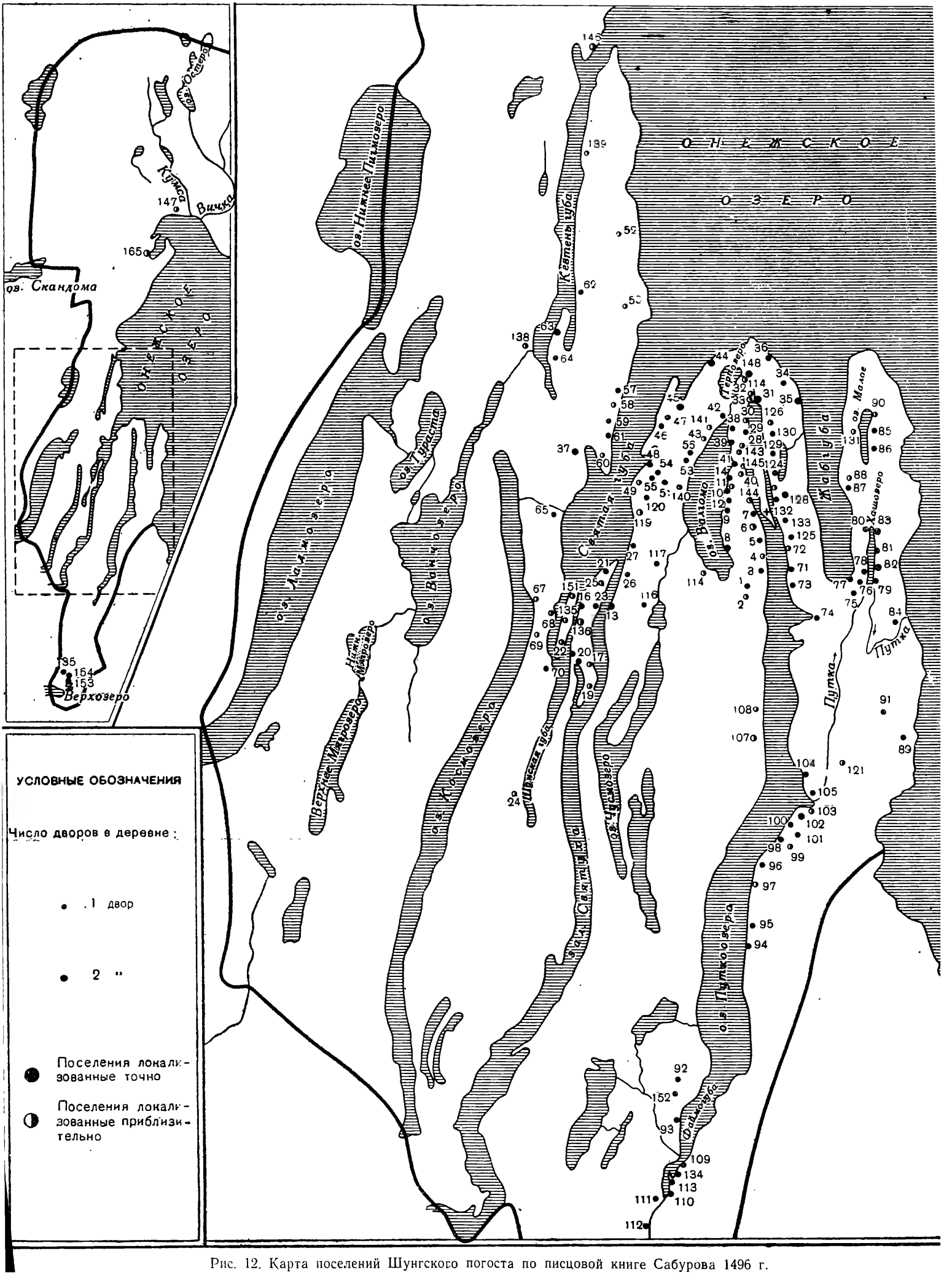

Рис. 12. Карта поселений Шунгского погоста по писцовой книге Сабурова 1496 г.

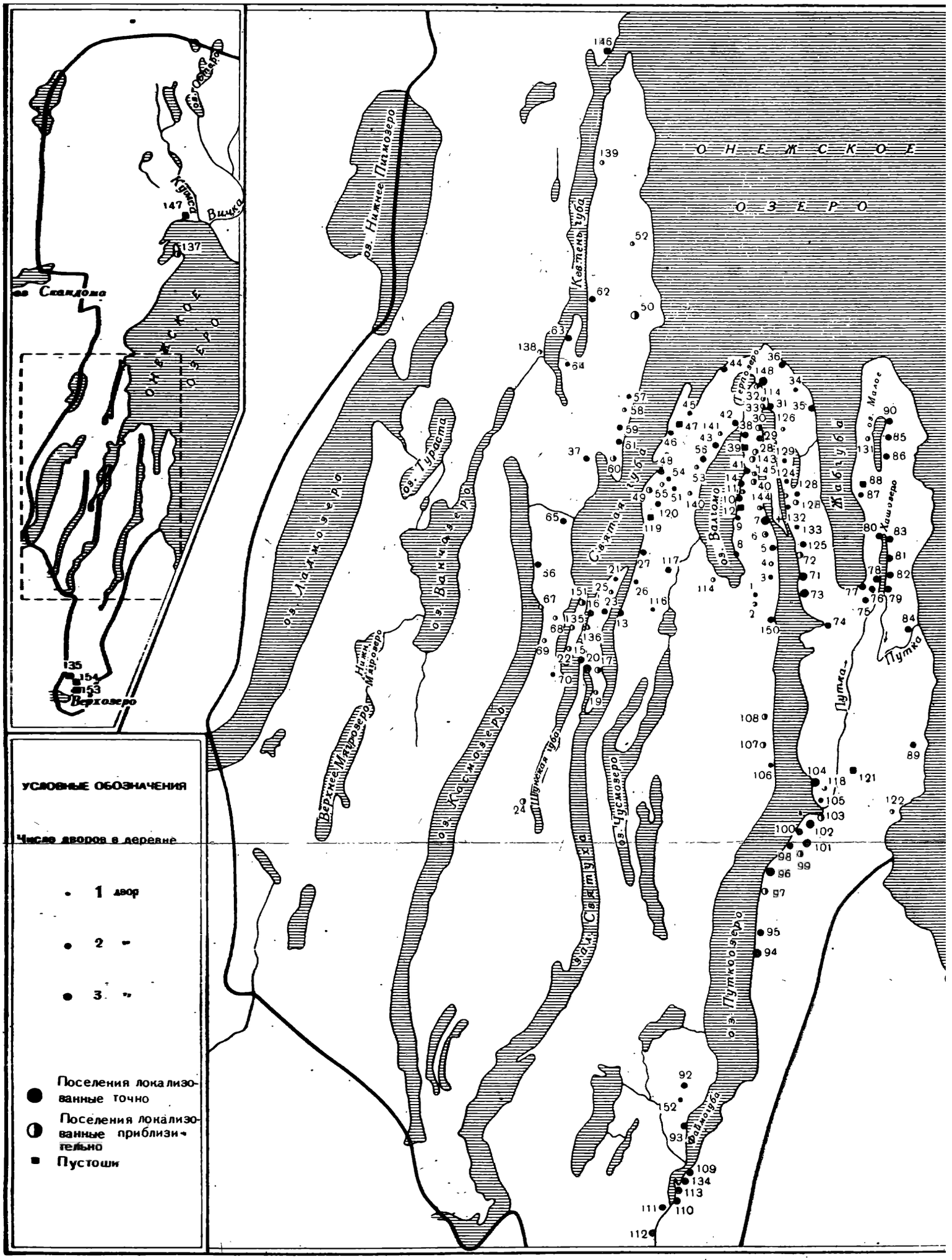

Рис. 13. Карта поселений Шунгского погоста по писцовой книге Лихачева 1563 г.

в приложении к недавно вышедшей статье о финских поселениях Г. Никандера[2]. Автор отмечает распространение в Карелии и Саволаксе типа расселения, при котором дома стоят на некотором отдалении друг от друга, окруженные полями. Тип этот автор считает «восточноевропейским» по происхождению. Приложенные планы изображают однодворные деревни, расположенные небольшими гнездами[3]. Описанный тип расселения, по Никандеру, распространен в восточной Финляндии.

Гнездовой тип расселения в Поморье отмечается и в настоящее время, судя по сообщениям этнографов и краеведов.

В уже упоминавшейся работе[4] М. Б. Едемский касается поселений Пинежского края. Термин «деревня» употребляется в этом районе в отношении иногда отдельного поселка, иногда целой группы поселков, так называемых околотков[5], каждый околоток имеет особое название и иногда является большим поселением. Автор приводит примеры больших деревень: дер. Кулогоры состоит из семи околотков-деревень, деревни Цимола и Вонга состоят из десятка деревень каждая.

Едемский отмечает, что названия околотков грамматически (по роду) согласованы со словом деревня, а не околоток; так, например, в деревне Кулогорах имеются околотки: Соколова, Шаньгина, Шаньгина гора, Клишевская и т. д.

По описанию К. К. Романова[6], поселения на Пинеге и Мезени расположены группами, которые находятся на большом расстоянии друг от друга (до 30—40 верст).

Описание своеобразной группировки поселений я привожу полностью. Оно не совсем совпадает с уже приводившимся описанием Едемского, которое относится примерно к тому же району, но основная особенность — «гнездовость» — расселения зафиксирована вполне определенно: «...район то состоит из нескольких групп, объединяющих несколько деревень, или «околов» вместе, то состоит всего из одной группы (Нюхча). Группы, объединяющие собой околы,

---

[2] См. Gabriel Nikander. Kulturskeden och bebyggelsefomelr i Finland. En etnografisk oversikt. Folk-liv. Acta ethnologica et folkloristica Europae 1950—1951, tt. XIV—XV. Stockholm, 1951.

[3] См. там же, стр. 126.

[4] См. М. Б. Едемский. Этнологические наблюдения в Пинежском крае, Архангельской губ., в 1921 г. «Север». Вологда, 1923, № 3—4, стр. 197—214.

[5] См. там же, стр. 203.

[6] См. К. К. Романов. Жилище в районе реки Пинеги. «Искусство Севера», т. II. Л., 1928, стр. 9—10.

иногда стоят очень близко одна к другой, но все же имеют свое собирательное название. Например, в районе Карпогорской волости Ваймуши отстоят всего на $2^1/_2$—3 версты от Карпогорья к югу, а Шотова гора — на три версты к северу, но и Ваймуши и Шотова гора состоят из нескольких «околов». Каждый «окол» или «околок» носит отдельное название; так, Ваймуши состоят из Нижнего конца, Ростова, Пестова и Верхнего конца, Карпова гора — из Кобылина, Новинчины, Заполина, Кондратьицы и Верноконы. Околы то стоят вплотную друг к другу (как в Ваймушах, Карповой горе), то в виде отдельной деревеньки, причем иногда околы одной группы разбросаны вдоль реки или дороги даже на протяжении верст 3-х, то на расстоянии не меньшем, чем группы селений в другом месте (Ваймуши и Карпогорье). Так, к Шотовой горе околы Борова, Едома, Вохорянка, Перелог, Нова, Подгорье, Мезенцово и Заручье стоят тесно вместе, а Крапивница и Носовка — отдельно. В Марьиной горе все околы разбросаны вдоль реки, параллельно которой идет и дорога. В Покшеньге околы расположены даже по двум берегам реки Покшеньги, протекающей по большому оврагу. В объединении нескольких околов в одно собирательное название виден обычный северный тип селения и его определения. Этот общий северный признак деления селений на околы подвержен, однако, значительным внутренним отличиям».

Интересно очень беглое замечание А. Соборнова по поводу группового расположения деревень в Карелии: «Если несколько корельских селений группируются вместе и если они идут в одну линию, то ряд деревень этих носит одно общее название, а каждая конечная деревня отдельно имеет название «конец» — южный или северный»[7].

Эта же особенность описана С. Приклонским[8] в местности, расположенной неподалеку от Выгозера. Автор рассказывает, как, выехав из небольшой деревни Шелтопорог, он через одну-две версты натолкнулся на маленькую деревушку, насчитывавшую 2—3 двора. Оказалось, что деревня носит то же название — Шелтопорог. Еще через 3 версты автор попал в деревню, на этот раз однодворную. И она носила то же название. Название Шелтопорог оказалось общим для

---

[7] А. Соборнов. К истории культуры олонецкой карелы. «Олонецкий сб.», вып. I. Петрозаводск, 1875—1876, стр. 133.

[8] См. С. А. Приклонский. Народная жизнь на Севере. М., 1884, стр. 91—93.

всех трех деревенек. Тот же автор рассказывает, что местность Ошта в его время (70—80-е годы XIX в.) состояла из нескольких десятков небольших поселений, удаленных друг от друга. Каждое поселение имело свое официальное название и считалось деревней. Однако сами местные жители считали их одним поселением — Оштой. Точно так же местность Виницы, состоявшая из нескольких десятков мелких поселков, которые были расположены вдоль течения реки Ояти на 3 версты, осознавались жителями, как одно поселение[9]. Отдельные названия для каждой деревни, по словам крестьян, придумали чиновники для своих надобностей.

В западной Карелии тип расселения похож на только что описанный. В Ухтинском районе отмечается редкое население, к западу от Вокнаволока — сравнительно густое. Мелкие деревни-хутора разбросаны на 0,5 км и более друг от друга. Впрочем, иногда встречаются и отдельно стоящие хутора[10]. Такой же характер имеют поселения, расположенные к западу от Кондоки[11].

А. Ефименко оставила несколько замечаний относительно расселения в восточном Поморье. Пустозерск, например, отмечавшийся на картах как одно поселение, представлял собой, по Ефименко, 17 маленьких деревень, раскинутых на целой сотне верст[12]. Сплошные ряды изб образуются лишь, когда «лес совсем припер население к берегу реки, или по берегу моря. Но и там деление на околодки, на концы с особыми названиями отчетливо показывает, что это село образовалось из слияния отдельных деревень, сохранивших еще воспоминание своей особености»[13].

Может быть, самое интересное обстоятельство заключается в том, что гнездовой тип расселения в прошлом был распространен шире, чем в настоящее время, и выходил за пределы Поморья. Готье отмечает гнезда в Замосковском крае XVII в. «В Ржевском уезде был, по-видимому, распространен тип селений, разбросанных по частям, но составлявших почему-то одно целое и сохранивших связь между отдельными своими частями: деревня «стоит на двое», сельцо старое «стоит на семеро», иначе имеет 7 выставок или высел-

[9] См. С. А. Приклонский. Народная жизнь на Севере, стр. 93.

[10] См. Л. Л. Капица. Материалы для этнографической характеристики Кондокского и Вокнаволоцкого районов северо-западной Карелии. «Западнофинский сб.». Л., 1930, стр. 22.

[11] См. там же, стр. 23.

[12] См. А. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. I, М., 1884, стр. 203.

[13] Там же.

ков...»[14]. Суммируя все приведенные данные, заключаю, что в Поморье как в XVI—XVII вв., так и позднее господствует специфический тип расселений, при котором селения располагаются не в одиночку, а гнездами.

Для объяснения сущности гнездового типа расселения вернусь к поселениям XVI—XVII столетий. Мной уже было отмечено, что группы деревень иногда имели собирательные названия, часто патрономические. Такие названия местностей, судя по писцовым книгам и актам, широко распространены в Обонежской пятине, а также и в других новгородских пятинах. Перечисляю некоторые из встречающихся в документах названий: Любиницы[15], Ковкиничи[16], Шеменичи, иначе Шаменичи (в Пиркинском погосте)[17], Люговичи[18], Гербеничи[19], Койкиницы[20], Герчиницы[21], Раховичи, или Рахковичи[22], Шеменичи[23] в Важенском погосте, Тененичи[24], Вабиничи, иначе Варбиничи[25], Гумборицы, Гамгарицы, или Гумбарицы[26], Иульевичи[27], Каковичи[28], Гоморовичи[29] Мустеницы[30], Кондуши[31] и т. д.

Я не поручусь, что в этом перечне некоторые названия не повторяются (например, Гербеничи и Герчиницы) и, наоборот, что не объединены разные названия (Гумборицы и Гамгарицы). Местность Шеменичи по одним документам находится в Пиркинском погосте, по другим — в Важенском. Поскольку эти погосты граничат друг с другом, очевидно, имеется в виду одна и та же местность: либо погостская граница рассекла более древнее объединение, либо, что более вероятно, центральные власти путались, куда отнести эту местность. Но в данном случае дело не в этом.

---

[14] Ю. В. Готье. Замосковный край в XVII в., стр. 129—130.
[15] Материалы, № 144, стр. 226.
[16] Материалы, № 147, стр. 227.
[17] Материалы, № 150, стр. 229; № 161, стр. 236; № 178, стр. 251.
[18] Материалы, № 215, стр. 278; № 221, стр. 282; № 154, стр. 231.
[19] Материалы, № 154, стр. 231.
[20] Материалы, № 88, стр. 195.
[21] Материалы, № 161, стр. 236.
[22] Материалы № 174, стр. 246; № 171 стр. 244.
[23] Материалы, № 166, стр. 241; № 171, стр. 244; № 218, стр. 280.
[24] Материалы, № 172, стр. 245; № 277, стр. 347—349; № 281, стр. 351—352.
[25] Материалы, № 277, стр. 347—349; № 289, стр. 360—361.
[26] Материалы, № 285, стр. 357; № 144, стр. 226; № 172, стр. 245.
[27] Материалы, № 297 и 298, стр. 380—381.
[28] Материалы, № 140, стр. 224; № 218, стр. 279.
[29] Материалы, № 218, стр. 280.
[30] Материалы, № 228, стр. 289.
[31] Материалы, № 176, стр. 249.

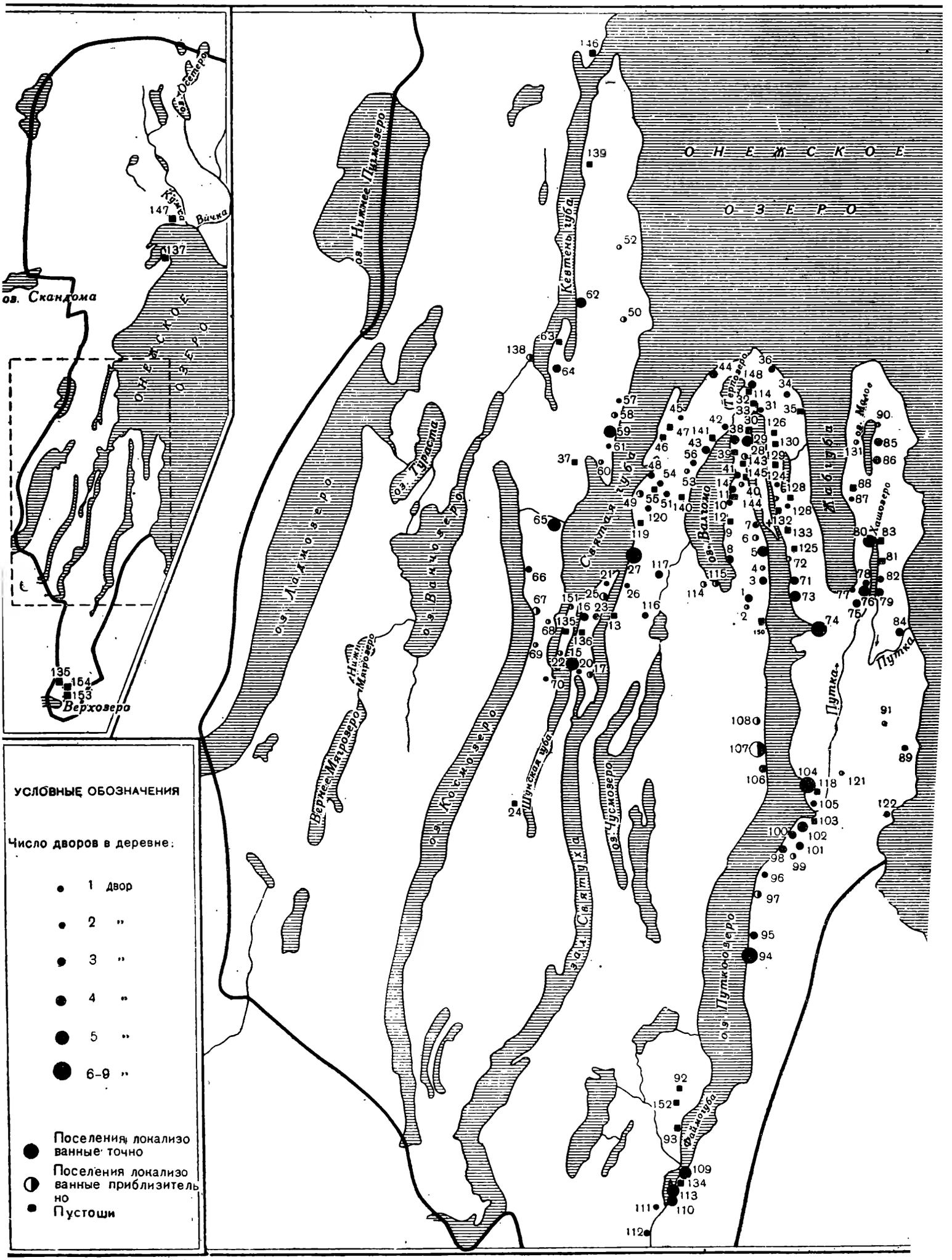

Рис. 14. Карта поселений по писцовой книге Плещеева 1583 г.

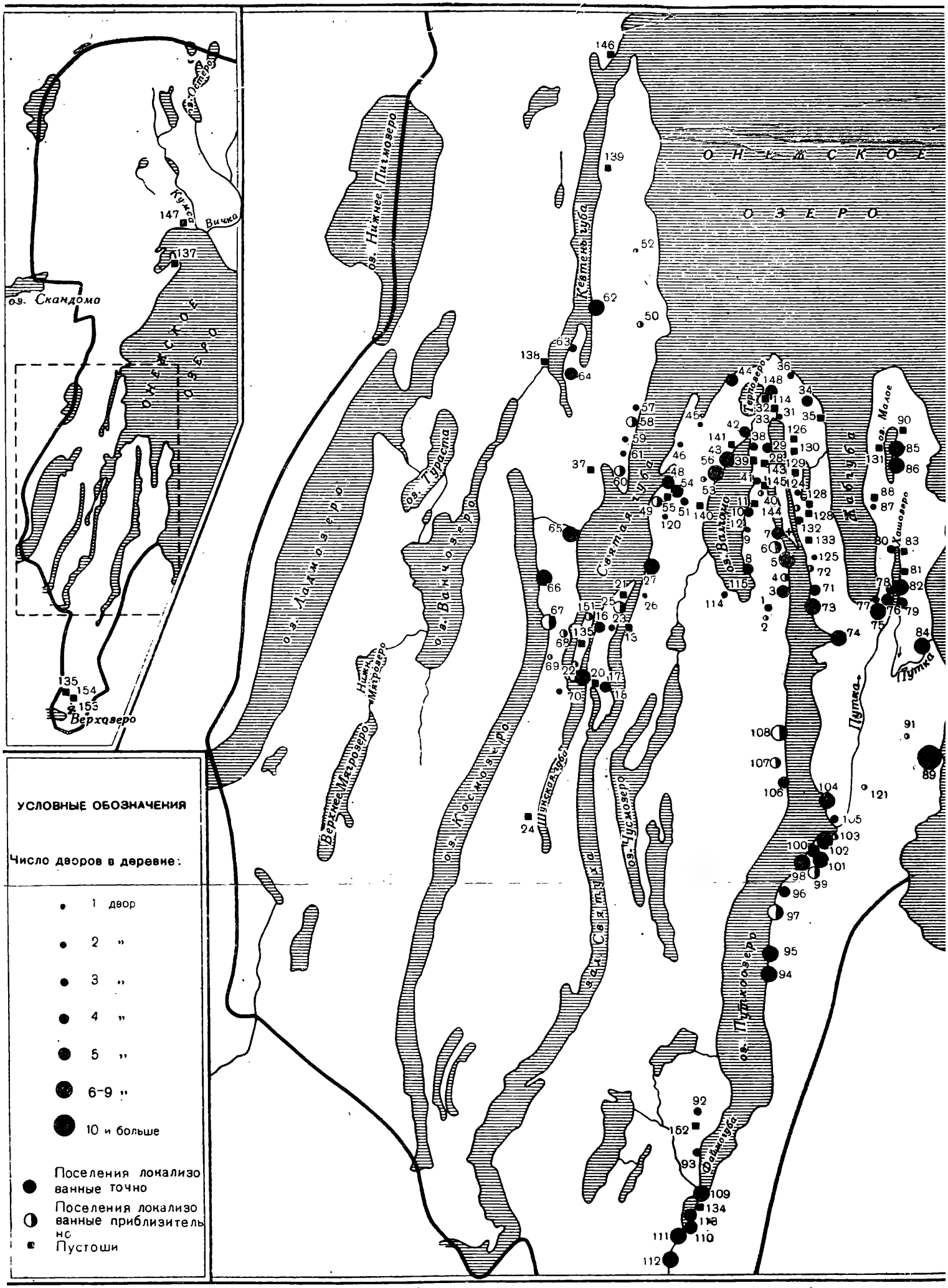

Рис. 15. Карта поселений Шунгского погоста по дозорной книге Лыкова 1620 г.

Характерно, что деревни обычно имеют русские названия, а группы деревень в целом — финские. Например, в Гоморовичах были деревни Даниловская, Сидоровская, Савинская, Кузминская и т. п. В некоторых случаях первоначальное финское название со временем превращается в русское, когда население уже ассимилировалось. Например, название местности Юрьевичи (которая состояла из 2—3 деревень) в Шунгском погосте на северо-восточном побережье Святой губы восходит к названию Верговичи в конце XV столетия (см. № 45, 46, 47 на картах Шунгского погоста).

Обычно в местности с собирательным названием несколько или даже много деревень; местность Варбиничи названа «волóсткой», даже некоторые названия погостов имеют указанные окончания (погосты в Ярославичах, в Веницах, Годевичах, Пиркиничах и т. д.).

Само распространение гнезд поселений, часть которых к тому же имеет патронимические окончания, наводит на мысль о том, что гнезда эти являются поселениями каких-то родственных коллективов. Но каких? Это не могли быть семейные общины, так как семейные общины, как уже было показано, населяли отдельные дворы, т. е. один, реже два дома. Кроме того, трудно допустить, чтобы население гнезд, разбросанное порой на десятки верст, могло вести общее хозяйство. Трудно предположить также, чтобы гнездо было поселением соседской общины, так как для этого (по крайней мере нанесенные на карту гнезда Шунгского погоста) слишком малы. Вероятнее всего предположить, поэтому, что гнезда населяли родственные группы, выделенные М. О. Косвеном под названием патронимий [32].

М. О. Косвен определяет патронимию как «группу семей (больших или малых), происшедших от сегментации или разделения одной большой семьи, сохраняющую хозяйственное, общественное и идеологическое единство» [33].

Патронимия представляет собой общественную форму, свойственную патриархату, нередко сохраняющуюся в качестве пережитка в классовом обществе [34]. Оговорюсь, что сам

[32] См. М. О. Косвен. Семейная община. К истории вопроса. «Изв. АН СССР», сер. истор. и филос., т. III, 1946, № 4; его же: Семейная община. Опыт исторической характеристики. «Советская этнография», 1948, № 3; его же: Патронимия у древних германцев. «Изв. АН СССР», сер. истор. и филос. т. VI, 1949, № 4; его же: Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище. «Советская этнография», 1950, № 2.

[33] М. О. Косвен. Патронимия и ее место в структуре рода (тезисы доклада). Изд. Ин-та этногр. АН СССР, 1950.

[34] См. там же.

М. О. Косвен, изучая социальный строй русского Севера, увидел патронимию в долевой деревне, ошибочно считая древнейшую северную деревню многодворной [35].

Рассмотрим население одного из гнезд на карте Шунгского погоста. Гнездо это представляет собой группу деревень в восточной части погоста вокруг Хашозера. Собственно, это не одно, а даже два близко расположенных друг от друга гнезда поселений. Одно из них расположено по берегам Хашозера, другое — по берегам Малого озера. На полпути между озерами имеются еще 2 деревни.

Напомню еще раз, что фамилии в это время отсутствуют, так что только отчества и изредка прозвища могут служить для выявления родства.

Под № 79 на карте, относящейся к 1496 г. [36], помещена «деревня на Хаш озерке». В ней живут в одном дворе Олиско, Микифорик, Игнашко и Сенко. В деревне «на бору» (№ 90) находим Ермолку Олисиева с сыном и «суседом». Учитывая малую распространенность имени Олиско, можно заключить, что вторая деревня отпочковалась от первой, когда сын Олиски (вероятно, один из сыновей) образовал собственное хозяйство и поселился отдельно.

В другой деревне на Хашозере (№ 83) живут, по письму Сабурова, Труфаник да зять его Лучка. Спустя 67 лет по писцовой книге Лихачева в этой деревне живут Павелко Гридин да Олекса Лукин. Кроме того, в ближайшей соседней деревне (№ 80) писцом отмечены Клиш Нестеров да Мишук Лукин. Еще один Лукин живет, по книге Лихачева, в деревне на Хашозере (№ 81), а вместе с ним Васюк Трифонов, может быть сын уже упоминавшегося Труфаника.

Кроме Клиша Нестерова (в дер. № 80), в соседней деревне (№ 79) живет при Лихачеве Павелко Нестеров. При Плещееве описаны, очевидно, дети этих Нестеровых — Ляпун Нестеров, Гришка Нестеров в деревне (№ 79) и Климентий Нестеров в деревне (№ 80). Имена основателя фамилии Нестеровых и его сына Павелка сохраняются в названиях деревень вплоть до конца исследуемого периода, а судя по картам Генерального межевания, и еще позднее.

---

[35] См. М. О. Косвен. Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище, стр. 75.

[36] Я указываю здесь, как и в дальнейшем, общие порядковые номера по карте (а не по соответствующей писцовой книге). В таблицах (приложение 2) эти порядковые номера имеются в крайней левой колонке.

Судя по именам и отчествам в писцовой Сабурова, можно заключить также о родственном населении в деревнях (№ 81 и 82); от одного из жителей деревни (№ 81) (Ивашки) происходит, по-видимому, и Сергийко Иванов, упоминаемый в той же деревне спустя 67 лет Лихачевым.

Основываясь на приведенных фактах, можно заключить о том, что гнезда поселений во время составления первых писцовых книг были населены родственниками. Но из рассмотрения жителей гнезд по первым писцовым книгам еще не выясняется с очевидностью происхождение этих родственных гнезд. Не ограничиваясь писцовыми книгами, привлечем теперь один из ранних документов — относящуюся к XV в. данную жителей Шунгского погоста Вяжицкому монастырю[37]. Из текста видно, что землею владеют все шунжане — жители Шунгского погоста, которые представляют главы каких-то родственных групп. Группы разные: одни лица упомянуты «з детми и племянем», другие — «з братьею», «з братом», «з детми». Не означают ли эти различия в терминологии, что в акте участвовали наряду с главами сравнительно немногочисленных больших семей главы патронимий, так как с ближайшими родственниками упомянуты более отдаленные? Для расшифровки понятия «племени» сопоставим этот документ с более поздними. Вкратце я уже упомянул о практике родового выкупа. Один из крестьян, продающий Соловецкому монастырю двор, мельницу и землю, приписывает в конце купчей[38]: «А до той моей продажи сыну моему Иеву и племянником моим Григорью, Ивану и брату моему Михайлу Жаркому и и н о м у роду моему и племяни (разрядка моя. — *М. В.*) дела нет ни в чем». Совершенно очевидно, что под родом-племенем понимаются не только самые близкие родственники, так как последние оговорены особо, в первую очередь. Можно предполагать, что продавец перечислил поименно лишь родственников мужского пола, с которыми он вместе жил и вел хозяйство. Были еще и «иные», очевидно жители соседних однодворных деревень —

[37] XV в. «Се даша шунжане землю святому Николе Петре Адкине з детми и с племенем. Тоивод Идуеве з детми и с племянем, Якове Орине з детми и племенем Оншута Иванове з братом, Волосе Петрове з братьею, Иване Кондратове з братьею, Иване Таине з братьею, Василеи Тимошкине з детми и Кирка з детми и все шунжане даша землю святому Николе Аиндиево сединье на Шунги, где Кивал Тоивод ратслал, а в Толвуи Гавшино седенье, и Мустуево седенье, Харлово седенье и Цыбуруевь наволок. А лишая земля делать ис тех сел по старине и пожни косить и рыбу ловить по старине» и т. д. (Материалы, № 44, стр. 120).

[38] «Карелия», № 11, стр. 25—26 (1612 г.).

более отдаленные родственники, которые тоже обладали какими-то традиционными правами на наследование имущества своего сородича, на выкуп «родовой» земли и пр. Они-то и названы родом-племенем.

Такое понимание термина подтверждается документом совершенно иного порядка. В жалованной грамоте 1577 г. новгородского архиепископа Александра причту Успенской Сямозерской церкви, между прочим, говорится: «А кого тот поп венчает в роду и в племяни и в кумовстве и в сватовстве или иное на него каково будет дело духовное...» и т. д.[39]. Точно такого же рода фразы имеются в жалованных грамотах новгородского митрополита Варлаама прихожанам Водлозерской церкви[40], Соловецкому монастырю[41], Толвуйской приходской церкви и выставочным церквам[42] (все грамоты 1592 г.).

Ясно, что речь идет не о самых ближайших родственниках. Замечу попутно, что самый факт необходимости подобного предупреждения говорит о распадном состоянии родственных патронимических групп.

Четко противопоставлены близкие родственники и более отдаленные в одной купчей 1589 г.[43], где говорится: «А нет до тое чети лука дела ни моему роду ни племени, ни жене ни детем». Точно такой же оборот встречается и в других актах[44]. Иногда он несколько видоизменяется в зависимости от конкретных условий, т. е. смотря по тому, кто из родственников может выступить претендентом на выкуп родовой земли. Так, закладывая пожню в Ялгубе, Родион, житель Вершева наволока, счел необходимым особо оговорить возможные претензии со стороны своего дяди, приписав: «мне Родиону по сроце до той пожни дела нет, ни брату моему, ни дяде моему, ни роду моему ни племяни»[45]. Иногда говорили вообще о всем «роде-племени», не выделяя близких родственников[46].

Наконец, еще одним доказательством того, что родом-племянем называли не только ту родню, с которой жили в одном дворе и вели хозяйство, служит складная запись

---

[39] Материалы, № 179, стр. 252.
[40] Материалы, № 263, стр. 332.
[41] Материалы, № 264, стр. 333.
[42] Материалы, № 267, стр. 336.
[43] Материалы, № 251, стр. 305.
[44] Материалы, № 252, стр. 305.
[45] «Карелия», № 19, стр. 34.
[46] «Карелия», № 12, стр. 27.

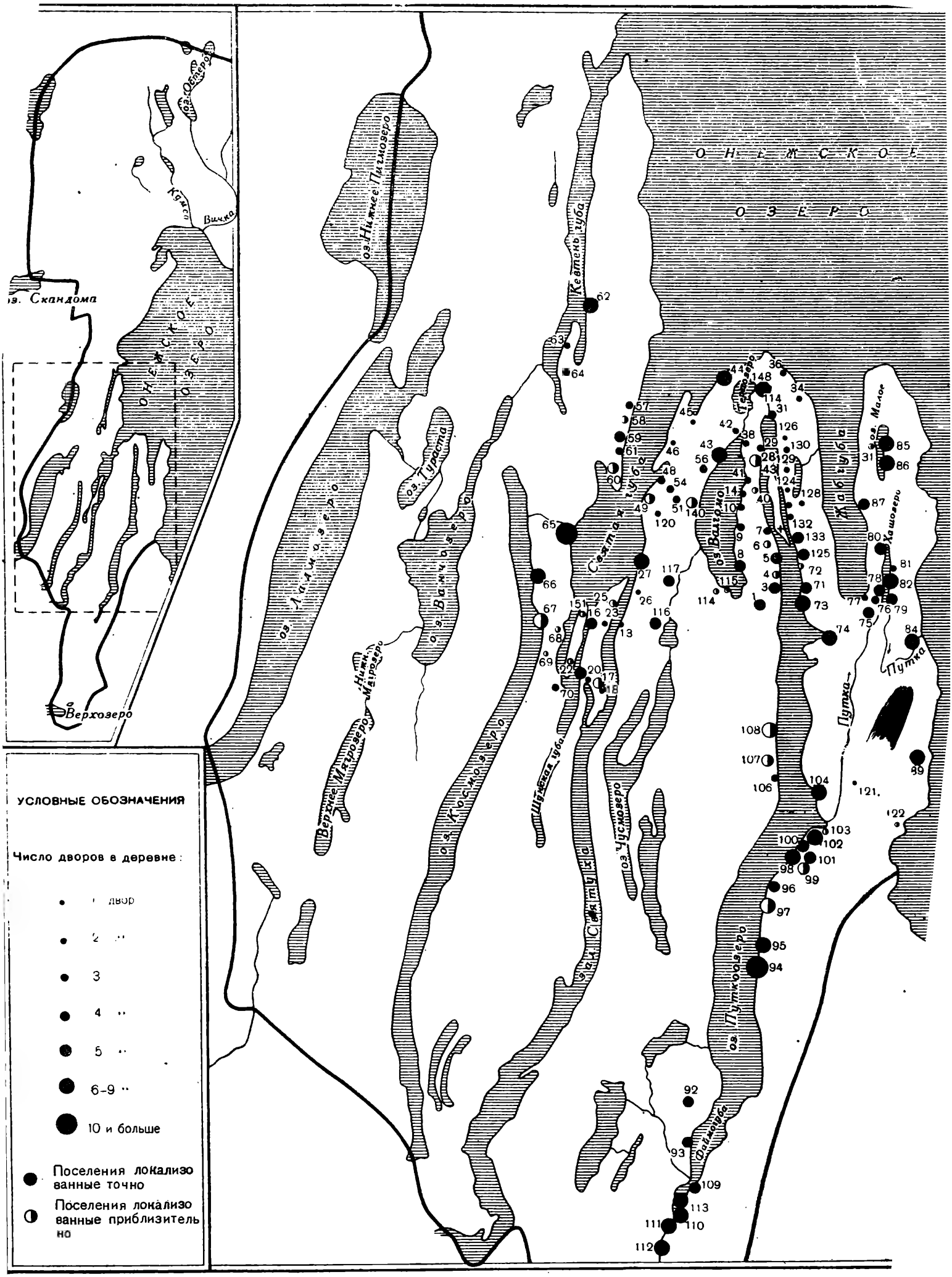

Рис. 17. Карта поселений Шунгского погоста по переписной книге Писемского 1647 г.

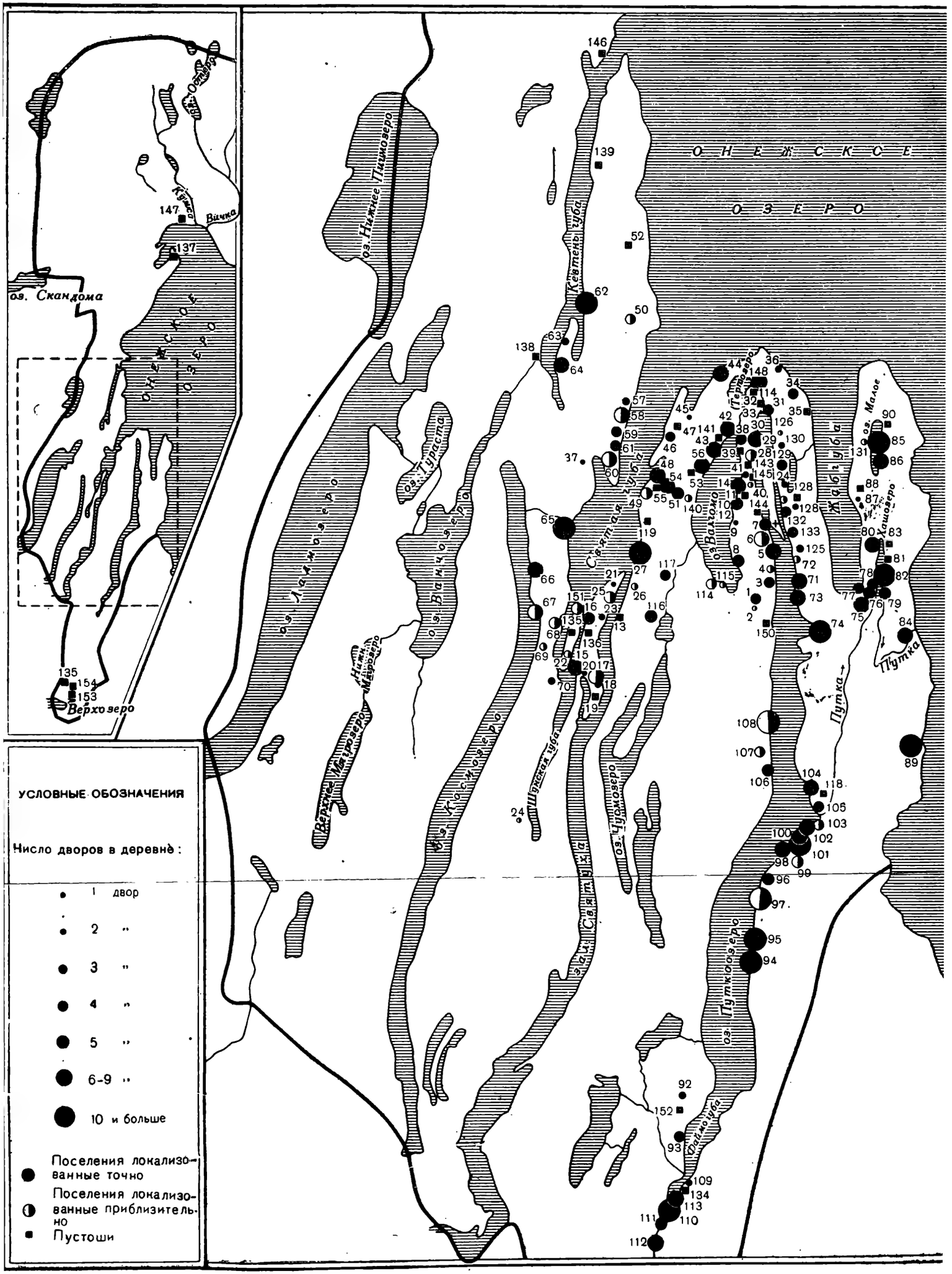

Рис. 16. Карта поселений Шунгского погоста по писцовой книге Панина 1628 г.

1656 г.[47]. Тесть, принимая в дом зятя, договаривается с ним, что в случае смерти одного из них их «животы», т. е. имущество, наследует оставшийся в живых, а «ни роду... ни племяни со стороны (разрядка моя.— *М. В.*) дела нет». Этот поздний документ показывает, кроме прочего, как складничество разрушает патронимические отношения.

Приводившаяся данная шунжан датируется XV в., т. е. тем временем, когда не было еще писцовых книг. Тем не менее можно попытаться сопоставить имена жертвователей-шунжан с названиями населенных мест и с именами жителей по древнейшей писцовой книге и проследить их по составленной карте этого времени (1496 г.).

Для большинства имен, перечисленных в данной шунжан, удается найти соответствующие названия деревень или имена жителей и затем «поместить» перечисленных шунжан на карту. Конечно, на бесспорной точности такого сопоставления трудно настаивать.

Якову Орине соответствует деревня Оринская (№ 14), Волосу Петрову — деревня Волосово (№ 43), Василию Тимошкину — деревня Тимохово (№ 38), Тоиводу Идуеву — деревня Идино (№ 28), Ивану Таину — деревня Таинская (№ 99), Ивану Кондратову — деревня Кондратовская (№ 41) и, наконец, Кирке — жители Киркины, населяющие соседние деревни (№ 100, 101, 104).

За исключением последних деревень, а также деревни Таинской, все поселения расположены в центральной части погоста, где, как говорилось, они стоят тесно друг к другу и выделить гнезда затруднительно.

Кирка с детьми жил на берегу Путкоозера, поодаль от основной массы селений. По первым писцовым книгам местность эта называется «Паницы». В писцовой книге Сабурова указана деревня в Пайницах на берегу. Там живут в одном дворе Першка да Якушка да Кондратко Керкины (№ 100). В деревне Стогове (№ 104) жил Ивашко Керкин да его дети Микитка да Якушко. В деревне «в Паницах же» живут Гаврилко Киркин да Ивашко да Оксенко Гавриловы (№ 101). Хотя в тексте книги Ивашко и Оксенко не названы детьми Гаврилки, вряд ли в этом можно сомневаться, имея в виду их отчество.

Проследим дальше судьбу последней деревни. В дальнейшем, судя по писцовой книге 1563 г. Лихачева, однодворная

---

[47] «Карелия», № 80, стр. 120—121.

деревня превращается в двухдворную: дети Ивашки и Оксенки разделились. Лихачев описывает два двора: в одном живут Омелца Оксентьев, в другом — Кузьма да Давытко Ивонины. Та же деревня у Плещеева (1568 г.) оказывается уже трехдворной. Во дворах живут: в одном Куземка Ионин да сын его Гришка, в другом — Омельянко Оксентьев, в третьем — какой-то Ивашка Борисов. Сама деревня названа Киркиной горой, очевидно, по тому самому Кирке, который упомянут в данной шунжан.

Можно, мне кажется, не сомневаться, что гнездо с названием «Паницы» родственного, патронимического происхождения и произошло от разделения довольно значительной семейной группы, которая фигурировала в акте как «Кирка з детми».

Летом 1953 г. в Заонежье у нескольких информаторов (главным образом у Ивана Андреевича Костина из деревни на Хашозере) мы получили некоторые интересные для нас сведения. Имя Кирка, Кир, Кирик и в настоящее время встречается в этой части Заонежья. В недалеком прошлом даже целую семью в деревне Паницы называли «кирами». В нескольких деревнях северной части Заонежья в прошлом, по рассказам местных жителей, было распространено празднование Кирикова, иначе Киркина, дня (15 июля по ст. стилю). В этот день ходили в часовню, поставленную в честь св. Кирика, затем следовало угощение всех родственников. Не исключена возможность, что на местный культ этого святого православной церкви оказали влияние воспоминания о предке, который жил в XV в.

Таким образом, в данной шунжан Вяжицкому монастырю выступают несколько патронимических групп наряду с меньшими коллективами — семейными общинами. Термины «дети» в устах старейшего члена семьи, большака, означает его прямых потомков с их женами; а противопоставленное детям племя охватывает, по моему мнению, всю разошедшуюся родню, в том числе и дальнюю. Любопытно, что явно нерусские имена (Петр Адкин, Тоивод Идуев) сопровождаются «детми и племянем», а большинство русских — только «братьею» или «детми». Напрашивается соблазнительная и довольно вероятная догадка: не свидетельствует ли это наблюдение о том, что коренное население жило большими коллективами, чем пришлое, русское, у которого в период колонизации семейные общины больших размеров не успели еще сложиться.

Однако вывод этот не слишком прочен; как уже говори-

лось, только на основании православных имен и отчеств рисковано заключать о принадлежности к русской народности.

Приходим к выводу, что патронимия на Севере занимает не одно какое-то поселение, а целую группу, первоначально, может быть, небольшую. Это не совпадает со взглядом на расселение патронимии М. О. Косвена. Этот ученый, впервые обративший внимание на патронимию и определивший ее социально-историческое значение, так характеризовал ее расселение: «Патронимия архаически всегда локализована, иначе говоря, все члены данной патронимии живут в одном месте, все дома-дворы данной патронимии расположены смежно. Вся патронимия образует либо отдельный поселок, либо отдельную часть, квартал, улицу селения, состоящего в таком случае из нескольких патронимий»[48]. Применимо ли это определение к Поморью и Заонежью, в частности? Нет уже по той причине, что многодворные поселения образовались очень поздно, а в одном дворе умещалась лишь семейная община. Остается одно, что патронимическая группа, если она является универсальной формой, жила разбросанно, т. е. в соседних однодворных деревнях, из-за специфических северных условий, о которых уже не раз говорилось (оазисное расположение удобных земель, роль охоты и пр.). На юге Украины, например, патронимия, действительно занимала одно поселение или даже часть его — улицу, квартал. На Севере были совершенно иные географические и экономические условия. Общественная структура прошлого, если можно так выразиться — выступает там прямо на карте, что составляет определенное удобство для исследования.

Естественно, что южнорусская патронимия, живущая скученно в одном поселке или на одной улице, очень долго сохраняла некоторое хозяйственное и идеологическое единство (частично отмечаемое этнографами и в настоящее время[49]), а северная, — разбросанная иногда на десятки верст, распалась очень быстро, оставив по себе память лишь в гнездовом типе расселения, да местами в патронимических названиях самих гнезд. И, может быть, не только недостаточная изученность источников по XVI—XVII вв. была причиной того, что пока не удается обнаружить хозяйственной внутри-

[48] М. О. Косвен. Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище, стр. 72.

[49] См. И. Ф. Симоненко. Пережитки патронимий и брачные отношения у украинцев Закарпатской области. «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 75—83.

патронимической связи; это должно быть связано и с ранним разложением патронимии на Севере. Помимо указанной причины на раннее исчезновение патронимий могли оказать влияние большая подвижность северного населения, сосуществование различных этнических групп на одной территории, а также то, что новогородский боярин, а с конца XV в. московская администрация, предпочитали иметь дело с отдельной деревней, которую облагали налогом.

Итак, патронимия образуется при сегментации семейной общины. Исходной формой образования гнезда поселений в Заонежье — патронимии, является печище — локализованное поселение группы родственников. Впервые описанное А. Я. Ефименко[50], оно затем не раз привлекало внимание исследователей.

Основное и древнейшее значение этого термина — большая семья, жившая в однодворной деревне. Позднее он, этот термин утратил первоначальный смысл, — так стали обозначать обычную деревню. «Теперь печище в Архангельской губернии чаще всего обозначает деревню в нашем смысле слова, т. е. в смысле совокупности угодий, тянущихся к населенному месту, иногда несколько деревень, имеющих общее землевладение»[51].

Имели распространение и другие значения термина «печище». В XVII в. печище иногда обозначает заброшенное поселение и противопоставляется деревне-поселению «живущему». «А у того дьячка есть под ним 3 печища и 3 деревни»[52]. Печищами называются и исчезнувшие поселения коренного населения — чуди: «Сыскалось, государь... на суземе, на черном лесу чудские печища, и лесом, государь, те чудские печища поросли большим обоймы дерево по полутора, и по две, и больше»[53]. В некоторых актах под этим термином имеются в виду русские старые поселения[54].

Печище — термин, известный главным образом на Севере; однако есть указания на то, что в прошлом он был распространен и в средней полосе — в Замосковном крае, причем с основным значением: «...пустошь Жарья Лука у озера у Сабра, стояла на трое на одном печище»[55]. Автор исследования,

---

[50] См. А. Ефименко. Крестьянское землевладение на крайнем Севере, стр. 185—379.

[51] Там же, стр. 219.

[52] «Карелия», № 76, стр. 116 (1651 г.).

[53] М. М. Богословский. Ук. соч., т. I, стр. 1, сноска.

[54] «Карелия», № 107, стр. 161 и 165.

[55] Ю. Готье. Замосковный край в XVII в., стр. 129—130.

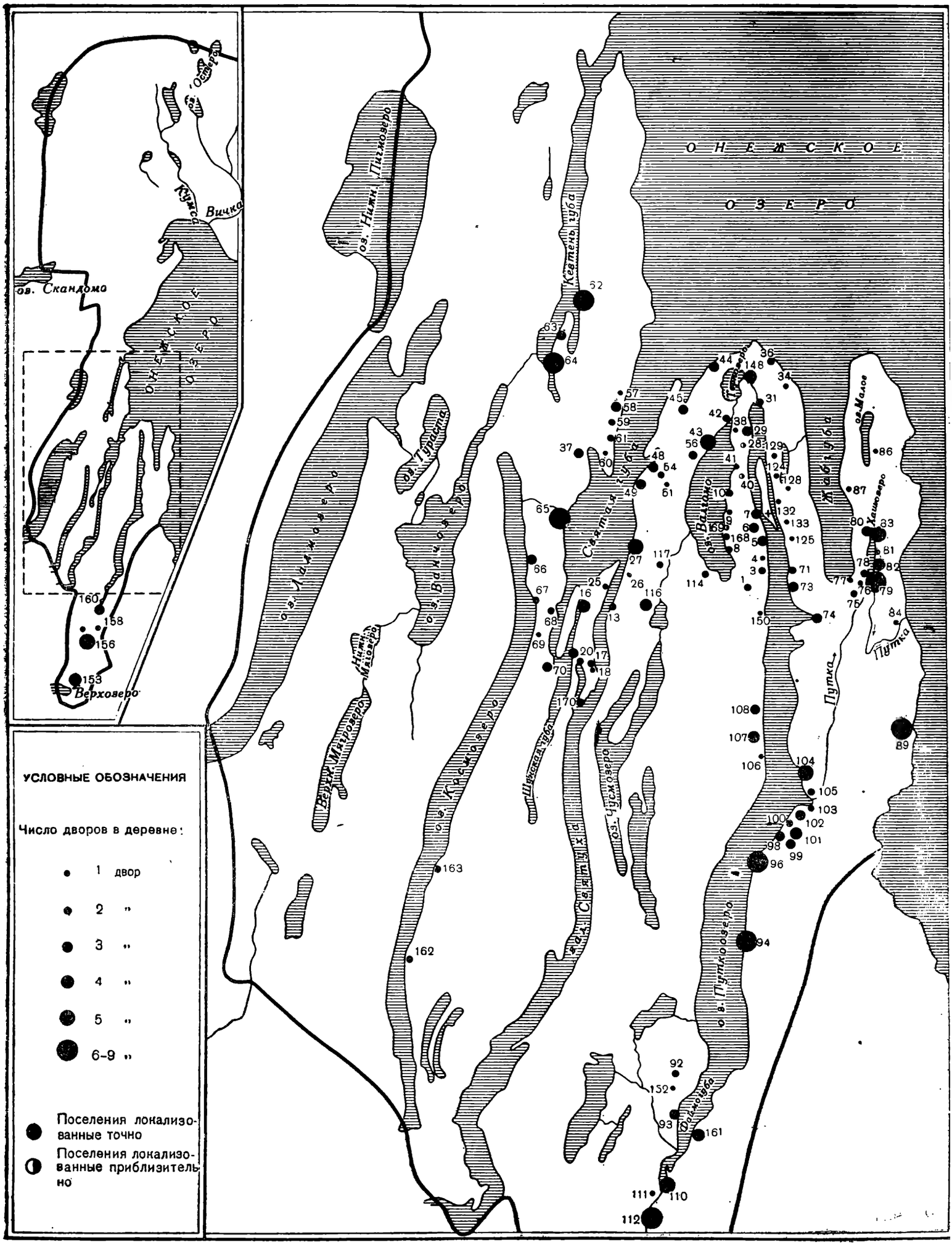

Рис. 18. Карта поселений Шунгского погоста по описанию Матюшкина 1718 г.

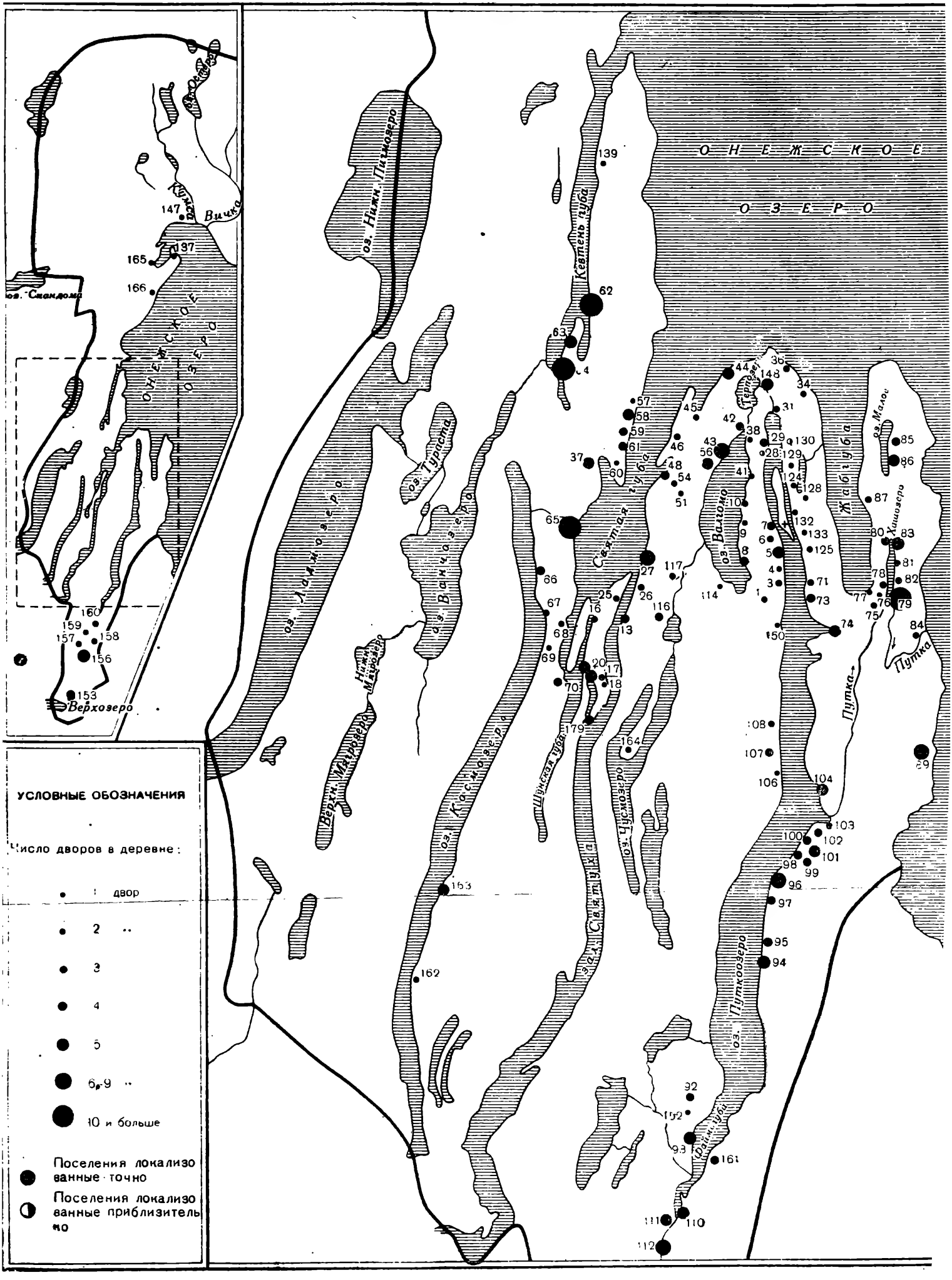

Рис. 19. Карта поселений Шунгского погоста по ревизии 1720 г.

Ю. Готье, так комментирует этот отрывок: «...следовательно, между тремя частями этой не существовавшей в 20-х годах XVII в. деревни была связь — они основались из одного целого, из одного «печища», которое, может быть, и в этой местности, столь отдаленной от северного поморья, имело значение, сходное с тем, какое ему придает г-жа Ефименко, основываясь на старинных документах русского Севера» [56].

Вполне правильную, на мой взгляд, характеристику исторического места печища дает в цитировавшейся работе М. О. Косвен. В связи со всем ранее сказанным можно добавить лишь то, что сегментация печищ и образование долевой деревни — явление относительно позднее. Ефименко и Островская имели в своих руках материалы, относящиеся главным образом к XVII—XVIII вв. В более раннее время характерно распадение печищ на родственные гнезда-патронимии. Процесс этот лишь частично отражен писцовыми книгами, в которых выработалась стандартная форма описания, как расселились «от отцов дети и от братей братья»[57].

Особенно ярко этот процесс можно проследить по областям восточного Поморья, колонизованным позднее [58].

Имеется этнографический материал, показывающий, что после выделения из деревни починка, а затем и других починков, связь между вновь образовавшимися поселениями и печищем не прекращалась. Все же преобладала, очевидно, не хозяйственная, а идеологическая связь. Я уже говорил об описанных С. А. Приклонским группах деревень в Олонецкой губернии. Население таких групп деревень находилось в родственных отношениях, в «неразрывном вековечном союзе, составляя *одно племя*» [59]. Гнездо деревень осознавалось, как одно поселение с одним названием.

В конце 20-х годов нашего столетия З. П. Малиновская отмечает расположение у вепсов деревень небольшими группами, которые составляют «общества». «Помимо сельского совета, объединяющего общество в мелкую административную единицу, находящийся в обществе погост с церковью объединяет общество в приход, единицу обрядово-культово-

---

[56] Ю. Готье. Замосковный край в XVII в., стр. 129—130.

[57] Напр., ЦГАДА. Ревизские сказки по Новгороду, № 2541, л. 17 и др.

[58] «А по сказке земского судейки с товарищи те прибылые деревни и починки, и дворы, и во дворех люди — не пришлые иных городов и не беглые чьи люди и крестьяне; тое ж Зюздинской волости разделились от отцов дети, от братьев братья, от дядей племянники, от тестев зятья». (М. М. Богословский. Ук. соч., т. I, стр. 33).

[59] С. А. Приклонский. Ук. соч., стр. 91.

го порядка»[60]. Количество деревень в обществе обычно варьирует в пределах от 5 до 20 деревень (редко — больше 20 и меньше 5).

З. П. Малиновская показывает родственный состав соседних деревень, называя деревенских родственников даже «родом»: «...в значительной своей части деревни вепсов являются как бы родовыми деревнями, объединяющими тот или иной род. В таких случаях население деревни состоит из родных, двоюродных братьев, дядей и племянников»[61]. Следует, конечно, иметь в виду, что в это время деревни были уже довольно большие, иногда по нескольку десятков дворов. Они образовались как путем разрастания отдельных мелких деревень, так и путем постепенного сращения гнезд.

Кроме мелких гнезд селений существовали и более крупные, объединявшие как мелкие гнезда, так и отдельные поселения. Такими крупными гнездами являются погосты в целом.

Проблема погоста одна из сложнейших в истории сельских поселений. Решать ее в целом не входит в нашу задачу. Отмечу все же, что термин «погост» появляется на страницах летописи под 947 г., в широко известном тексте, где рассказывается о деятельности княгини Ольги: «иде Ольга Новугороду и устави по Мсте погосты и дани и по Луге оброки и дани». В этом тексте речь идет, очевидно, о какой-то форме правительственной повинности. Со временем значение термина меняется; в XVI—XVII вв. погост — административный округ и центральное поселение в нем (см. стр. 99).

При описании административного деления Заонежья уже приходилось отмечать то важное обстоятельство, что территория погоста, как правило, представляет собой замкнутое географическое целое; это бассейн либо речки, либо притока большой реки, либо озера, либо, наконец, группы небольших озер или заливов. Границы погостов проходят по незаселенной местности: это или водоразделы, или большие озера, как Онежское, Ладожское, Сандал и др.; на севере граница Выгозерского погоста идет по Белому морю.

Поселения, объединенные в погосты, отделены от поселений соседних погостов препятствиями и образуют четко отграниченные обычно незаселенными водоразделами круп-

[60] З. П. Малиновская. Из материалов по этнографии вепсов, стр. 180.

[61] Там же, стр. 186.

ные гнезда поселений. Эта обособленность свойственна поморским погостам не в меньшей степени, чем погостам в коренной Новгородской земле. С другой стороны, географическая обособленность не свойственна другим видам административного деления, в частности пятинам. Границы пятин часто проходят по рекам и разрезают тем самым гнезда поселений и сами погосты (например, граница между Обонежской и Водской пятинами, проходившая в южной части по Волхову).

В качестве примера границ погоста приведу описание границ Шунгского погоста (см. также приложенные карты, где эта граница приблизительно проведена). Вообще описание границ — редкий случай, так как в этом не было нужды. Границы нужно было определять лишь в экстренных случаях, например, когда местные жители продавали свой погост. Граница Шунгского погоста сохранилась в дозорной книге Лыкова[62] благодаря счастливому для нас обстоятельству: монастырь, к которому перешел погост, отмежевывал свои земли.

«...И угодья к тем деревням у Тихвина монастыря в вотчины с ыными околными погосты межи. Николсково Шунского погоста межа пошла с Падомского верховья с крестового мху. А тут на крестах земля сошлась четырех погостов углом: в западную сторону — Шунсково погоста, а от северика — Толвуйского погоста, ото вьстока до Кузаранского рубежа; и тут межа пошла тристяным мхом водоволоком вверх на гору на тумища. От северика земля поидет Шунского погоста, а от лета — земля Кижсково погоста, а с тумиш межа поидет водоволоком на Конселгу на северной конец. А Конселгой на Кожелселгу на восточной край.

Да и Кожелселги с ужново конца на белой мох, на виловатую ел; а в ней вделан камел[63]. А с виловатой ели на северной конець Кожелселги да к ямкам по старой межи. А та межа есть от северика Шоунской волости и к тем ямкам сошлась межа Шунские волости да Кижской. И от ямок на Римбоозеро, до с Римозера на Немексу, а с Немексы водоволоком на Еловой нос, да с Елового носу на высокие сопки, что стоят во рги[64]. А с сопок на стрестяной мох. А с трестяного моху на Кунко ручей. А Кункоручем вверхь на Кунко озеро, а с Кункоозера водоволоком на седелець; да тут в сосны сваля вросли и камен вделан. А с седелца на глазастой мох, а с глазасто мху водоволоком на верхнее

[62] ЦГАДА. Писцовые книги по Новгороду, № 379, лл. 203—207.
[63] Так в тексте.
[64] Так в тексте.

Палоозеро. А с верхнево Палоозера середним бором водоволоком да к каменю к столбцу да от столбца Каменным ручем в Шидроручей падет в Святуху. Да Святухой поидет под лето о берег восточной межа. Вода Николсково Шунсково погоста, а земля от востока — Кижсково погоста. А идет та межа до страдных островов. Да в страдных островах меж островами камен синь выше воды. А на тот камен межа. Да с того камени в ловецкие островы в ужной в малой островок. Да с того островка в Ковкоручей на крестовой запад. Да ручем вверх на Ковкоозеро. Да с Ковка озера под запад на Космозеро на синей камен на берегу на вьсточной стороны стоит выше воды. Да с тог каменя черес Космозеро поперег под запад на гору на седелце на Каменную гору. А на той горы в соснах и вь ели залазы. Да с седелца на Лег гору поперег земли. А на той горы в соснах и в болшом берези положено каменье. Да с Лег горы на Студенец по северее Калоозера да с Сту[де]нца рекою в Калоозеро. Да с Калоозера под запад на опчей Студенець. А с опчиво Студенца на Твердилов мох. Да с Твердилова мху на Гавгоозеро под северик. Да Гавгоозером по западнему берегу в северной конець. Да с севернова конца под запад до порошка до Мунозерсково. Да от Мунозерьсково порошка поперег земли до Ладмоозера да на Малдын наволок. Да с Малдын наволока через Ладмоозеро на Тютерматку. Да с Тютерьматке Юную гору. Да сь Юной горы в ужной конець Пигмоозеро в губу. Да Пигмоозером на зиликой камен. Да с каменя на Кокорин остров да на Саро ручей да на Сароозеро. Да водоволоком на Гангоозеро. Да з Гангоозера по Кадой мху на Кесней наволог. Да с Кесней наволока на Пижселгу на зимник. Да зимником на переи мох. Да по переи мох в Еловой нос. Да на Кийман селгу по зимнику на дыбучей мох. Да наверх Телки. Да с Телки на Мандын наволок. Да с Мандын наволока под запад на Шайдомоозеро. Да с Шайдома озера в северной конець на верхнее Униць озеро. Да с верхнево Униць озера на верхнее Кумсоозеро. Да с верхнево Кумсоозера рекою в дол под северик в нижное Кумсоозеро. Да на нижном Кумсоозере остров. Да по ужному концу озера да от острова (поперек?) озера подо всток к ручю на водовоков (лок?) через Кузнецовых пожни. Да по той пожни по водоволоку вверх на Кумсу реку на падун. Да от падуна поперег земли подо всток на Озроозеро на Великой остров. Да с Великоострова через Озроозеро выскос подо вьстог на березовой мох. Да з березово мху на верхное Вепсоозеро в северной конец. Да

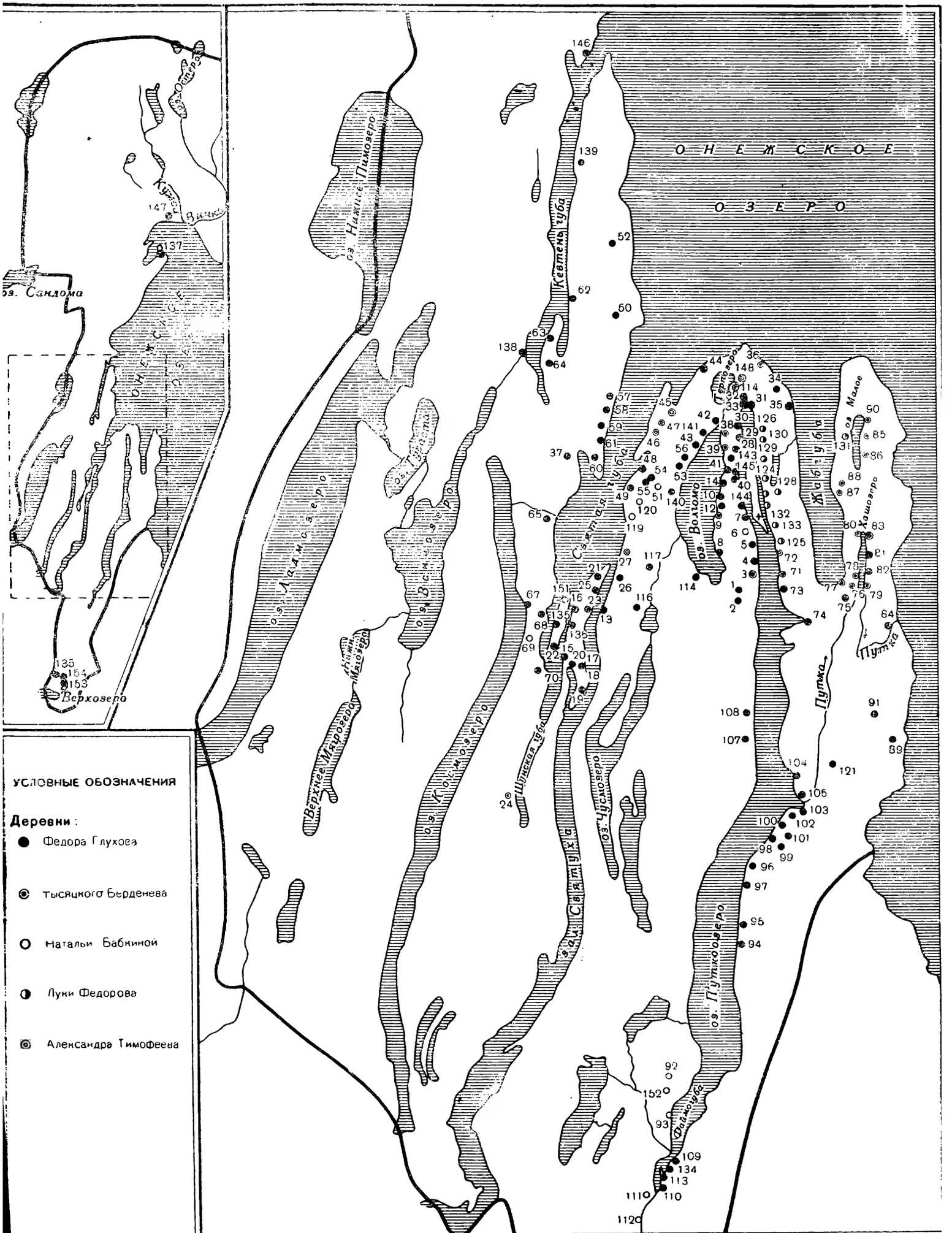

Рис. 20. Бывшие вотчины новгородских бояр по писцовой книге Сабурова 1496 г.

с верхнего Вепсоозера водоволоком поперег земли на Долгую селгу. Да з долгой селги на Витегу. Да с Витеги на верхнее Уконозеро. Да с Уконозера рекою на верхнее Сапиць озеро. Да с Сапиц на озера поперег земли под востог на белой мох. Да з белово мху водоволоком и землею на во[и]ское на водоволок верховье. Да с верховья с во[и]ског водоволоком вниз под лето в Вой реку. И рекою в Онего озеро...».

Приведенный пример несколько противоречит определению особенностей погостских границ. Действительно, частично, межа проходит по озерам и даже по реке. Правда, Шунгский погост по своему рельефу и береговой линии может быть признан не совсем типичным среди других поморских погостов.

Но вот древнейшее описание границ погоста Важской земли в мировой старосты Азики и его братьи с Василием Матвеевым по спорному делу о владении Шенкурским погостом 1315—1322 г.[65]. «...А более Шенкурскии погость до Ваимуги въверхь до Яноозера, а от Яноозера прямо в Пезу, а тыи земли Василью и в веки. В взяле Азика съ своею братьею у Василья дватцать тысячь белки на тыхъ земляхъ, где ни есть Шенкурского погоста. А заводь тымь землямъ по Семенгу реку, а по другую сторону Ваге выше Паденге по вытеклыи руцеи, и Паденга, река с устья по обе стороне въверхъ до Сулонском межи по великои камень, а Шенга река с устья по обе стороне въверхъ до Розмовои, а Понца река по обе стороне».

И в этом древнем документе не все межи проходят по водоразделу. Чтобы определить, в каких же случаях межа проходит по водоразделу, а в каких — по реке, присмотримся к составленной карте Шунгского погоста. Границы южной и центральной части погоста проходят по водоразделам, изредка пересекая заливы. Эти части погоста заселены. На севере же, где почти совершенно нет поселений, межа идет от одного озера к другому. Можно сделать вывод, что границы южной и центральной частей погоста сложились сами собой в результате расселения из центра гнезда — Шунгского погоста — к периферии. Расселение это столкнулось с центробежным движением из соседних гнезд: Кижского и Толвуйского погостов. Поэтому межа между Толвуйским и Шунгским погостами прошла по водоразделу между Падмозером и Путкоозером, также по водо-

[65] Грамоты, № 279, стр. 279—280.

разделам проходят границы между Шунгским и Кижским погостами. Заливы пересекаются в тех случаях, когда сталкивалось население, расселявшееся вдоль берегов заливов с разных сторон, т. е. навстречу друг другу. Аналогичные случаи искусственных границ между погостами, лежащими смежно вдоль одной реки, отмечает М. М. Богословский [66].

На севере нашего погоста картина другая. Там почти совсем нет поселений и границы проходят по совершенно незаселенным диким местам и поэтому условны. Может быть, граница была проведена очень поздно, как раз тогда, когда Тихвинский монастырь, получив в вотчину погост, пожелал отмежевать свои земли. Озера оказались самыми удобными ориентирами. Другими словами: в южной части граница возникла естественно, в процессе фактического захвата земель, в северной — она условна и возникла позднее.

Если между погостами находились незаселенные леса а в древности так оно чаще всего и было, межа отсутствовала вовсе.

«А тот обод, — писали крестьяне Оштинского погоста в челобитной 1665 года, — из веку владели и похали отцы наши и деды, а меж не бывало и в двоих писцовых книгах про межи не написано» [67].

Когда водораздел мало-помалу осваивался соседними погостами, для проведения межи привлекались старожилы и «добрые люди». Вот, например, указание правительства, как провести границу между Оштинским и Веницким погостами: «... велеть тое землю меж погостами розмежевать по писцовым книгам, как в писцовых книгах меж тех погостов урочища написаны; а к межеванью взять старожильцов, а о чем у старожильцов в земли спор учинитца, дать образное хоженье з жеребья, итить с образом тому, кому миром поверят». И дальше: «...А послать на землю к разводу людей добрых, чтоб делали правду» [68].

Иногда применялся и другой прием межевания. В документе рассказывается, как «стрелецкий голова Олонецкого города» «межу вновь ведет, а велит исцом нашим по переди себя в трубы трубить, и по трубному голосу затесы затесывати, и кресты в деревах и в камени вновь высекать» [69].

В тех местах, где колонизационный процесс был в основ-

---

[66] См. М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., т. I, 1909, стр. 36.

[67] «Карелия», № 120, стр. 180.

[68] Там же, стр. 182.

[69] Там же, стр. 181.

ном закончен, границы между погостами почти не изменялись. При сравнении древнейшей карты Шунгского погоста с самой поздней или даже с картой Генерального межевания убеждаемся, что за 2—2½ столетия заселенная часть территории не претерпела никаких существенных изменений в своих очертаниях.

Детальное знакомство с границами Шунгского погоста позволяет предположить, что в древности этот погост мог быть не только административным объединением, произвольно установленным правительством. «Естественный» характер, как мы видели во II-й главе, имели границы и других погостов Заонежья.

Некоторые исследователи, напр. С. А. Тараканова-Белкина (Боярское и монастырское землевладение в Новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939, стр. 31 и след.), высказывают мнение, что новгородский погост XV в. был поземельной общиной. Для такого утверждения нет достаточных оснований. Крестьяне продают, закладывают, дарят свои земли, угодья. Продажа может быть полной (без права выкупа), может быть временной и частичной. Детально доказывать это нет даже особой необходимости. Несколько купчих я уже приводил, говоря о практике родового выкупа и о строе деревни вообще. Участки распаханной земли в XVI—XVII столетиях находятся во владении крестьянских домовых или семейных общин. С этих участков крестьяне несут тягло. Формальным верховным владельцем всей черной земли является московский царь. Особенно ярко это подчеркивается документами, где крестьяне, продавая свою землю, называют ее в то же время собственностью «царя и великого князя». Не видно никаких следов поземельного союза крупных размеров, который обнимал бы семейные малодворные общины и в новгородское время.

Помимо неотчуждаемости земли поземельная община обычно предполагает уравнительно-передельное землепользование. Попытки «отыскать» уравнительные переделы неоднократно предпринимались сторонниками общинной теории. После исследования А. Ефименко почвы для сомнений на этот счет не остается. Переделы, имевшие место в XVI—XVII вв. на русском Севере, не имеют ничего общего с уравнительными переделами внутри земельной общины позднего времени — XVIII—XIX столетий — и противоположны им по своему принципу. Поморские крестьяне переделяли землю «долевой деревни» согласно своим правам, основанным как на наследовании, так и на приобретении земли.

Уравнительные переделы были введены с середины XVII столетия правительственной властью и прочно вошли в практику с 30-х годов XVIII в. по причине земельной тесноты. Позднее введение уравнительных переделов на Севере окончательно доказано статьей П. В. Устюгова, который обнаружил описание первого передела[71]. Только в 1649, 1651, 1663, 1690 гг. были изданы указы с запрещением продавать, закладывать и отдавать в монастыри черные земли[72].

И все же, несмотря на то, что погост не распоряжался землями населявших его крестьян, общинные отношения там очевидны. В общем пользовании — лесные угодья и рыбные ловли. Продавая свои деревенские участки, крестьяне оговаривали свои права на угодья «промеж волощаны». Общие рыбные угодья использовались иногда совместно большими коллективами. Например, в 1563 г. писец Лихачев в итоговых данных делает такое замечание: «...И всего в Никольском погосте в Шунге у царя великого князя крестьян неводов 8 да 4 сети кердеги да на речках 2 кола, а ловят неводы рыбу репуксу малую, а сетьми кердегами ловят в осенинах рыбу палью, а в колах ловят в весни щуки и иную малую рыбу; а неводы у них по девяносту сажен, а сеть кердега по 100 сажен»[73]. Размеры сетей таковы, что с ними могли управиться только большие товарищества, артели. Кроме того, сетей слишком мало для посемейного пользования ими, а предполагать, что они были собственностью отдельных богатых дворохозяев нет оснований, так как в таком случае они были бы описаны не в конце описания погоста, а вместе с этими дворами.

В древнейших актах «все шунжане» или «талвяне» выступают коллективно, жертвуя землю монастырю, заключая договор с боярином или размежевывая земли. В пределах погоста видим органы самоуправления. В трапезной при погостской церкви собирались мирские сходы для решения судебных, финансовых и прочих дел. На погосте избирался староста[74].

---

[71] См. П. В. Устюгов. К вопросу о земельных переделах на русском Севере в середине XVII в. «Исторический архив», V, 1950.

[72] ПСЗ, I, 10, 112; Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1950, стр. 29.

[73] Писцовые книги Обонежской пятины, 1563 г., стр. 155.

[74] Функции заонежских старост известны нам, впрочем, главным образом по поздним документам, когда их роль, как представителей мира должна была сильно измениться. (См. напр., «Карелия», № 154, стр. 242—243; № 292, стр. 364; № 174, стр. 270; № 155, стр. 243—244 и др.).

Наконец, погост распоряжался пустыми, выморочными участками.

В связи с анализом патронимических гнезд я уже останавливался на важнейшем документе по истории Заонежья — данной шунжан XV в. (стр. 169). Вернусь к ней в другой связи. «Шунжане» распоряжаются, очевидно, выморочными участками, жертвуя их монастырю. Выше я пытался рассмотреть жертвователей поименно перечисленных в данной. Но кто «все шунжане», которые также распоряжаются погостской землей? Думаю, что документ можно понять в том смысле, что перед нами соседская община, представленная при составлении документа главами больших семей.

Если прием локализации шунжан середины XV в. на карте, составленной по письму 1496 г. основателен, легко проследить по карте, что упомянутые главы семей занимают самое ядро погоста, наиболее плодородные земли (ср. стр. 96). Естественно предположить, что заселение погоста началось из этого центра.

Центр погоста-округа — погостская церковь располагалась, как уже говорилось, чаще всего в одиночку, поодаль от деревень; но на ближайшем расстоянии ее окружали многочисленные деревни. И чем дальше от погостской церкви и ближе к границам погоста-округа, тем реже становятся поселения.

Интересно заметить, что некоторые деревни, удаленные от центральной части погоста, насчитывают по данным писцовых книг иногда большее число дворов, чем центральные поселения. Это связано, возможно, с тем, что писцы и переписчики посещали сами далеко не все деревни, а пользовались «сказками» местных жителей, которые, как уже было отмечено, считали иногда группу однодворных деревень за одно поселение.

Погосты Заонежья сильно варьировали по количеству своих деревень, а также по размерам. В связи с этим территория погостов не всегда была монолитной и единой. В погостах замечаются группы деревень, которые удалены от основной массы селений порой на многие десятки верст и «стали за леса и болота». Такие группы деревень носили название выставок и волосток. Выставкой же называлась и выстроенная там церковь или часовня. Интересно заметить аналогию в значении погоста и выставки; оба эти термина означают и церковь и округ.

Когда количество населения, первоначально небольшой выставки возрастало, она получала известную автономию,

не нарушая связей со всем погостом, а затем могла стать самостоятельным погостом.

Внутреннее территориальное единство погоста-округа поддерживалось и скреплялось не только существованием его как административной единицы, но и церковной организацией. Погост совпадал с приходом; погостская церковь была приходской. Выделение выставок было связано с сооружением новых церквей, подчиненных приходским храмам. В челобитных с просьбой о создании нового прихода и выделении в особый податный округ жители выставок обычно приводят в качестве основания своих челобитных дальность расстояния от приходской церкви, несправедливость к ним мирских властей, а также то, что им трудно участвовать в общемирских предприятиях из-за той же дальности расстояния.

Примером такого погоста, где незаметно признаков начинающегося расчленения, может служить небольшой Челможский погост, который в 1563 г. насчитывал всего 45 деревень с 71 двором, а в 1646 г. — 18 деревень с 64 дворами. По крайней мере для первой половины XVI в. известно, что Челможские волости обладали единой мирской организацией [75]. Вероятно, эта общность погоста имеет место и в XVII в.

В этом отношении походит на него до XVII в. более крупный Шунгский погост. Позднее от него отделяется Фоймогубская волость.

Таким же простым по строению является довольно большой Веницкий погост.

Все же к середине XVII в. «простые» погосты—уже в меньшинстве. К этому времени выставки отмечаются уже в Важенском, Остречинском, Оштинском, Мегорском, Шальском, Пудожском, Толвуйском, Шунгском, Кижском, Шуйском и т. д., а бывшая выставка из Олонецкого погоста не только превратилась в особый Ильинский погост, но и сама образовала несколько выставок.

Материалы по расчленению погостов в XVII в. дают указания источников на количество в них старост. Естественно, что в случаях совпадения погоста — административного округа с территорией крестьянского мира, там должен был быть один староста. Уже приводился пример простого по строению Челможского погоста, который и в сер. XVII в. составлял, видимо, один мир [76]. Однако, как правило, в погостах XVII в. было по нескольку старост: «И я, государи, ...приехал в Шуйский по-

[75] См. Е. Барсов. Ук. соч., стр. 149.
[76] См. М. М. Богословский. Ук. соч., т. I, стр. 41.

гост и сыскал старост нынешнего 192-го году: Петрушку Сидорова, Савку Калинина, Юшка Силина и мирских людей»[77]. Небольшие удаленные волости также получали самоуправление[78]. Имеем, впрочем, указания на то, что наряду с обычными волостными старостами бывали и «верховые». Так в 1675 г. в Олонецком погосте, где было 4 старосты, они «выбрали и излюбили себе» из своей среды верхового старосту[79]. Превращение выставки в самостоятельный погост — заключительный этап процесса дробления погоста-округа. Правда, это превращение отмечается в Заонежских погостах лишь в одном случае.

Если не принимать во внимание временных последствий социальных потрясений, то при увеличении населения число волосток и выставок неуклонно растет.

В XVI в. волостки — единичное явление; их не следует смешивать с боярскими волостями и волостками XV в., не представлявшими собой, судя по Шунгскому погосту, территориального единства.

В конце XVII в. число волосток значительно возросло. Если в XVI в. волостки мало населены, то по переписной книге Аничкова в Кижском погосте (где дифференциация зашла дальше всего) населенность погоста в узком смысле слова значительно меньше населенности волосток вместе взятых (в собственно погосте 269 дворов, а в выставках и волостках по порядку списка — 111, 195, 76, 86, 75, 115, 54, 83, 72 двора)[80].

Противоположный процесс — объединения волосток (который отметил Богословский в других областях Поморья) — в Заонежье мной не замечен.

* *
*

Историко-географическое исследование поселений Заонежья XVI—XVII вв. проводилось под углом зрения нескольких классификаций: по социальной сущности поселений, зависимости от особенностей заселения местности, по особенностям планировки и группировки поселений.

Господство прибрежного типа заселения обусловлено экономическими и историческими причинами (прибрежное рас-

---

[77] «Карелия», № 173, стр. 268; см. также № 156, стр. 246 и др.
[78] «Карелия», № 174, стр. 270—271; № 156, стр. 245.
[79] «Карелия», № 147, стр. 230. Наряду со «старостами погостов» («Карелия», № 175) есть упоминания о «старостах трети» («Карелия», № 172).
[80] ЦГАДА. Ревизские сказки по Новгороду, № 2541.

положение земельных участков, роль рыболовства, роль реки как единственной дороги и проч.).

Однодворные деревни, первоначально объединенные в патронимические коллективы,— основные экономические единицы к моменту появления писцовых книг. Судя по тому, что количество поселений Заонежья не увеличивалось с XVI в., можно думать, что процесс колонизации этой местности закончился к началу изучаемого нами периода. В XVI—XVII вв. происходит дробление деревни и превращение ее в долевую. Рост числа дворов в течение изучаемого периода отражает не только естественный рост населения, но также изменение социального строя.

Для образовавшихся малодворных деревень характерны беспорядочная планировка и рядовая прибрежная планировка, что связано со значением реки как экономического нерва территории.

Для исследуемой территории, как и для остального Поморья, характерна своеобразная группировка поселений. Мелкие группы — «гнезда» — предположительно восходят к патронимиям, сложившимся в процессе распадения древних печищ. Большие гнезда поселений — погосты-округа — сложились в период освоения территории Заонежья и, частично, могли восходить к территориям соседских общин.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Писцовая книга Юрия Сабурова 1495—1496 гг. Писцовые книги Обонежской пятины. Л., 1930.

Писцовая книга Андрея Лихачева 1563—1566 гг. Писцовые книги Обонежской пятины. Л., 1930.

Писцовая книга Андрея Плещеева 1583 г. ЦГАДА. Писц. кн. по Новгороду, № 963.

Писцовая книга Петра Воейкова 1616—1617 гг. ЦГАДА. Писц. кн. по Новгороду, № 743.

Дозорная книга Мины Лыкова 1619—1620 гг. ЦГАДА. Писц. кн. по Новгороду, № 379.

Писцовая книга Никиты Панина 1628—1629 гг. ЦГАДА. Писц. кн. по Новгороду, № 308.

Переписная книга И. Писемского 1646—1647 гг. ЦГАДА. Писц. кн. по Новгороду, № 980, лл. 1—375.

Переписная книга Л. Сумина 1647 г. ЦГАДА, № 980, лл. 375 об.—574.

Переписная книга Ивана Аничкова 1678—1679 гг. Ревизские сказки — по Новгороду, № 2541.

Отрывки и выдержки из писцовых книг по Обонежской пятине Заонежской половины, напечатанные: в «Олонецких губернских ведомостях» (часть неофициальная, 1849 г. № 1—7; 1850 г. № 12—47; 1851 г. № 1—2); в приложении № VI к работе К. А. Неволина «О пятинах и погостах Новгородских в XVI в.». СПб., 1853.

Отрывки из писцовых книг, напечатанные в «Олонецком сборнике», вып. II, 1875—1876 и вып. III, 1894; в «Киевских университетских известиях» за 1910 г.

Полное собрание русских летописей (сокращенно ПСРЛ).

Акты Археологической экспедиции Академии наук, т. I. СПб., 1836 (сокращенно ААЭ).

Акты юридические. СПб., 1883 (сокращенно АЮ).

Акты исторические, т. I. СПб., 1841 (сокращенно АИ).

Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846 (сокращенно Дополн. к АИ).

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. — Л., 1949 (сокращенно Грамоты).

Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941 (сокращенно Материалы)

«Карелия в XVII в.». Сб. документов. Петрозаводск, 1948 (сокращенно «Карелия»).

Шахматов А. А. Исследование о Двинских грамотах, ч. I и II. Приложение. СПб., 1903.

Сибирцев И. М. и Шахматов А. А. Еще несколько двинских грамот XV в. СПб., 1909.

Акты писцового дела. М., 1913—1917.

Барсов Е. Палеостров. Приложения. Чт. ОИДР, 1868, кн. I.

Арх. Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря, ч. I—III. М., 1830.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, тт. I—III. СПб., 1893—1912.

Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права, изд. III. Киев, 1889.

Карты Генерального межевания по Олонецкой губернии. ЦГАДА, ф. 33 (по Повенецкому, Вытегорскому и Петрозаводскому уездам).

Список населенных мест Олонецкой губ. по сведениям за 1905 г. Изд. Олонец. губ. Стат. комитета 1907 г.

Списки населенных мест Российской империи, XXVII, Олонецкая губ. (по свед. 1873 г.). СПб., 1879.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛО

Количество деревень и дворов по отдельным

Книга 1563 г. Андрея Лихачева

Погост Спасской на

	Дер. живущих	Из								
		1 дв.	2 дв.	3 дв.	4 дв.	5 дв.	6 дв.	7 дв.	8 дв.	9 дв.
Погост-место										
Черные-оброчные										
Волость б. Марфинская Исаковы	38	20	9	6	1	1	1	—	—	—
Та же волость на реце Нюхчи; 2 церкви	17	4	5	3	3	1	1	—	—	—
Всего черных оброчных	55	24	14	9	4	2	2	—	—	—
Монастырские:										
Спаса Соловецкого монастыря дер. б. Марфинские Исаковы	35	3	9	4	9	3	1	2	—	—
На Суме-церк. у погоста										
На Колежме р. церк. у погоста										
На усть Сороки р. церкви										
Соловецкого монастыря деревни старые б. Марфинские Исаковы	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
В Вирме р. поставлена церк.										
Всего монастырских	37	3	9	4	9	3	1	2	—	—
Всего по погосту	92	27	23	13	13	5	3	2	—	—

волостям погостов по книгам 1496 и 1564 годов

Выгоозере у моря

них						Пуст. дер.	Всего дер. с пуст.	Дворов жив.	Людей	Примечание составителя
10 дв.	11 дв.	12 дв.	14 дв.	22 дв.	28 дв.					
								(3)	(3)	
—	—	—	—	—	—	20	58	71	77	У писца: дер. 58, дв. 94. На Нюхче— мельница; на Нюхче варниц—22
						14	14	—	—	
—	—	—	—	—	—	3	20	46	59	У писца: дер. 20, дв. 54, люд. 64
—	—	—	—	—	—	37	92	117	136	На Суме, Вирме и Колежме 10 лавок, 39 варниц
—	1	2	—	1	—	6	41	161	267	У писца: дер. 40, дв. 175
								(4)	(4)	
								(4)	(4)	
								(2)	(2)	
—	—	—	1	—	1	—	2	42	64	У писца: дер. 2, дв. 46 с церк. 7 сальниц
								(3)	(3)	
—	1	2	1	1	1	6	43	203	331	
—	1	2	1	1	1	43	135	320	467	

Книга 1563 г.
Андрея Лихачева

Погост Петровской на Челможе

	Дер. живущих	Из них													Пуст. дер.	Всего дер. с пуст.	Дворов живущ.	Людей	Примечание
		1 дв.	2 дв.	3 дв.	4 дв.	5 дв.	6 дв.	7 дв.	8 дв.	9 дв.	10 дв.	11 дв.	12 дв.	13 дв.					
Погост-место																	(3)	(3)	
Черные оброчные																			
Волостка б. Семеновская Ермолина да его детей Юркины да Олферкины	18	8	9	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	28	29	31	У писца: дер. 28, дв. 34.
Монастырские																			
Волостка Спаса Хутыня монастыря на Пудоцкой горе	15	6	4	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	17	42	57	У писца: дер. 17, дв. 46.
Всего по погосту	33	14	13	2	3	—	—	—	—	—	—	—	—	1	12	45	71	88	

	Дер. живущих	Из		
		1 дв.	2 дв.	3 дв.
Погост-место				
Черные оброчные				
1) Волостка б. Микитинская Грузова	18; $\frac{1}{2}$; $\frac{2}{3}$	13	5; $\frac{1}{2}$	$\frac{2}{3}$
2) Волостка б. Оксиньинская Микитины жены Есипова	8; $\frac{2}{2}$	8	$\frac{2}{2}$	—
3) Деревни б. Федоровские Малого Худякова Григорьева сына	2; $\frac{1}{2}$	2	$\frac{1}{2}$	—
4) Волостка б. Настасьинская Иванова жены Григорьева	11; $\frac{1}{2}$	10	$\frac{1}{2}$	—
5) Дерев. б. Ивановские Немирова	1; $\frac{1}{2}$; $\frac{1}{3}$	1	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{3}$
6) Дер. б. Марфинские Исаковы на Вар-селге	1	—	—	1
Всего по погосту	41; $\frac{6}{2}$; $\frac{3}{3}$	34	5; $\frac{6}{2}$	1; $\frac{3}{3}$
т. е.	45	34	8	2

них 4 дв.	Пуст. дер.	Всего дер. с пуст.	Дворов жив.	Людей	Примечание
			(3)	(3)	
—	19	$37; \frac{1}{2}; \frac{2}{3}$	26	29	У писца: дер. 40, дв. 42
—	4	$12; \frac{2}{2}$	10	14	У писца: дер. 15, дв. 14
—	—	$4; \frac{1}{2}$	3	5	У писца: дер. 5, дв. 5
1	7	$18; \frac{1}{2}$	15	24	У писца: дер. 20, дв. 22 люд. 25
—	1	$2; \frac{1}{2}; \frac{1}{3}$	3	3	У писца: дер. 4, дв. 4, люд. 3
—	—	1	3	4	
1	33	$74; \frac{6}{2}; \frac{3}{3}$	60	79	
1	33	78	60	79	

	Дер. живущих	Из			
		1 дв.	2 дв.	3 дв.	4 дв.
Погост-место					
Черные оброчные					
Волостка б. Настасьинская Ивановы жены Григорьева	54	18	19	9	7
Дер. церк. выст.					
Волостка б. Микитинская Грузова	31	10	18	1	1
Волостка б. Марфинская Исаковы на Колодоозере	28	7	11	7	3
Всего черных оброчных	113	35	48	17	11
Монастырские					
Волостка Юрьева монастыря б. Оксиньинская Микитина жены Есипова	5	—	4	—	1
Дер. Юрьева монастыря б. Ивановские Немирова	3	2	1	—	—
Дер. Юрьева монастыря б. Федоровская Григорьева Худякова	1	—	—	1	—
Дер. Юрьева монастыря	8	1	2	2	—
Прибыло починков	2	2	—	—	—
Всего Юрьева монастыря	19	5	7	3	1
Всего по погосту	132	40	55	20	12

них					Пуст. дер.	Всего дер. с пуст.	Дворов живущ.	Людей	Примечание
5 дв.	6 дв.	7 дв.	8 дв.	9 дв.					
							(6)	(6)	
								(5)	
								(1)	
1	—	—	—	—	41	95	116	145	У писца: дер. с церк. 95, дв. 163, люд. 148
							(3)	(3)	
—	—	1	—	—	20	51	60	92	
—	—	—	—	—	21	49	62	76	У писца: дер. 49, дв. 84
1	—	1	—	—	82	195	238	313	
—	—	—	—	—	—	5	12	12	
—	—	—	—	—	—	3	4	4	
—	—	—	—	—	—	1	3	3	
1	—	—	1	1	—	8	33	36	
—	—	—	—	—	—	2	2	2	
1	—	—	1	1	—	19	54	57	
2	—	1	1	1	82	214	292	395	

	Дер. живущ.	Из			
		1 дв.	2 дв.	3 дв.	4 дв.
Погост-место					
Черные оброчные					
Волостка б. Настасьинская Ивановы жены Григорьева	37; 2/4	12	12	9	3; 2/4
Монастырские					
Волостка Юрьева монастыря б. Оксиньинская Микитина жены Есипова.	33; 2/4	8	12	9	2; 2/4
Дер. выст. ц.					
Дер. Юрьева монастыря, что б. Микитинские да Ивашковские да Гридинские Мосеевых детей Бабкина	3	—	1	1	—
Дер. Юрьева же монастыря, что быв. Тимофеевская Олександрова	1	—	—	1	—
По приправочн. книгам и приб.	4	2	2	—	—
Всего Юрьева монастыря	41	10	15	11	2; 2/4
Муромского монастыря на Онеге озере на Унос-острову	1	—	—	1	—
Палеостровского монастыря от посадника старого Панфила Селифонтова	2	1	1	—	—
Пристань монастырская					
Всего монастырских	44; 2/4	11	16	12	2; 2/4
Всего по погосту	82	23	28	21	6

Шале реце

них			Пуст. двор.	Всего дер. с пуст.	Дворов жив.	Людей	Примечание
5 дв.	6 дв.	7 дв.					
					(1)	22	
1	—	—	2	39; 2/4	82	100	У писца: дер. 40, дв. 81
—	—	—	4	37; 2/4	75		
				(3)	(3)		
—	—	1	—	3	12		
—	—	—	—	1	3		
—	—	—	—	4	6		
—	1	1	4	45; 2/4	96	107	У писца: дер. 45+2, дв. 94+4
—	—	—	—	1	3	4	У писца дер. 1, дв. 4, люд. 3
—	—	—	—	2	3	4	
					(1)		
—	1	1	4	48; 2/4	102	115	
1	1	1	6	88	184	215	

	Дер. живущ.	Из 1 дв.	Из 2 дв.	Из 3 дв.
Погост-место				
Черные оброчные				
Волостка б. Оксеньинская Микитины жены Есипова	66	21	19	21
Вол. б. Игнатьевская Филиппова да Яковлевская Васильева	16	3	7	3
Вол. б. Ивановская Офоносова Патракиева	$11; \frac{2}{3}; \frac{5}{4}; \frac{2}{5}$	7	7	$\frac{2}{3}$
Волостка б. Григорьевская Ногаткина	$19; \frac{2}{2}; \frac{4}{3}; \frac{2}{4};$	11	$7; \frac{2}{2}$	$1; \frac{4}{3}$
Волостка б. Федоровская Морозова	$15; \frac{3}{2}; \frac{7}{3};$	7	$6; \frac{3}{2}$	$2; \frac{7}{3}$
Волостка, что быв. Захарьинская Морозова	$12; \frac{3}{2}; \frac{5}{3}; \frac{2}{4}$	6	$5; \frac{3}{2}$	$1; \frac{5}{3}$
Да по приправ. книгам в той же Андомск. в.	2	1	1	—
Всего черных оброчных	$141; \frac{8}{2}; \frac{18}{3}; \frac{9}{4}; \frac{2}{5}$	56	$49; \frac{8}{2}$	$28; \frac{18}{3}$
За помещиками				
За Богданом за Неклюдовым сыном Развозова дер. быв. Борисовские Зубарева	$2; \frac{6}{3}$	1	1	$\frac{6}{3}$
кн. Семен да кн. Александр Кимские из Белозерщины	2	—	1	—
Всего за помещиками:	$4; \frac{6}{3}$	1	2	$\frac{6}{3}$
Монастырские				
Деревни Спаса Хутыня монастыря	$14; \frac{7}{4}; \frac{3}{5}$	3	1	5
По приправочным кн. в той же волостке	6	2	3	1
На Онеге оз. на Муромском острову — монастырь	5	—	1	3
Всего монастырских	$25; \frac{7}{4}; \frac{3}{5}$	5	5	9
Всего по погосту	$169; \frac{8}{2}; \frac{24}{3}; \frac{16}{4}; \frac{5}{5}$	62	$56; \frac{8}{2}$	$37; \frac{24}{3}$
т. е	187	62	60	45

них 4 дв.	5 дв.	6 дв.	7 дв.	Пуст. двор.	Всего дер. с пуст.	Дворов	Людей	Примечание
						(7) (8)	(7) (31) (8)	
2	3	—	—	25	91	145	156	У писца: дер. 93, дв. 17, люд. 156
3	—	—	—	1	17	38	39	У писца: дв. 39
$\frac{5}{4}$	$\frac{2}{5}$	—	—	13	$24; \frac{2}{3}; \frac{5}{4}; \frac{2}{5}$	24	26	У писца: дер. 29, дв. 38
$\frac{2}{4}$	—	—	—	13	$32; \frac{2}{2}; \frac{4}{3}; \frac{2}{4};$	36	38	У писца: дер. 39, дв. 55
—	—	—	—	10	$25; \frac{3}{2}; \frac{7}{3}$	35	35	У писца: дер. 20, дв. и люд. не написано
$\frac{2}{4}$	—	—	—	8	$20; \frac{3}{2}; \frac{5}{3}; \frac{2}{4}$	29	29	У писца: дер. 29, дв. 41, люд. 27
—	—	—	—	3	5	3	3	
$5; \frac{9}{4}$	$3; \frac{2}{5}$	—	—	73	$214; \frac{8}{2}; \frac{18}{3}; \frac{9}{4}; \frac{2}{5}$	310	326	
—	—	—	—	6	$8; \frac{6}{3}$	9	9	У писца: дер. 12, дв. 15, люд. 8
1	—	—	—	—	2	6	6	
1	—	—	—	6	$10\frac{6}{3}$	15	15	
$5; \frac{7}{4}$	$\frac{3}{5}$	—	—	1	$15; \frac{7}{4}; \frac{3}{5}$	50	52	У писца дер. 21, дв. 52, люд. 52
—	—	—	—	7	13	11 (3)	11 (43)	У писца: дв. 24
—	—	—	1	—	5	13	30	
$5; \frac{7;}{4}$	$\frac{3}{5}$	—	—	8	$33; \frac{7}{4}; \frac{3}{5}$	79	93	
$11; \frac{16}{4}$	$3; \frac{5}{5}$	—	1	87	$257; \frac{8}{2}; \frac{24}{3}; \frac{16}{4}; \frac{5}{5}$	404	434	
15	4	—	1	87	272	404	434	

	Дер. живущих	Из		
		1 дв.	2 дв.	3 дв.
Начала нет 1) Волость б. Марфинская Исакова (предположение) возможно было подсчитать	40	18	18	3
Всего по вол.				
2) Деревни б. Захарьинские Морозова	$5; \frac{7}{2}; \frac{3}{4}$	4	$1; \frac{7}{2}$	—
3) Дер. б. Ивановские Офоносова сына Патрекеева	$13; \frac{5}{2}; \frac{1}{4}$	12	$1; \frac{5}{2}$	—
4) Дер. б. Федоровские Морозова	$5; \frac{7}{2}$	3	$2; \frac{7}{2}$	—
5) Дер. б. Григорьевские Ногаткина	$8; \frac{5}{2}; \frac{3}{4}$	7	$1; \frac{5}{2}$	—
6) Дер. б. Борисовские, Дмитриева Зубатова	$2; \frac{2}{2}$	2	$\frac{2}{2}$	—
Всего черных оброчных				
Из них подсчитано по дворам	$87; \frac{3}{4}$	46	36	—
Дер. Спаса Хутынского монастыря	$8; \frac{4}{2}; \frac{1}{4}$	6	$2; \frac{4}{2}$	—
Всего по погосту				
Из них подсчитано по дворам	98	52	40	3

них 4 дв.	Пуст.	Всего дер. с пуст	Дворов жив.	Людей	Примечание
1	1	41	67	108	
		68	109	171	По данным писца
$\frac{3}{4}$	—	$5; \frac{7}{2}; \frac{3}{4}$	16	22	У писца: дер. 10, дв. 16, люд. 22
$\frac{1}{4}$	—	$13; \frac{5}{2}; \frac{1}{4}$	21	31	У писца: дер. 17, дв. 21, люд. 31
—	—	$5; \frac{7}{2}$	14	25	У писца: дер. 7, дв. 15, люд. 25
$\frac{3}{4}$	—	$8; \frac{5}{2}; \frac{3}{4}$	18	26	У писца: дер. 12, дв. 18, люд. 26
—	—	$2; \frac{2}{2}$	4	6	У писца: дер. 3, дв. 4, люд. 6
		$115\frac{3}{4}$	182	281	
$1; \frac{3}{4}$	1	$88; \frac{3}{4}$	140	218	
$\frac{1}{4}$	—	$8; \frac{4}{2}; \frac{1}{4}$	15	24	
		127	197	305	
3	1	99	155	242	

	Дер. живущих	Из		
		1 дв.	2 дв.	3 дв.
Погост-место				
Черные оброчные				
1) Дер. б. Захарьинские Морозова	$5; \frac{1}{2}; \frac{4}{3}; \frac{5}{4}$	4	$1; \frac{1}{2}$	$\frac{4}{3}$
2) Дер. б. Ивановские Офоносова сына Патракиева	$11; \frac{2}{2}; \frac{1}{3}; \frac{2}{4}$	6	$4; \frac{2}{2}$	$1; \frac{1}{3}$
3) Дер. б. Федоровские Морозова	$6; \frac{1}{2}; \frac{1}{3}; \frac{9}{4}$	6	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{3}$
4) Волостка б. Григорьевская Ногаткина	$7; \frac{6}{3}; \frac{7}{4}$	6	1	$\frac{6}{3}$
5) Дер. б. Борисовские Дмитриева Зубарева	$2; \frac{1}{2}; \frac{1}{4}$	1	$1; \frac{1}{2}$	—
6) Волость б. Марфинская Исаковы жены	70	31	30	5
Всего черных оброчных	$101; \frac{5}{2}; \frac{12}{3}; \frac{24}{4}$	54	$37; \frac{5}{2}$	$6; \frac{12}{3}$
т. е.	$113; \frac{1}{2}$	54	$39; \frac{1}{2}$	10
Деревни Спаса Хутынского монастыря	$8; \frac{1}{2}$	2	$4; \frac{1}{2}$	1
Всего по погосту	122	56	44	11

Вытегры за Онегом озером

них		Пуст.	Всего дер. с пуст.	Дворов жив.	Людей	Примечание
4 дв.	7 дв.					
				(7)	(28 ч.)	
$\frac{5}{4}$	—	3	$8; \frac{1}{2}; \frac{4}{3}; \frac{5}{4}$	16	17	У писца: дер. 14, дв. 18, люд. 15, прибыл 1 поч. 1 дв. 1 ч.
$\frac{2}{4}$	—	4	$15; \frac{2}{2}; \frac{1}{3}; \frac{2}{4}$	22	33	У писца: дер. 20, дв. с цер. 27, люд. 33
$\frac{9}{4}$	—	1	$7; \frac{1}{2}; \frac{1}{3}; \frac{9}{4}$	17	28	У писца: дер. 13, дв. 18, люд. 28
$\frac{7}{4}$	—	3	$10; \frac{6}{3}; \frac{7}{4}$	21	22	У писца: дер. 18, дв. 25, люд. 22
$\frac{1}{4}$	—	—	$2; \frac{1}{2}; \frac{1}{4}$	5	5	У писца: дер. 5, дв. 6, люд. 5
3	1	32	102	125	133	У писца: дер. 93, дв. 154, люд. 123
$3; \frac{24}{4}$	1	43	$144; \frac{5}{2}; \frac{12}{3}; \frac{24}{4}$	206	238	
9	1	43	$156; \frac{1}{2}$	206	238	
1	—	1	$9; \frac{1}{2}$	18	21	У писца: дер. 13, дв. 24, люд. 21
10	1	44	166	224	259	

	Дер. живущих	Из 1 дв.	2 дв.	3 дв.
Погост-место				
Черные оброчные				
1) Вол. б. Марфинская Мегра Великая Дер. церк. выставка	103	36	34	27
2) Дерев., что бывали Ивановские Офоносова	4	2	1	1
3) Волостка, что бывала Марфинская Исакова в Кондушах	15	10	4	—
4) Да в том же Мегорском погосте новые же починки пусты	—	—	—	—
Всего оброчных	122	48	39	28
За помещиком				
В ц. волостке что бывала Марфы Исаковы новые дерев. и починки в поместьи за Юрьем за Гавриловым сыном Скобельцына да за его детьми...	14; 2/3	8	3	3; 2/3
В ц. волостке что бывала Марфы Исаковы в поместьи за Иваном да за Семым за Нестеровыми детми Скобельцына в Палтеге	21; 2/3	10	9	2; 2/3
Всего за Скобельцыными	35; 4/3	18	12	5; 4/3
В Мегре в ц. вол. быв. Марфы Исаковы новые дер. и поч. в поместьи за Микитою да за Иваном за Ольферьевыми детми Белеутова на Палтеге	34; 2/3	19	13	2; 2/3
Всего за помещиками	69; 6/3	37	25	7; 6/3
т. е.	71	37	25	9
Всего по погосту	193	85	64	37

них 4 дв.	Пуст. дер.	Всего дер. с пуст.	Дворов жив.	Людей	Примечание
			(6)	(30)	
6	25	128	209 (1)	224 (1+14)	У писца: дер. 126, дв. 231, люд. 223 при дер. выст. 1 кр. дв. приб. к оброчн. 1 дер., 1 дв.
—	3	7	7	7	У писца: дер. 7, дв. 10, люд. 7
1	24	39	22	24	У писца: дер. 39, дв. 45, люд. 22
—	8	8	—	—	
7	60	182	238	253	
—	$1; \frac{1}{2}$	$15; \frac{2}{3}; \frac{1}{2}$	25	27	
—	$\frac{1}{2}$	$21; \frac{2}{3}; \frac{1}{2}$	36	45	
—	2	$37; \frac{4}{3}$	61	72	У писца: дер. 41, дв. 64, люд. 72
—	2	$36; \frac{2}{3}$	53	55	У писца: дер. 37, дв. 56
—	4	$73; \frac{6}{3}$	114	127	
—	4	75	114	127	
7	64	257	352	380	

Погост Никольской на реце на Оште

	Дер. живущих	Из них					Пуст. дер.	Всего дер. с пуст.	Дворов жив.	Людей	Примечание
		1 дв.	2 дв.	3 дв.	4 дв.	5 дв.					
Погост-место									(1)	(1)	
Черные оброчные											
Вол. Марфинская Исаковы	234	177	45	8	2	2	9	243	309	489	У писца: дер. 238, дв. 300, люд. 489
Дер. Онтоновского м-ря	7	6	1	—	—	—	—	7	8	10	У писца: дер. 7, дв. 7, люд. 10
Дер. Спаса Хутынского м-ря	25	20	5	—	—	—	1	26	30	43	У писца: дер. 25, дв. 30, люд. 43
Всего по погосту	266	203	51	8	2	2	10	276	347	542	

Книга 1563 г.
Андрея Лихачева

Погост Никольской на Оште реце

	Дер. живущ.	Из них							Пуст. двор.	Всего дер. с пуст.	Дворов жив.	Людей	Примечание
		1 дв.	2 дв.	3 дв.	4 дв.	5 дв.	6 дв.	7 дв.					
Погост-место											(8)	(26)	
Черные оброчные													
Волость б. Марфы Исаковы	200	117	50	22	6	4	—	1	36	236	334	355	У писца: дер. с пуст. и церк. 236, дв. 355, люд. 355
Там же починки	64	42	22	—	—	—	—	—	61	125	86	88	У писца: дер. 127, дв. 142, люд. 88
Новые починки	—	—	—	—	—	—	—	—	14	14	—	—	
Прибыло в б. Марфинской же волостке Исаковы	31	22	6	2	—	—	1	—	1	32	46	53	У писца: дер. 32, дв. 46, люд. 53
Всего черных оброчных	295	181	78	24	6	4	1	1	112	407	466	496	
Монастырские													
Дер. Спаса Хутыня м-ря	24	12	8	3	1	—	—	—	1	25	41	45	У писца: дер. 26, дв. 45, люд. 45
Выст. церк.	(1)										(3)	(3)	
Дер. Онтоновского монастыря	5	3	—	1	—	1	—	—	2	7	11	11	
Всего монастырских	29	15	8	4	1	1	—	—	3	32	52	56	
Всего по погосту	324	196	86	28	7	5	1	1	115	439	518	552	

Книга 1496 г. Юрия Сабурова

Погост Ильинской в Веницах на Ояти

	Дер. живущих	Из них			Пуст. дер.	Всего дер. с пуст.	Дворов жив.	Людей	Примечание
		1 дв.	2 дв.	3 дв.					
Погост-место							(2)	(3)	
Черные оброчные									
1) Волостка Каргилицы б. Ивановская Захарьина Овинова	Нет сведений — в подлиннике утрачен 1 лист								
2) Волостка б. Михайловская Берденева	39	38	—	1	2	23 41	27 41	42 59	У писца: дер. 41, дв. 41, люд. 59
3) Волостка Чикосурье б. Ивановская Онаньина сына Берденева	42	39	3	—	1	43	45	66	
4) Волостка б. Ивановская Широково-Яжыщинского	32	27	5	—	—	32	37	54	У писца: дер. 32, дв. 38, люд. 54
5) Волостка б. Онтонова монастыря	79	77	2	—	1	80	81	110	
Всего черных оброч. Из них подсчитано по дворам	192	181	10	1	4	219 196	231 204	331 289	
6) Деревни Колмовского монастыря б. Федоровск. Остафьева Глухова	17	14	2	1	—	17	21	42	
Всего по погосту Из них подсчитано по дворам	209	195	12	2	4	236 213	252 225	373 331	

Книга 1563 г.
Андрея Лихачева

Погост Ильинской в Веницах на Ояти реке

	Дер. живущих	Из них				Пуст. дер.	Всего дер. с пуст.	Дворов жив.	Людей	Примечание
		1 дв.	2 дв.	3 дв.	4 дв.					
Погост-место								4	4	
Черные оброчные										
1) Волостка б. Онтонова монастыря	50	49	1	—	—	33	83	51	65	У писца: дер. 80, дв. 82, люд. 65
2) Волостка б. Михайловская Берденева	37	36	—	1	—	9	46	39	62	У писца: дер. 45, дв. 43 с попов. люд. 62
3) Волостка б. Ивановская Широкого Яжжинского	24	23	1	—	—	8	32	25	36	У писца: дер. 32, дв. 33, люд. 36
4) Волостка Чикосурье б. Ивановская Онаньина сына Берденева	36	31	3	2	—	7	43	43	70	У писца: дер. 43, дв. 45, люд. 70
5) Волостка Каргиницы б. Ивановская Захарьина сына Овинова	18	14	3	—	1	6	24	24	36	У писца: дер. 24, дв. с церк. 30, люд. 36
Всего черных оброчных	165	153	8	3	1	63	228	182	206	
Монастырские										
6) Деревни Колмова м-ря б. Федоровские Остафьева сына Глухова	16	10	4	2	—	1	17	24	50	У писца: дер. 17, дв. 24, люд. 50.
Всего по погосту	181	163	12	5	1	64	245	206	319	

	Дер. живущ.	Из			
		1 дв.	2 дв.	3 дв.	4 дв.
На погосте					
Дер. б. Ивановские Захарьина сына Овинова	2	—	2	—	—
Волостка б. Лаяницы Никитинская Лаврентьева	53	24	18	6	1
Дер. выст. церкв.					
Волостка б. Оксиньинская Микитины жены Есипова	18	8	4	3	2
Дер. выст. церк.					
Дер. б. Микитинские Грузова в Шеменицах	8	3	4	1	—
Дер. б. Михайловские да Офремовские Ондреевых детей Мишнева	15	2	11	1	1
Дер., что были одного Офрема Мишнева	2	1	1	—	—
Прибыло	1	—	1	—	—
Всего Мишневых	18	4	12	1	1
Волостка б. Родионовская Метусова да братанича его Костинская	19	4	6	2	4
Дер. выст. церк.					
Волостка б. Олферьевская да Васильевская Ивановых детей Матусова	13	3	5	1	2
Волостка в Сочиницах Заволотцкого	15	5	3	2	3
Волостка б. Микитинская Савина Татева	$13; \frac{3}{7}$	4	5	3	1
Волостка б. Григорьевская Матфеева сына Бычкова	27	4	12	6	4
Дер. выст. церк.					
Волостка б. Федоровская да Даниловская Ондреевых детей Крутецкого	$13; \frac{4}{7}$	4	2	3	4
Всего черных оброчных	200	63	73	28	22

них			Пуст. дер.	Всего дер. с пуст.	Дворов живущ.	Людей	Примечание
5 дв.	6 дв.	7 дв.					
—	—	—	—	2	(3) 4	(20) 4	У писца: д. 66+1, дв. 114, люд. 139+1
1	1	2	15	68	107	140	
—	1	—	1	(1) 19	(2) 39	(3) 42	У писца: дв. 43
—	—	—	1	(1) 9	(3) 14	(3) 20	
—	—	—	—	15	31	33	
—	—	—	—	2	3	3	
—	—	—	—	1	1	1	
—	—	—	—	18	35	37	
1	1	1	1	20	56	56	
1	1	—	4	(1) 17	(1) 35	(2) 36	Расхождений нет
1	1	—	2	17	40	45	У писца: дв. 41
—	—	3/7	7	20; 3/7	30	35	У писца: дер. 20, дв. 34
1	—	—	—	27	67	75	Писец сч. с церк. дв.
—	—	4/7	15	(1) 28; 4/7	(2) 37	(2) 44	У писца: дер. 29, дв. 38
5	5	4	46	246	464	534	

	Дер. живущ.	Из			
		1 дв.	2 дв.	3 дв.	4 дв.
Монастырские					
Спасские дер. Хутыня монастыря	25	15	6	3	1
Дер. выст. церк.					
Владычня волостка на озерки и в Каковичах	45	22	15	4	3
Всего монастырских	70	37	21	7	4
Помещики					
Прибылые владычня помещика Федора Иванова сына Кокошкина	3	3	—	—	—
выставки	1	1	—	—	—
Захарьи Иванова сына Кокошкина поч.	1	—	1	—	—
выст.	1	—	1	—	—
Борисова поместья Мелешкина поч.	1	1	—	—	—
Второво Бартенева	1	—	1	—	—
Всего помещ.	8	5	3	—	—
Земцы					
За земцем за Сенкою за Ивановым сыном Авромова царевы дер. Ларивоновские Панкратова и т. д.	14	2	1	2	5
Своеземцы					
За Ивашкою да за др. Ивашком за Лаптевыми и т. д.	10	1	6	2	1
Новоприбылые починки	8	7	1	—	—
Земцев Худяка да Пятого да Томилка и т. д.	4	1	3	—	—
	36	11	11	4	6
Всего по погосту	314	116	108	39	32

них			Пуст. дер.	Всего дер. с пуст.	Дворов живущ.	Людей	Примечание
5 дв.	6 дв.	7 дв.					
—	—	—	—	25	40	46	У писца: дер. 25 с выс. дв. 44 с ц. люд. 48
				(1)	(3)	(4)	
1	—	—	7	52	81	87	У писца: дер. 53, дв. 82
1	—	—	7	77	121	133	
—	—	—	—	3	3	3	
—	—	—	—	1	1	1	
—	—	—	—	1	2	2	
—	—	—	—	1	2	2	
—	—	—	—	1	1	1	
—	—	—	—	1	2	2	
—	—	—	—	8	11	11	
4	—	—	1	15	50	64	У писца: дв. 49
—	—	—	2	12	23	23	У писца: дер. 14, дв. 26
—	—	—	7	15	9	10	У писца: дер. 16, дв. 12
—	—	—	2	6	7	7	
4	—	—	12	48	89	104	
10	5	4	65	379	685	782	

	Дер. живущ.	Из 1 дв.	2 дв.	3 дв.	4 дв.	5 дв.	6 дв.
Начала нет							
В том же наволоке устан церк.							
Тое ж б. Настасьинские вол. деревни на Олонце Ильинского прихода							
Из них подсчитано по деревням	22	3	7	5	3	—	1
В Ильинском прих. дерев. б. Онаньинские Теряева купетцкие	3	—	1	—	—	—	2
Дер. Васильевские Пантелеева, что его после писма в животе не стало	3	1	1	1	—	—	—
Дер. общ. во владычне царя в. к. половине, б. Ондроновские Филистова и в той половине на Ондроновском участке	1	—	—	—	1	—	—
Вол. б. Микулинская Остафьева Победитцкого ввопче со владыкою по полов.	7	—	2	—	2	2	—
Дер., которые принадлежали арх. Пимену и отписаные на царя	4	5	5	8	4	5	6
Дер., принадл. арх. Пимену и отписанные на царя	2	—	2	—	—	—	—
На Самоозере б. Княщына Тимофеевская Малого Грузова да Якольская и Спиридоновская Слизиных вопчая	18	2	5	7	3	1	—
Дер. б. вопчая Ондреевская Посохнова да Васюковская Шалелеевская в Килкине наволоке	1	—	1	—	—	—	—
Дер. б. Олександровские Тимофеева	2	—	2	—	—	—	—
Б. Настасьинские вол. Иванова жены Григорьева новоприбылых починков	7	3	3	—	—	1	—
Выморные							
Дер., что б. Офимьи Климовны жены Копанкина	2	—	—	—	—	1	1
Прибыло в дер. б. Настасьинских Иванова жены Григорьева	7	4	—	1	2	—	—
Всего черно-оброчных	—	—	—	—	—	—	—
Из них подсчитано по дворам	116	18	29	22	15	10	10
Владычни							
Волостка владычня Олонец и в Ыльинском прих.	196	37	51	51	26	14	7
Монастырь на Ладожском озере	—	—	—	—	—	—	—
Своеземцы							
Максимка да Панкратка да Ивашка Есиповых детей да Куземки Онтипова	1	—	—	1	—	—	—
Фетка Матфеева да Сенки Иванова	3	2	1	—	—	—	—
Всего своеземцев	4	2	1	1	—	—	—
Всего по погосту	—	—	—	—	—	—	—
Из них подсчитано по дворам	316	57	81	74	41	24	17

них									Пуст. дер.	Всего дер. с пуст.	Дворов живущ.	Людей	Примечание
7 дв.	8 дв.	9 дв.	10 дв.	11 дв.	12 дв.	14 дв.	18 дв.	42 дв.					
										123	(4) 347	(4) 452	По данным писца
1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	22	75	82	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	14	17	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	6	7	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	4	4	
—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	7	32	35	
3	1	1	1	—	—	2	—	—	1	42	192	214	У писца: дер. 22, дв. 202, пост. мельн.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	4	4	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	21	50	53	У писца: дв. 53
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	2	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	4	4	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	14	15	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	11	11	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	15	23	У писца: дер. 7, дв. 13
4	1	3	2	—	—	2	—	—	4	221 120	695 423	841 471	
5	—	1	—	—	2	—	1	1	3	199	636	690	2 церкви-выставки
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	(1)	(18)	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3	3	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	4	6	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	7	9	
— 9	— 1	— 4	— 2	— —	— 2	— 2	— 1	— 1	— 7	424 323	1338 1066	1540 1170	

	Дер. живущих	Из		
		1 дв.	2 дв.	3 дв.
Погост-место				
Черные оброчные				
Волостка б. Федоровская Яковлева Победицкого Ладва Ивинская	31	13	9	8
Дер. выст. церк.				
Волостка Ладва б. Степановская Труфанова Сарского	26	7	17	1
Волостка б. Спиридоновская Слизина на Шокше речке в Остречине	27	18	7	2
Волостка б. Яковлевская Васильева сына Слизина	28	15	6	6
Всего черных оброчных	112	53	39	17
Монастырские				
Волостка на Шолт озери у Онига б. Тимофеевская Матфеева сына Малого Грузова Ивановского монастыря с Ростокины улицы	24	15	9	—
Выстав. церк.				
Волостка Ивановского же монастыря, что на Ростокины улицы б. Микитинская Грузова на Шолт озере в Залесье у Онежского озера	43	24	17	2
На погосте				
Волостка Ивановского же монастыря, что на Ростокине улицы б. Ивановская да Дорофеевская Даниловых детей Слизина	20	8	5	2
Монастырь Ильинские пустынки на Машо-озере	1	1	—	—
Всего монастырских	88	48	31	4
Всего по погосту	200	101	70	21

них		Пуст. дер.	Всего дер. с пуст.	Дворов	Людей	Примечание
4 дв.	5 дв.					
				(7)	(9)	
1	—	8	39	59	59	У писца: дер. 39, дв. с церк. 70, люд. 63
			(1)	(4)	(4)	
1	—	6	32	48	48	У писца: дв. 51
—	—	3	30	38	48	У писца: дер. 31, дв. 41 (вм. с прибыл.)
1	—	11	39	49	54	У писца: с приб. дер. 38, дв. 50
3	—	28	140	194	209	
—	—	12	36	36	33	У писца: дер. 36, дв. 39, люд. 39
			(1)	(3)	(10)	
—	—	14	57	64	71	У писца: дв. 82
				(4)		
3	2	5	25	46	47	У писца: дв. 51
—	—	2	3	1	(18) 2	
3	2	33	121	147	153	
6	2	61	261	341	362	

	Дер. живущие	Из 1 дв.	2 дв.	3 дв.	4 дв.	5 дв.
						Начало описания
Черные оброчные						
Названия вол. не сохранилось. Можно предп., что вол. б. Микитинские Офонасьева (по данным писца)						
Прибыло	3	3	—	—	—	—
Всего по волостке по данным писца						
Из них подсчитано по дворам	21	8	11	2	—	—
Волостка б. Федоровская Остафьева сына Глухова от Онега озера в Егоруксе	9	—	4	2	2	1
Вол. б. Лаврентьевская Панфильева	20	6	6	8	—	—
Прибыло	2	1	1	—	—	—
Всего по волостке	22	7	7	8	—	—
Вол. б. Ивашковская Девятого Марфинского человека	3; $\frac{3}{5}$	—	—	2	—	$\frac{3}{5}$
Вол. б. Марковская Панфильева на Сандало-озере	5; $\frac{2}{5}$	1	—	—	—	2; $\frac{2}{5}$
Прибыло	2	2	—	—	—	—
Всего по волостке	7; $\frac{2}{5}$	3	—	—	—	2; $\frac{2}{5}$
Волостка б. Васюковская Шалелеева	6	—	5	—	1	—
Прибыло	1	1	—	—	—	—
Всего по волостке	7	1	5	—	1	—

них		Пуст. дв.	Всего дер. с пуст.	Дворов живущ.	Людей	Примечание
6 дв.	7 дв.					
погоста не сохранилось						
			31	47	54	
—	—	4	7	3	3	
			38	50	57	
—	—	7	28	36	46	
—	—	1	10	27	30	У писца: дер. 10, дв. 30, люд. 32
—	—	3	23	42	42	У писца: дер. 23, дв. 43, люд. 42
—	—	—	2	3	3	
—	—	3	25	45	45	
—	1	1	$4;\frac{3}{5}$	16	18	У писца: дер. 5
1	1	2	$7;\frac{2}{5}$	26	34	У писца: дер. 8, дв. 25, люд. 33
—	—	—	2	2	2	
1	1	2	$9;\frac{2}{5}$	28	36	
—	—	1	7	14	14	У писца: д. 7, дв. 14, люд. 15
—	—	—	1	1	1	
—	—	1	8	15	15	

	Дер. живущие	Из				
		1 дв.	2 дв.	3 дв.	4 дв.	5 дв.
Волостка б. Микифоровская Хмелева	4; 4/5	—	1	2	—	4/5
По приправ. книгам	1	—	—	1	—	—
Всего по волостке	5; 4/5	—	1	3	—	4/5
Вол. б. Яковлевская Тютюхина	20	4	15	1	—	—
Волостка б. Александровская Тимофеева	16	5	4	5	2	—
Волостка б. Лукинская Федорова	7; 1/5	1	4	2	—	1/5
Волостка б. Михайловская Берденева	2	1	1	—	—	—
Волостка б. Ондреевская Пасахнова	8	4	—	3	1	—
Вол. Марфинская Исаковы на Сенной губе у Онега озера	22	3	12	2	5	—
Всего черных оброчных						
Из них подсчитано по дворам	151	35	64	30	11	5
Монастырские						
Прибыло—монастырь на Климецком острову в Ужном наволоке на Онеге озере						
Своеземцы						
За Богданом да за Иваном за Григорьевыми детьми Косикова деревни, что бывали своеземцов же Гридке Кузмина	2	2	—	—	—	—
Всего по погосту						
Из них подсчитано по дворам	153	37	64	30	11	5

Продолжение табл.

них		Пуст. дв.	Всего дер. с пуст.	Дворов живущ.	Людей	Примечание
6 дв.	7 дв.					
—	1	1	5; 4/5	19	20	У писца: дер. 7, дв. 23, люд. 23 с поч.
—	—	—	1	3	3	
—	1	1	6; 4/5	22	23	
—	—	1	21	37	53	У писца: дер. 21, дв. 38, люд. 53
—	—	—	16	36	43	У писца: дер. 16, дв. 37, люд. 44
—	—	3	10; 1/5	16	17	У писца: дер. 12, дв. 16.
—	—	—	2	3	3	
—	—	—	8	17	21	У писца: дер. 18, дв. 17.
—	—	7	29	53	88	У писца: дв. 55.
			188	365	449	
1	3	27	178	351	438	
				(2)	(27)	
—	—	—	2	2	4	
			190	367	453	
1	3	27	180	353	442	

	Дер. живущих	Из		
		1 дв.	2 дв.	3 дв.
Погост-место				
Черные оброчные				
Волостка б. Марковская Панфильева	10	7	2	1
Прибыло	1	1	—	—
Всего	15	8	2	1
Волостка б. Федоровская Остафьева сына Глухова	8; 3/5	3	4	1
Цер. выставка				
Волостка б. Александровская Тимофеева	3	1	—	2
Волостка б. Натальинская Мосеевы жены Бабкина да его детей Ивановские да Григорьевские да Микитинские	8; 2/5	—	3	3
Всего оброчных	31	12	9	7
Монастырские				
В Толвуйском же погосте Никольские церк. деревни из Шунги	3	2	—	—
Волость Вяжицкого монастыря	140	75	45	16
Пост. церк. на общ. земле				
Прибыло	14	7	5	1
Всего Вяжицкого монастыря	154	82	50	17
Всего по погосту	188	96	59	24
Из них:				
монастырских	157	84	50	17
оброчных	31	12	9	7

них		Пуст. дер.	Всего дер. с пуст.	Дворов	Людей	Примечание
4 дв.	5 дв.					
				(4)	(4+22)	
—	—	—	10	14	17	Расхожден. с писц. нет
—	—	—	1	1	2	
—	—	—	11	15	19	
—	$\frac{3}{5}$	1	9; $\frac{3}{5}$	17	23	У писца: дер. 11, дв. 19, люд. 25
—	—	—	3	(2) 7	(2) 9	
1	1; $\frac{2}{5}$	1	9; $\frac{2}{5}$	26	27	У писца: дер. 10, дв. 25.
1	2	2	33	65	78	
—	1	—	3	7	7	
3	1	6	146	230	272	У писца: дер. 146, дв. с церк. и с пуст. 236, люд. 272
1	—	—	14	(3) 24	(3) 27	У писца: люд. 26
4	1	6	160	254	299	
5	4	8	196	326	384	
4	2	6	163	261	306	
1	2	2	33	65	78	

	Дер. живущих	Из 1 дв.	2 дв.	3 дв.	4 дв.	5 дв.	6 дв.	7 дв.
Погост-место								
Черные оброчные								
Волостка б. Лукинская Федорова на Ведени	15	1	—	3	7	2	—	1
Вол. б. Микитинская Грузова на Видане	20; 3/5	2	4	4	3	2; 3/5	1	2
Вол. б. Кузминская Вангина. Дер. выст. церк.	22; 2/3	1	6	6; 2/3	5	2	—	—
Волостка б. Лаврентьевская Панфильева Селефонтьева	11; 1/3	1	2	1; 1/3	—	3	2	—
Волостка Настасьинские Ивановы жены Григорьева на Лососине озерке	3	—	1	1	—	—	1	—
Выморные								
Деревни, что были земцев Исачка да Матфейка да Ивашка Селивановых детей, да Офимьи Климовские жены Копанкина	5; 2/5	—	1	—	—	1; 2/5	1	—
Монастырские								
Спаса Хутынского монастыря	29	6	7	1	4	3	2	3
Дер. церк. выст. Прибылых	8	5	2	—	—	—	1	—
Всего Спаса Хутынского монастыря	37	11	9	1	4	3	3	3
Своеземцы:								
За Богданом да за Иваном за Григорьевыми детьми Селиванова Косикова	3	1	2	—	—	—	—	—
За Васильем за Ларионовым, что было за отцом его за Ларионом за Ондреяновым Косиковым	4	1	1	—	—	1	—	1
Деревни Юрьевы Селиванова Косикова	3	2	1	—	—	—	—	—
Всего по погосту	125	20	27	17	19	15	8	7
Из них: Черные оброчные	72; 3/5	5	13	16	15	9; 3/5	4	3
Выморные	5; 2/5	—	1	—	—	1; 2/5	1	—
Монастырские	37	11	9	1	4	3	3	3
Своеземцы	10	4	4	—	—	1	—	1

них						Пуст. дер.	Всего дер. с пуст.	Дворов живущ.	Людей	Примечание
8 дв.	9 дв.	10 дв.	11 дв.	12 дв.	13 дв.					
								(6)	(13)	
1	—	—	—	—	—	5	20	62	81	Сч. колич. дер. и дв. вместе с прибылыми
—	1	—	—	—	1	1	21; 3/5	89	104	У писца: дер. 23, дв. 89
—	—	—	—	1	—	2	24; 2/3	75 (1)	89	У писца: дер. 23, дв. 75.
1	—	—	—	—	—	—	11; 1/3	48	59	
—	—	—	—	—	—	3	6	11	12	
—	—	—	—	—	—	—	5; 2/5	21	21	Сч. везде с прибылыми
1	1	1	—	—	—	5	34	114	114	Прибыл. сч. отдельно, как у писца.
—	—	—	—	—	—	—	12	(2) 15	15	
1	1	1	—	—	—	9	46	129	129	У писца: дер. 18, дв. 135, люд. 129.
—	—	—	—	—	—	—	3	5	8	
—	—	—	—	—	—	—	5	15	21	
—	—	—	—	—	—	—	3	4	4	У писца: 6 дер.
3	2	1	—	1	1	21	146	459	528	
2	1	—	—	1	1	11	83; 3/5	285	345	
—	—	—	—	—	—	—	5; 2/5	21	21	
1	1	1	—	—	—	9	46	129	129	
—	—	—	—	—	—	1	11	24	33	

Погост Никольской в Шунге

	Дер. живущих	Из них				Пуст.	Всего дер.	Всего дворов	Людей	Примечание
		1 дв.	2 дв.	3 дв.	4 дв.					
Погост-место										
1) Волость б. Федоровская Остафиевская Глухова	102	91	10	1	—	—	102	(2) 114	232	
2) Волостка б. Михайловская Берденева	18	16	2	—	—	—	18	20	42	
3) Деревни б. Лукинские Федорова	11	10	1	—	—	—	11	12	21	
4) Волостка б. Олександровская Тимофеева	6	4	2	—	—	—	6	8	14	
5) Деревни б. Натальинские Мосеевых Бабкина	11	9	2	—	—	—	11	13	25	
Всего черных оброчных	148	130	17	1	—	—	148	167	334	
6) Монастыря с Палья острова	1	1	—	—	—	—	1	1	1	
Всего по погосту	149	131	17	1	—	—	149	168	335	

Погост Никольской в Шунге

	Дер. живущих	Из них			Пуст.	Всего дер.	Всего дворов	Людей	Примечание
		1 дв.	2 дв.	3 дв.					
Погост-место							(5)	45	
Черные оброчные									
1) Волостка б. Федоровская Остафьева сына Глухова	95	36	51	8	6	101	162	258	У писца: дер. с пуст. 99, дв. 66, люд. 259. Приб. 1 поч. 2 дв. 2 ч.
2) Волостка б. Михайловская Берденева	16	3	12	1	2	18	30	42	У писца: дер. с пуст. 18, дв. 32, люд. 42
3) Волостка б. Александровская Тимофеева	5	3	1	1	1	6	8	17	У писца: дер. с пуст. 6, дв. 9, люд. 15
4) Волостка б. Натальинская Моссевы жены Бабкина	11	4	7	—	1	12	18	24	У писца: дер. с пуст. 12, дв. 20, люд. 24
Всего чер. обр.	127	46	71	10	10	137	218	341	
5) За помещиком Ив. Горюшкиным и его детьми Иванком и Микифором дер. б. Лукинские Федорова	11	10	1	—	—	11	12	19	У писца: дер. 11, дв. 12. люд. 18.
6) Монастырские	2	2	—	—	1	3	2	2	У писца: дер. 4, дв. 4. люд. 2
Всего по погосту	140	58	72	10	11	151	232	362	

Таблица сопоставления поселений Шунгского погоста

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
1.	Кундусова	90) * Кулдасова 2 дв.	35) Кулдусово 2 дв.	1) Кулдусово 2 дв. кр.—4 ч. 2 дв. б.—2 ч.
2	—	—	—	—
3	Деригузово	21) Деригузова 2 дв.	33) Дерагузов наволок 2 дв.	2) Гин-наволок, а Деригузово тож 2 дв. кр.—4 ч. 2 дв. боб,—3 ч.
4	Логовская	32) В Логу 1 дв.	32) В Логу 1 дв.	3) В долу Кузнецовская на Путкоозере 3 дв. кр.—5 ч. (Порядок написания и звуч.)
5	Шишкарева	93) Мишкалева 4 дв.	31) Мишкалева 2 дв. кр. 1 дв. боб. (см. Лыкова и Лихачева)	4) В Тоймове ж губе Карпов наволок 2 дв. кр.—4 ч. 2 дв. б. —4 ч.
6	Гоголева	35) Гоголева 2 дв.	30) Гоголева 3 дв. (Порядок написания—рядом с Большим двор.)	5) у Бошеного двора на поле 3 дв. кр.—5 ч.
7	Большой двор	97) Болшого двора 3 дв.	29) Болшого двора 3 дв.	6) Болшой двор Федоровской Остафьева 3 дв.—6 ч.

* Номер перед названием деревни соответствует ее месту в перечне писцо

ние II

из разных писцовых и переписных книг

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
1) Кондусово 4 дв.—7 ч.	27) Кулдусово 3 дв.	44) Кулдосово 3 дв.—3 ч.	17) Кулдуево 1 дв.—1 ч.	17) Куздосово 1 дв.—1 ч.
7)—что была поч. старый у Кулдусова 1 дв.	28)—что была поч. стар. у Кулдусова Васковский 1 дв. боб.	45)—что б. поч. стар. у Кулдасова Васковский 1 дв.—2 ч.	29) Поч. стар. у Кулдасова Васковский след Панфелова 1 дв.—2 ч.	29) Поч. нов. у Кулдасова 1 дв.—1 ч.
2) Гин-наволок а Дериг-узово тож 4 дв.—6 ч.	103) Гирдь наволок 3 дв. кр. 2 дв. боб. } 5 дв. см. Лихачева	134) Гиндь наволок 3 дв.—3 чел. 2 дв. пуст.	102) За рекою Гин-наволок (дв. Микифорко Иванов **Деригузов**) 1 дв.—1 ч.	102) За рекою Гит-наволок 2 дв.—3 ч.
3) В долу Кузнецовская на Путко-озере 3 дв.—6 ч.	18) В долу Кузнецовская 2 дв. кр. 1 дв. боб. неп.	30) В долу Кузнецовская 1 дв.—1 ч.	91) В долу словет Кузнецовская на сельги 1 дв.—2 ч.	92) В долу 1 дв.—2 ч.
4) В Тоймове ж губе Карпов наволок 6 дв.—11 ч.	17) В Тоймове ж губе Карпов наволок **Мишкарево** тож. 5 дв. кр. 1 дв. боб.	29) В Тоймове ж губе Карпов наволок 4 дв.—4 ч.	84) В Тоймове губе словет Карпов наволок (дв. Иванко, Ишко да Васко Ларивоновы дети **Мишкаревы**) 2 дв.—3 ч.	86) Дер в той же Хоймове губе 1 дв.—3 ч. 85) Дер. в той ж Хоймове губе 1 дв. —3 ч.
5) У Болшего двора 6 дв.—10 ч.	116) У Болшого двора на Подоле 4 дв. кр. 1 дв. боб. неп.	146) У Болшого двора на Подоле 2 дв.—2 ч. 2 дв. пусты	126) У Болшого двора на Подоле 2 дв.—2 ч.	137) у Большого двора на Подоле 2 дв.—3 ч.
6) Болшой двор Федоровской Остафьева 4 дв.кр. -10ч.1дв. боб. 1 место двор.	16) Болшой двор Федоровская Остафьева 4 дв. кр. 1 дв. боб. неп.	28) Болшой двор Федоровской Остафьева 2 дв. кр.—2 ч. 2 дв. пустых	97) Болшой двор Федоровской Остафьева 3 дв.—6 ч.	100) Большой двор Федоровской Остафьева 1 дв.—3 ч.

вой или переписной книги.

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Реизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г
8	Лазарева гора	94) Лазарева 3 дв.	46) Лазарева гора 2 дв. (см. Лыкова, Плещеева и Лихачева)	7) На Лем наволоке. 3 дв. кр.—5 ч. 1 дв. б.—1 ч.
9	Пятаково	96) Пятаково 1 дв.	44) Пятаково 1 дв. (см. Лыкова)	8)—что была пуст. Титовщина у лисих норок 1 дв. кр.—1 ч. 2 дв. б.—2 ч.
10	Гладышево	98) Гладышева 2 дв.	43) Гладышева 2 дв.	9) Рогачева Гладышева 2 дв.—4 ч.
11 11а.	—	—	—	—
12	—	—	—	—

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
8) На Лем-наволоке 5 дв.—9 ч.	26) На Лем-наволоке Лазарева тож 3 дв. кр. 1 дв. б.	43) На Лем-наволоке 3 дв.—3 ч. (дв. Лун Лазарев дв. Савастьянко, Лазарев дв. Володка Лазарев)	92)На Лем в наволоке 1 дв.—2 ч (дв. Володка да Олферко Лазаревы)	93) В наволоке 2 дв.—4 ч.
9)—что была пустошь Титовщина у лисьих норок: 1 дв.	9)—что была пустошь Титовщина у лисьих: норок. 1 дв.—1 чел. (дв. **Пятка** Савостьянов)	42) Пустошь Титовщина у лисьих норок	146) Противу погоста за мостком 1 дв.—2 ч. (по месту расположения)	128) Противу погоста за мостком. 1 дв.—2 ч.
10) Рогачева Гладышева 3 дв. кр.—3 ч. 1 дв. боб. —1 ч. 1 место дворов	62) Рогачево 4 дв. кр.	92) Рогачева Гладышево 1 дв.—1 ч. 2 дв. пусты	68) Рогачева словет Гладышева 2 дв.—3 ч.	69) Рогачево 1 дв.—3 ч.
104) Пустошь, что б. дер. Рогачева Ефимка Кочакова, да к той же пустоши припущена в пашню пуст., 105) что была поч. старый Онтоновской след.	63) Пустошь Рогачево ж Ефимка Кочакова да к той пустоши припущена в пашню Старорогачево Онтоновской след.	93) Пустошь, что была дер. Рогачево же Фимка Кочакова да к той пустоши припущено в пашню поч. старой Рогачево Онтоновской след.	69) Рогачево ж (дв. Ефимко Кочаков). Да в ту же дер. припущ. в пашню поч. ст. у Рогачева ж Онтоновской след. 1 дв.	70) Рогачево ж 1 дв.—1 ч. 71) Поч. у Рогачева ж. (дв. Онтонко Михалев)
—	—	—	63) на Рогачеве Ескинский след Двор пуст.	64) —на Рогачеве (дв. Еска да Павлик) 1 дв.—2 ч.

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
13	Курникова	80) Курникова 3 дв.	82) Корнилово 2 дв. (пов. описка)	10)—что была пуст Чюриково 1 дв.—2 ч.
14	Горлова	—	—	11) Оринская Горлова 2 дв —4 ч.
15	Клешево	73) Клишева 4 дв.	85) Клишова 3дв. (см. Лыкова и Лихачева)	12) Лембетово 4 дв. кр.—8 ч. 1 дв. б.—1 ч.
16	Одинцово	78) Одинцова 3 дв.	84)Одинцова 4дв (см. Плещеева и Лихачева)	13) На Кошкине острову Раковская 3 дв. кр.—7 ч. 1 б.—1 ч.
17	Дорохова	74) Дороховская 2 дв.	86) Дорохово 2 дв. (порядок написания)	14) Сокольничей след Давыдовская 2 дв. кр.—4 ч. 3 дв. б.—3 ч.
18	Акимовщина (описка)	76) Онисимовщина 1 дв.	88) Анисимовщина 1 дв.	15)—что была пустошь Онисимка да Ондрейка 1 дв.—2 ч.

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
11) Пуст., что б. дерев. Чюриково	88) Пуст., что б. дер. Чюрикова **Офонасовская** тож	119) Пуст., что б. дер. Курикова	67) Куриково 2 дв.—3 ч. (дв. **Офонаско** Тимоф. Кокоева)	68) Курниково 2 дв.—3 ч.
12) Орининская Горлова 6 дв.—7 ч.	12) Орининская В ней двор. монаст.	64) Орининская 2 дв.—2 ч. 2 дв. пусты	94) Орининская Горлова 2 дв.—2 ч. (дв. Сенка Васильев Горлов)	67) Оринская 1 дв.—1 ч.
13) Лем остров 6 дв. кр.—6 ч. 3 дв. б.—3 ч.	36) Лембитова на верх. Шенге **Илишева тож** 6 дв. кр. 2 дв. боб.	56) Лембитова 5 дв.—5 ч. (дв. Ивашко **Климентьев**)	34) Лембитово (**дв. Клишко** Левонтьев) 2 дв.—4 ч.	34) Лембитово 1 дв.—2 ч.
14) На Кошкине острову Раковская 4 дв. кр.—5 ч. 1 б	37) На Кошкине острову Лорковская Раковская тоже 4 дв. кр.	37) На Кошкине острову Лорковская 3 дв.—3 ч. (дв. Ивашко Одинцов. дв. Якушко **Одинцов**, дв. Фомка Одинцов)	35) На Кошкине острову словет Ларковская 2 дв.—3 ч. (дв. Фефилко Федоров **Одинец**)	35) Дер. на Кокшину острову 1 дв.—3 ч.
15) Сокольничев след Давыдовская 4 дв. кр.—5 ч. 2 дв. б.—2 ч.	34) Соколнич след Давыдовская тож 4 дв. кр.	54) Соколнич след Давыдовская 2 дв.—2 ч, да 2 дв.—пусты	28) Сокольнич след словет Давыдовская 2 дв.—4 ч.	28) Сокольнич след 1 дв.—4 ч. (дв. Давытко да его дети)
16)—что была пуст. Онисимка до Ондрейка 2 дв.—5 ч.				

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
19	—	—	—	—
20	Якшина	77) Якшина 4 дв.	89) Якшина 2 дв. (см. Лихачева)	16) У Чемясова наволока вверх Шунги, а Мечев наволок тож 1 дв.—2 ч.
21	Вир наволок	—	—	—
22				18) На берегу реки Панфиловская на Шунском острову 1 дв. кр.—2 ч. 1 дв. боб.—1 ч.
23	Буйносова	—	—	19) На реке на берегу на яме Боносово 1 дв. кр.—2 ч. 1 дв. б.—1 ч.
24	Шунская губа (порядок написания и располож.)			

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
107) Пустошь, что б. дер. Шапкина	—	—	26) Поч. старый на той же губе на яме словет Шапкинская 1 дв.—2 ч.	26) Поч. на той же губе на яме 1 дв.—2 ч.
17)—у Чемесова наволока вверх Шунги, а Мечев наволок тож 1 дв.—2 ч.	35) Пустошь, что была дер. у Чеметова наволока вверх Шунги	55) У Чюметова наволока вверх Шунге 1 дв — 1 ч. 5 дв. пусты	33) У Чометова наволока вверх Шунге 3 дв.— 5 ч. (дв. **Якуш** Селифонов)	33) У Четевой вверх Шунги 1 дв.—2 ч.
21) Вир наволок на Святой губе 1 дв.—2 ч.	31) Вирнаволок пуста А в ней двор пуст	51) Вир наволок 1 дв.—2 ч.	22) В Вернавлоке 1 дв.—2 ч.	22) На Вирнаволоке 1 дв.—2 ч.
19) На берегу реки Панфиловская на Шунском острову, 3 дв.—4 ч.	32)—на берегу на реке Панфиловская на Шунском острову 2 дв. кр.	52)—на берегу на реке Панфиловская на Шунском острову на берегу—1 дв. —1 ч. 2 дв. пусты	24) На берегу на реке словет Панфиловская 1 дв.—2 ч.	24) На берегу на реке 1 дв. —1 ч.
20) На реке на берегу на яме Боносово 2 дв. кр.—3 ч. 1 место двор.	33) На берегу на яме Буйносовское 2 дв. кр.	53) На берегу на яме Буйносовское 2 дв. кр.— 2 ч.	25) На берегу ж на яме словет Буйносовская (дв. Никитка Буйносов) 2 дв.—3 ч.	25) На берегуж на яме 1 дв.—2 ч.
22) Дер. Валваницы, а Мининская тоже 1 дв.—1 ч.	106) Пуст. на Шунге озерке Овчинниковская	137) Пуст, что б. дер. на Шунге озерке Овчинниковская	103) В Валгининцах на Шунге озерке Овчинниковская 2 дв.—3 ч.	103) Ваглоба на Шунье озерке (дв. Гридка-овчинник 1 дв.—1ч.

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
25	Рогатковщина	79) Рогатковщина 1 дв.	83) Рогатковщина 1 дв. (Поряд. написания и располож.)	20) На Лем-наволоке Краснова на Лемкове наволоке на Святой губе, 3 дв.—5 ч.
26	Соловарова	81) Соловарова 2 дв.	81) Соловарово 1 дв.	21) На Пут берегу Соковарово 1 дв.—2 ч.
27	Фомина	82) Фомина 6 дв.	80) Фомина 5 дв. (см. Сабурова. Лихачева, Плещеева, Панина)	22) На Шунге озерке Иванка Ларионова, а Фомина тож. 5 дв. —15 ч. 2 б.—2 ч.
28		2) Белозерова 1 дв.	36) Белозерова 1 дв. (см. Плещеева и Лихачева)	23) Исвона 4 дв. —6 ч. 1 б.—1 ч.
29	Якимова	48) Якимова 3 дв.	37) Екимова 3 дв. (указание на живш. при Плещееве Якимовых и порядок написания)	24) В Няж (Вняж) Деревня ж. а в Нане тож 3 дв.—5 ч.

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
23) На Лем наволоке Красново на Ломкове наволоке на Святой губе 3 дв. кр.—5 ч. 2 д. боб.—2 ч.	30) На Лен наволоке Красново Леков наволок на той же губе 5 дв. кр.	50) На Лем наволоке Красново Лемков наволок на сторожe губе 3 дв.—3 ч.	23) На Лембой наволоке Крисново 1 дв.—2 ч.	23) На Лембой наволоке 1 дв.—1 ч.
24) На Пут беберегу Соковарова 2 дв.—3 ч. 1 дв. б.—1 ч.	29) На Путь берегу Соловарова 1 дв.	49) На Пут берегу Соловарова 1 дв.—1 ч. (дв. Степанко **Григорьев**)	20) На Пуд-берегу словет Соловаровская (дв. Гришки Филин **Соловарова**) 1 дв.—1 ч.	20) На Пуд—берегу (дв. Ивашко Головарь) 1 дв.—1 ч.
25) На Шуньге озадке (озерке) Иванка Ларионова, а Фомина тож. 9дв. кр.—13ч. 2 дв. б.—2 ч.	110) На Шюньге озере, Иванка Кирилова 7дв. кр. 2 дв. боб.	141) На Шунге озерке Иванка Кирилова 7 дв.—7 ч. 1 дв. б.—1 ч. (дв. Иванка **Кирилова**)	120) на Шунге озерке 2дв.—4 ч. (дв. Иванко Кирилов)	131) На Шунге озерке 2 дв.—3 ч. (дв. **Фомка** Фетков. да его дети Кирилко да Филипко)
26) Нонам 5 дв.—5 ч.	69) Идона 1 дв. кр.—1 дв. боб.	99) Идана 2 дв.—2 ч. 4 мест. двор. (дв. Онисимко **Васильев сын Белозерова**)	73) Идана 2 дв.—4 ч. (дв. Онисимко Белозеров)	75) Идино 1 дв.—4 ч.
27) Ня, а в Нане тож. 5 дв.—6 ч. 1 дв. б. —1 ч.	71) в Ня же, а в Няне тоже да к ней припущена в пашню другая Няня же 4 дв. кр.	101) в Няпе ж 4 дв.—4 ч. 1 дв. пуст. (дв. Ондрюшка **Якимов**, дв. Васюк **Якимов**, дв. Нежданко **Якимов**, дв. Федорко Иванов) 4 дв.—4 ч.	74) Федорова в Няпе 2 дв.—3 ч.	76) Федорова в Няпе . 1 дв.—2 ч.

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
30				
31	Порожек	3) Порожская 2 дв.	38) Порожек 2 дв.	25) Порожек на речке на Порожке 3 дв.—5 ч.
32				
33	—	—	—	—
34	Лобская матка	4) Лопская матка 1 дв.	61) Лопская матка 1 дв.	26)—что была починок старый на Лопской ж матке 1 дв.—2 ч. 1 дв. б.—1 ч.
35	Пустошь			
36	Куднаволок	5) Куднаволоцкая 2 дв.	63) Кутнаволок 2 дв.	27) В Куднаволоке на Жабгуб. 1 дв.—2 ч. 1 дв. б.—1 ч.

Продолжение

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
—	—	102) Пуст., что б. дер. другие Няпа	75)—в Няпе же 2 дв.—2 ч.	77) в Няпе 1 дв.—4 ч.
28) Порожек на речке на Порожке 3 дв.—4 ч. 1 дв. б.—1 ч.	74) Порожек на речке на Порожке 1 дв. кр.	105) Порожек на речке на Порожке 1 дв.—1 ч.	76) У Порошка 2 дв.—2 ч.	78) у порошка 2 дв.—2 ч.
10) Пуст., что б. дер. Строхинкая Нанновская на речке у порошка	75) Пуст., что б. дер. Огрохинская Апаковская у речки у Порошка	106) Пуст., что б. дер. Огрухинская Палковская у речки у Порожка	77) У порошка ж 1 дв.—2 ч.	79) у Порошка. 1 дв.—1 ч.
—	—	—	78) Порожек 1 дв.—1 ч.	80) Порожек 1 дв.—2 ч.
29)—что была починок старой на Лопской же матке 4 дв.—7 ч.	82)—что была поч. старой на Лопской матке 3 дв. кр.—1 дв. боб.	113)—что была поч. старой на Лопьской же матке 2 дв.—2 ч.	80) Поч. старой на Лопской же матке 1 дв.—2 ч.	82) Поч. на Лопской матке 1 дв.—2 ч.
3) Пуст. Лопская матка	83) Пуст., что б. дер. на Лопской матке	114) Пуст., что б. дер. на Лопской же матке	79)—на Лопской матке 2 дв.—2 ч.	81) На Лопской матке 2 дв.—2 ч.
30) В Куд наволоке на Жаб губе 2 дв.—3 ч.	109) На Жаб-губе в Кут наволоке 2 дв. кр.	40) На Жаб губе в Куд наволоке 2 дв.—2 ч. 2 дв. пуст.	106) На Жаб губе в Куд-наволоке 2 дв.—2 ч.	106) На Жаб губе в Куд наволоке 1 дв.—3 ч.

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
37	Никонова губа	61) Никонова губа 4 дв.	34) Никонова губа 3 дв.	—
38	Тимохова	55) Тимохова на Валгомо озере 1 дв.	40) Тимохова 1 дв. (см. Сабурова, Лихачева, Плещеева, Лыкова)	29) За рекою на Валгоме озерке Мелгуевзская 2 дв.—4 ч.
39				
40	—	—	30) Кадушево 1 дв. (помещ. на карту в порядке записи)	30) Кайбушева у Валгомо-озера 1 дв.—2 ч. 1 дв. б.—1 ч.
41	Воробьева гора	1) На Воробьевой горы 1 дв.	42) Воробьева 1 дв.	31) На нивицах Воробева 2 дв — 4 ч.

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
61)—что была пуст. в наволоке ж. Никонова губа 1 дв.—3 ч.	49) Пуст. что б. дер. в наволоке ж. Никонова губа	70)—в наволоке ж Никонова елуга (губа) 3 дв. пусты	43) В наволоке словет в Никоновe губе 2 дв.—2ч.	43) В наволоке 2 дв.—2 ч.
32) За рекою на Валгоме озерке Мелгуевская 3 дв.—5 ч. 2 м. дворовых	107) Над рекою на Валгоме озерке Мелгуевская, 3 дв. кр. (дв. Офонка **Игнатьев** дв. Степанко **Илин**)	138) за рекою на Валгоме озерке Мелгуевская 3 дв.—3 ч. 2 дв. пуст (дв. **Илейка Игнатьев** дв. Мартьянко **Игнатьев**)	104) за рекою на Валгоме озерки Мелгуевская 2 дв.—4 ч. (дв. **Игнашко Тимофеев**)	104) за рекою на Валгоме озере 1 дв.—4 ч. (дв. Ларионин Мелгуев да его дети Ивашко да **Тимошка** да Васко)
113) Пуст., что б. поч. на Валгоме озерке Васотковской след Ларивонова	108) Пуст., что был старый поч. на Валгоме озерке Васюковской след Ларионова.	139) Пуст., что был стар. поч. на Валгоме озерке Васюковской след Ларионова	105) Поч. стар. на Валгоме озерки Васюковской след Ларионова. Двор пуст	105) Поч. тут же на Валгом озерке поставл. после письма дв. Васюк Ларионов 1 дв.—1 ч.
33) Кайбушева у Валгома озерка 2 дв.—3 ч. место двор.	68) Кабышево у Валгомо озера 1 дв. 2 м дворов.	93) Кайбышево у Валгома озера. 1 дв.—2 ч. 2 дв. пуст.	62) Вачюевская словет Кайдушева на горки 2 дв.—2 ч.	63) Вачюево Гричковская (дв. Патрок Вачюев.) 1 дв.—3 ч.
34) На нивицах Воробьева 2 дв.—5 ч. 2 м. дворов	65) На нивицах Воробево 2 дв. кр.	96) На нивищах Воробево 2 дв.—2 ч. 2 дв. пустых (дв. Иванко Иванов сын Воробьева)	64) Кондратовская словет Воробево (дв. Митя да Рогозина Воробьевы) 2 дв.—3ч.	65) Кондратовская 1 дв.—2 ч.

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
42	Корабейникова	50) Коробейникова 3 дв.	52) Корабейникова 2 дв.	32) Матвеевская Коробейникова у речки у Ежевичи 2 дв.—4 ч.
43	Лахнова	51) Лахнова на Валгомо озере 6 дв.	51) Лахновая 5 дв.	33) Вячевская Вяхново у Валгомо озера 4 дв. —7 ч. 3 дв. б. —4 ч.
44	Реч наволок	52) Речь наволок 4 дв.	77) Рець наволок 3 дв.	34) Рог наволок у Онежского озера на Кузнецове поляне 5 дв.—8 ч. 2 дв. боб.—2 ч.
44а	—	—	—	—
45	Северная Юрьевичи	53) Юревичь на Онежской Шунской губе 2 дв.	78) в Юринцах 3 дв.	35) в Юревичах Макарка Оксенова 1 дв. — 1 ч.

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
35) Матфеевская Коробейникова у речки у Ежевичь 5 дв.—7 ч. 1 б.—1 ч.	72) Матфеевская Коробейникова у речки у Язжевич 4 дв. кр.	103) Матвеевская Коробейника у речки у Язжевич 2 дв.—2 ч. 1 дв. пуст. (см. Лихачева и Сабурова)	61) на Ежжовой речки 2 дв.—3 ч. (дв. Куземка да Малга **Коробейниковы**)	62) На Ежжовой реке 1 дв.—2 ч. (дв. **Матфейко** Филипов да сын его Кондрат).
36) Вячевская Вахново у Валгом озера 5 дв.—9 ч. 2 дв. б.—2 ч.	73) Вачe (в) ская Лахнова у Валгома озера 5 дв. кр. 1 дв. б.	104) Вачевская Лахнова у Валгома озера 3 дв.—3 ч. 2 дв. пуст.	58) У Валгом—озера словет Лахановская на берегу 2 дв.—4 ч. (2 обжи с третью) Осн. колич. обеж	59) Волосово 1 дв.—3 ч. (2 обжи с третью и порядок написания)
37) Рюг наволок у Онежсково озера на Кузнецове поляне 6 дв.—11 ч.	81) Рюг-наволок у Онежского озере на Кузнецове полянке 5 дв. кр.	112) Рючнаволок у Онескова озера на Кузнецове поляне 3 дв.—3 ч. 1 дв. место Горнастаиской	70)У Онежского озера на Кузнецове поляне словет Рюч наволок 2 дв.—3 ч.	72) у Онежского озера на Кузнецове поляне 2 дв.—2 ч.
118) Пуст., что была дер. Горнастаева (сросл. с Рюг наволоком—см. Плещеев 112)	—	—	—	—
38) В Юрьевичах Ма (ка)рка Оксенова 1 дв.—2 ч. 3 м. дворовых	111) В Юревичах Марка Оксент (ье) ва 1 дв. кр.	143) В Юревичах Макарка Оксентьева 1 дв.—1 ч. 1 дв. пуст (см. Лихачева и Сабурова)	121) В Юрьевичах (дв. Макарка **Оксентьев** да Нечайко **Игнатьев**) 1 дв.—2 ч.	134) В Верговичах же (дв. Максимко да **Игнатко**) 1 дв.—2 ч. 1 дв. б.

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
46	Летняя Юрьевичи	54) Другая Юрьевич 2 дв.	—	36) Юрьевичи 1 дв.—1 ч.
47				
48	Елина гора (в списке нас. мест № 73—Енина гора)	85) Енина 2 дв.	50) Генина 3 дв.	37) Суземя Нутреева 3 дв.—5 ч. (см. Лыкова и Лихачева)
49	Глухая	—	79) Глухие 3 дв.	38) Карчеева Васильевская тож 3 дв.—8 ч. 1 дв. б.—1 ч.
50	У камня	—	—	—

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
39) Юрьевичи 2 дв.—2 ч. 2 дв. б.—2 ч.	112) Вь Юрьевичах же 1 дв. боб. неп.	142) Пуст., что б. дер. Юревичи	122) в Юрьевичах же 1 дв.—3 ч.	133) В Верговичах 1 дв.—2 ч.
131) Пуст., что б. дер. третя Юревичи	—	144) Пуст., что б. дер вь Юревичах же	123) в Юрьевичах. Двор пуст	132) В Верговичах 1 дв.—1 ч.
40) Суземя Нутреева 5дв.—10 ч. 1 дв. б.—1 ч.	61) Суземье на Нутри Еленина гора. 4 дв. кр. 1 дв. боб.	91) Суземе на нутре Анина 2 дв.—2 ч. 3 дв. пусты.	53) Суземье словет на нутри **Енина** (дв. Филипко **Енин**) 2 дв.—2 ч.	54) Суземье 1 дв.—ч.
42) Карчеева Васильевская тож. 4 дв.—13 ч.	57) Харгеева Василевская тоже 3 дв. кр. 1 дв. боб. неп.	87) Харгеева Василевская тож 3 дв.—3 ч. 3 дв. пусты (дв. **Павелко Остафьев**, дв. Жданко Леонтьев, дв. Корнилко **Резанов**)	60) Новинка за мостком словет над Онегом 2 дв.—2 ч. (дв. Левка **Остафьев**, дв. Иванко Зеновьев Резан)	61) Новинка за мостком села после писма 1 дв.—2 ч.
41) Нагреева Фоминская 2 дв.—2 ч. 2 дв. б.—2 ч.	56) Нагриево Фоминская 2 дв. кр.	86) Кагреева Фоминская 2 дв.—2 ч. 1 дв. пуст.	45) Кагреево словет Фоминская 3 дв.—6 ч. (из них 2 ч. Фомины)	45) Нагреева 1 дв.—4 ч. (дв. Окатик, да его сын Микифорко, да **Фомка**, да Лука.)

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
51	Новоселова	47) Новоселова 1 дв.	47) Новоселова 1 дв. (см. Плещеева и Лихачева)	39) у зимника Ивашки Денисова 3 дв.—5 ч.
52	Ступинская Гладкой бор. тож.			
53				
54	Никонова гора	87) Никонова гора 2 дв.	49) Никонова 2 дв.	41) Никонова 2 дв.—5 ч. 1 б.—1 ч.
55				

Продолжение

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
43) у зимника Ивашки Денисова 4 дв.—6 ч.	121) у зимника Ивашки Денисова 3 дв. кр.	155) у зимника ж. Иванка Денисова (2 дв.—2 ч.) дв. **Степанко** Иванов сын **Новоселова**, дв. Павлик Иванов **Новоселова** сын)	130) у зимника ж. 1 дв.—2 ч. (дв. **Иванко** Денисьев да сын его **Степанко**)	140) у зимника 1 дв.—2 ч.
120) Пустошь, что была дер. Каргиева сига	77) Каргиева сига 1 дв. 1 место двор.	108) Кагриева Се(л)га 1 дв.—1 чел. 1 дв. пуст.	46) Кагриева Селга 1 дв.—1 чел.	46) Кагриева Селга 1 дв. 2 чел.
121) Пуст., что была дер. Новинка на Корбе над Волом озером. (паш. дер. Шамардинской)	58) Новинка на Корбе над Валгом озером Окатовская 1 дв. кр. 1 м. дворов	88) Новинка на Корбе над Валгом озером Окатовская 1 дв.—1 ч. 1 дв. пуст.	52) Новинка на Корбей словет Окатовская над Валгом озером 1 дв.—2 ч.	52) Новинка на Корхь (дв. Грндка Фофанов да сын его Окатко) 1 дв.—2 ч.
45) Никонова 7 дв.—12 ч.	60) Никоновская 4 дв. кр. 1 дв. боб.	90) Никоновская 2 дв.—2 ч. (дв. Жданко Никонов и дв. Иванко Бовыкин)	56) Нанивишах словет Никонова на нутри (дв. Вовыка и Михалка Никоновы) 1 дв.—2 ч.	57) В нивишах 1 дв.—2 ч.
119) Пустошь Микитинская Тукачевская (паш. кр. от зимника Ив. Денисова)	78) Пуст. Никитинская Тукачевская тож	109) Пуст. Никитинская Тукачевская	57) На нивишах же на Нутри 1 дв.—2 ч. (дв. Микитка Тукач и Тимошка Шкул)	58) На нивишах же 1 дв.—1 ч.

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
56	Клочева	88) Клочева 4 дв.	48) Клочово 3 дв. (см. Лихачева и Сабурова)	42) На селище Шамординская на Валгом озере Клочово тож. 3 дв.— 5ч.
57	Скоморохова	56) Скоморохова 1 дв.	99) Скоморохово 1 дв. (см. Сабуров)	43) Очевченица Скоморохова тож. 2 дв.— 4 ч. 1 дв. боб.— 1 ч.
58	Фетково	57) Феткова 4 дв.	98) Ветково 3 дв. (см. Лыкова, Плещеева и Лихачева)	44) в наволоке Вачеевых Микифоровская 2 дв.—3 ч. 1 дв. б.—1 ч.
59	Оксентьева	58) Оксентьева 3 дв.	97) Аксентьево 2 дв.	45) в наволоке ж Оксентьева Коробейниково 1 дв.—2 ч. 3 дв. б.—4 ч.
60	В наволоке	60) В наволоке 1 дв.	95) В наволоке 1 дв. по порядку записей	46) На купецком наволоке Илютина 3 дв.—6 ч. 2 дв. б.—2 ч.

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
46) На селище Шамардинская на Валгом озере Клочова тож. 8 дв. 14 ч. 1 дв. боб.	59) На селище Шомардинская над Валгом озером 4 дв. кр. 2 дв. б. да место двор.	89) На селище Шомардинская над Валгоозером 2 дв.—2 ч. 1 дв. пуст.	54) На селище Шамардинская над Валгом озером (дв. Васюк Иванов **Клоч**) 2 дв.— 2 ч.	55) На селище (дв. Васко **Шалярдай** да сын его Фетко) 1 дв.—4 ч.
47) Очевченицах Скоморохова 2 дв.—5 ч. 1 дв. боб.	55) в Кивченицах Скоморохова 2 дв. кр. 1 м. дворов.	85) в Кевченицах Скоморохова. 1 дв.—1 ч. 2 дв. пусты	44) В Кевтеничах Скоморохово 1 дв.—2 ч	44) На Кишстове (дв. Микулка Скоморох да сын его Ивашко) 1 дв.—2 ч.
48) в наволоке Вачюевых Никифоровская 4 дв.—4 ч. 2 дв. б.— 2 ч.	54) в наволоке Вачуевых Никифоровская 3 дв.—кр. 1 дв. б.	84) в наволоке Вачюевых Никифоровская Федорова 2 дв.—2 ч. (дв. Оверкийко Федоров)	41) в наволоке же словет Вачюевых (дв. Микифорко Федоров да Петрушко Фомин) 1 дв.— 2 ч.	42) в наволоке ж (дв. Гридка Вачуев да сын его Сенка...) 1 дв.—3 ч.
49) в наволоке ж Оксентьева Коробейникова 4 дв.—4 ч. 3 м. дворов	52) в наволоке ж Оксентьева Коробейниковах 2 дв. кр. 4 м. дворов	82) в наволоке ж Оксентьева Коробейниковых (дв. Панкратко Оксентьев да Сенка Оксентьев) 5 дв.— 6 ч. 1 дв. пуст	42) в наволоке ж словет Оксентьева Коробейниковых (дв. Сенка да Панкратка Оксентьевы) 2 дв.—4 ч.	41) в наволоке 1 дв. 2 ч.
50) На купецком наволоке Илютина 5 дв.—12 ч. 2 д. б.—2 ч.	51) на купецком наволоке Илютина 3 дв.—кр. 1 дв. б.	81) на купецком наволоке Илютина 1 дв.—1 ч. 4 дв. пуст.	39) на купецком наволоке Илютино словет Гавшино 2 дв.—4 ч.	39) на купецком наволоке Илютино 1 дв.—3 ч.

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
61	Басино	59) Басина 3 дв.	96) В Басине 2 дв. (порядок записей и звучание Басино-Васино)	47) В Ылине наволоке в Василевском наволоке 3 дв.—4 ч.
62	Кефтеница	62) Кефтеницы 11 дв.	100) Кефтеницы 7 дв.	48) На Киркине губе Марковщина 5 дв.—10 ч. 3 дв. б.—4 ч.
63	Часовенска Кефтеница	63) Часовенска 4 дв.	101) Часовенская 3 дв. (см. Сабурова, Лихачева и Плещеева)	49) Степановская Омельянова в той же губе у часовни 2 дв.—4 ч.
64	Есина Кефтеница	64) Есина 10 дв.	102) Есино 6 дв. (см. Лихачева и Плещеева)	50) в Китине губе Кузнецовская 2 дв. —4. ч. 1 дв. б.—1 ч.
65	Кажма	65) Кажма 10 дв.	64) Кожма 7 дв.	51) на Кажме Гришки Фролова 8 дв.—13 ч. 2 дв. б.—2 ч.

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
51) в Ыльине наволоке в Васильевском наволоке 4 дв.— 7 ч.	50) в Ылине наволоке и в Васильевском наволоке тож 2 дв. кр.	80) в Ыльине наволоке и Васильеве наволоке тож. 1 дв.—1 ч. 3 дв. пусты	40) в Ильине наволоке словет в Васильеве наволоке 2 дв.—2 ч.	40) Ильине наволок 1 дв.—1 ч.
52) На Киркине губе Марковщина 10 дв.—13 ч. 4 д. б.—4 ч.	47) на Кифтине ж губе Марковщина 8 дв. кр. 1 дв. б.	68) на Кифтине ж губе Марковщина 4 дв. кр.—4 ч. 5 дв. пусты	50) на Кифтине ж губе словет Марковщина. 2 дв.—3 ч.	51) в Кефтене ж наволоке (дв. **Марко** да брат его Фетко) 1 дв.—2 ч.
53) Степановская Омельянова в той же губе у часовни 3 дв. кр.— 10 ч.	45) Степановская Омельянова в той же губе у часовни 2 дв. кр. 1 дв. боб. неп.	66) Степановская Омельянова в той же губе у часовни—пуста 3 дв. пусты	49) на Кефтине же губе (дв. Степанко Омельянов и др.) 2 дв.—4 ч.	49) на Кефтине губе (дв. Омельянко) 2 дв.—2 ч.
54) в Китине губе Кузнецовская 7 дв.—11 ч. 1 дв. б.— 1 ч.	43) в Китине губе Кузнецовская 4 дв. кр. 1 дв. боб.	64) в Кетене губе Кузнецовская 3 дв.—3 ч. (дв. Максимко кузнец. дв. Юрка **Есипов**)	48) в Кевтине губе словет Кузнецовская 1 дв.—1 ч. (дв. **Есипко** Офромеев **кузнец** пол—обжи)	48) на Кефтене губе 1 дв.—2 ч. пол—обжи
55) на Кажме Гришки Фролова 10 дв.— 15 ч. 2 дв. б.—2 ч.	42) на Кажме Гришки Фролова 6 дв. кр.	63) на Кажме Гридки Фролова 5 дв.—5 ч. да 5 дв. пуст.	38) на Кажме (дв. Гридка Фролов) 2 дв.—2 ч.	38) на Кажже (дв. Терех да брат его Флорко) 1 дв.—2 ч.

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
66	Медведева	66) Медведева 3 дв.	65) Медведева 3 дв. (см. Лыкова и Лихачева)	52) Огафоновская 4 дв.—6 ч. 2 дв. б.—3 ч.
67	Горская	67) Горска 2 дв.	93) Русская 2 дв. (порядок записи)	53) Шихи в мандеры 5 дв.—8 ч. 2 дв. б.—3 ч.
68	Береска	68) Береска 2 дв.	94) Береская 2 дв. (порядок записи)	54) Старая у Мордвина поля 1 дв.—2 ч. 1 дв. б.—1 ч.
69	Лыковщина	69) Лыковщина 1 дв.	91) Лыковщина 1 дв. (Порядок записи)	55) Региматка в зимнем наволоке на Уме речке 1 дв.—1 ч.
70	Региматка	70) Региматка 3 дв.	90) Региматка 3 дв.	56) Старая у Региматки Манухиновской след. 2 дв.—5 ч. 1 дв. б.—2 ч.
71	Нефедово	23) Нефедова 2 дв.	10) Нефедово 2 дв. (см. Лихачева и Плещеева)	57) Большой двор Михайловский Берденева 2 дв.—3 ч. 1 дв. б.

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
56) Огафоновская 5 дв.—10 ч. 1 дв. б	91) что был поч. Огафоновский, а Медведева тоже 6 дв. кр. 1 дв. б.	122) что был поч. Огафонков 2 дв.—2 ч. 2 дв. пусты	101) Поч. Огафоновский (дв. Огафонко Васильев Медведев) 2 дв.—2 ч.	—
57) Хиши в мандеры 6 дв.—9 ч. 2 дв. б.—2ч.	41) Хащен в мангаре 5 дв. кр. 1 дв. б.	62) Хашне в мангаре 3 дв.—3 ч. 1 дв. пуст.	32) Хашен словет в мандере 1 дв.—2 ч.	32) Хашун 1 дв.—2 ч.
58) Старая у Мордвина поля 2 дв.—2 ч. 2 дв. б.—2 ч.	38) что был поч. старый у мордвина поля Тушкуева 3 дв. кр.	59) что был починок старый у мордина поля 1 дв. да 2 дв. пусты	31) поч. старый у Шамардина поля 1 дв.—2 ч.	31) поч. у Мамардина поля 1 дв.—2 ч.
59) Региматка на зимнем наволоке на Уме речке. 3 дв.—4 ч.	40) Региматка зимнаволок 1 дв. кр.	61) Региматка в зимноволоку. 1 дв.—1 ч.	129) у зимника 1 дв.—1 ч. (Дер. А. Тимофеева)	139) у зимника 1 дв.—1 ч. (писаны не по порядку)
60) Старая у Региматки Манухинской след. 3 дв.—5 ч.	39) что был поч. старой у Региматки Манухинской след. 1 дв. кр. 1 дв. б.	60) что был поч. старой у Региматки Манухинской след. 1 дв.—1 ч. да место дворовое	30) Поч. старой у Региматке Манухинской след. 1 дв.—2 ч. см. Сабурова	30) Поч. после писма у Региматки: (дв. Мануха Гридин) 1 дв.—1 ч.
62) Болшой двор Михайловский Берденева 5 дв.—12 ч. 1 дв. б.	105) Болшой двор Михайловская Берденева 3 дв. кр. 1 дв. б.	136) Болшой двор Михайловская Берденева 3 дв.—3 ч. 2 пусты (дв. Левка Нефедов)	108) Болшой двор Михайловский Берденева (дв. Левонтейко Нефедьев) 3 дв.—3 ч.	108) Болшой двор Михайловский 1 дв.—3 ч.

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
72				58) против погоста в наволоке 1 дв.—2 ч.
73	Карпин наволок	24) Карпь наволоцкая 3 дв.	11) Карп наволок 3 дв. (см. Писемского и Панина)	54) над озерком на Тмине наволоке, а Карпин наволок тож 4 дв.— 9 ч. 2 дв. б.—2. ч.
74	Селезнева	25) Селезнева 4 дв. (см. Лихачева, Панина, Писемского)	12) Селерденева 4 дв. (порядок записи и звучание)	60) на Тоймове губе Селезнего 6 дв.—11 ч. 2 дв. б.—2 ч.
75	Дергачева	26) Ергачева 2 дв.	76) Ергачево 2 дв. (см. Лихачева, Плещеева, Панина)	61) на усть Путки реки над озерком Дергачово тож. 2 дв.—5 ч. 2 дв. б.—3 ч.
76	Пахомово	20) Паломовская 1 дв. (порядок записи и звучание. Пов. описка)	75) Пахомова (см. Лихачева, Плещеева) 1 дв.	62) на нивищах Пахомовское на Жаб—губе 2 дв.—3 ч. 1 дв.—1 ч.

Продолжение

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
63) против погоста в наволоке 3 дв.—3 ч.	104) против погоста в наволоке 2 дв. кр.	135) против погоста в наволоке 1 дв.—1 ч.	107) против погоста в наволоке (дв. Сенка Иванов Коячев да Истомка Григорьев) 1 дв.—2 ч.	107) против погоста в наволоке 1 дв.—1 ч.
64) над озерком на Тмине наволоке, а Карпин наволок тож. 7 дв.—14 ч.	23) над озерком на Тойвине наволоке 6 дв. кр.	39) над озерком на Тойвене наволоке 4 дв.—4 ч. (дв. Гришка **Васильев**, дв. Микитка Остафьев и др.)	95) на Тойвине наволоке 3 дв.—5 ч. (дв. **Осташко** Исаков. дв. **Васюк** Хвалим и др.)	98) на Тойвине наволоке 1 дв.—3 ч.
65) на Токмове губе Селезенева тож. 9 дв.—13 ч. 3 дв. б.—3 ч.	9) в Тоймове губе 8 дв.—кр. 1 дв. боб	21) в Тоймове губе 6 дв.—6 ч. (дв. Терех Федоров Зотик Федоров (дв.) дв. Первушка **Яковлев** и др.	83) в Тоймове губе (дв. Тимошка да **Якуш Селезневы**) 2 дв.—4 ч. (дв. Терешка и Зотийко Федоровы)	85) в Хоймове губе 1 дв.—2 ч.
66) на усть Путки реки над озерком Дергачева тож. 6 дв.—11 ч. 2 дв. б.—2 ч.	84) на усть Путке над озерком 4 дв. кр. 2 дв. б.	115) на усть Путке над озерком 3 дв.—3 ч. (дв. Огафонко Ергачев)	94) на усть Путке над озерком (дв. Огафонко Матфеев Ергачов) 2 дв.—3 ч.	97) на усть Путки над озерком 1 дв.—2 ч.
67) на нивишах Пахомовская на Жаб—губе 4 дв. кр. 2 м. двор.	93) на нивишах Пахомовская Куземки да Белака Ефимовых на нивицы конец Жаб губы 3 дв. кр. 1 дв. б.	124) на нивищах же Пахомовская Куземки да Беляйка Пахомовых на нивицы конец Ажаб губы 4 дв.—4 ч.	110) на нивищах же (дв. Куземко да Беляйко Пахомовы) 2 дв.—3 ч.	110) на нивищах 1 дв.—3 ч. (дв. Коземка и др.)

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
77	Могучева	19) Могучевская а Беляевская тож 1 дв.	74) Могучево 1 дв. (см. Ревизию)	63) Балавина 1 дв.—2 ч. 1 дв. б.—1 ч, (см. Ревизию и Лихачева)
78	Ошукова	18) Ошукова 2 дв.	73) Ошуково 2 дв. (см. Лихачева и кол. обеж)	64) Селифонтьевская на Каш озере на Путке речке 3 дв.—5 ч. 1 дв. б.—1 ч.
79	Павликова	16) Павликова 7 дв.	72) Павликово 7 дв. (см. Лихачева и кол. обеж)	65) на Каш озере Павлика Нестерова 4 дв.—7 ч.
80	Нестерова	12) Нестерова 3 дв.	68) Нестерово 3 дв. (см Лихачева и кол. обеж)	66) на Каш озере Илюшки Нестерова 4 дв.—7 ч. 1 дв. б.—1 ч.
81	Деяновщина	14) Деяновская 2 дв.	70) Деяновщина 1 дв. (см. Лыкова и Лихачева и кол. обеж)	67) что б. пустошь Деяновщика Васюковская Трофимовская тож на Каш озере 1 дв.—1 ч. 1 дв. б.—1 ч.

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
68) Белавина 4 дв.—4 ч.	92) Белавина, а на Жаб губе тоже 2 дв. кр.	123) Белавина 1 дв.—2 ч. дв. пуст. (см. Лихачева)	109) на нивищах Кажак губа 2 дв.—2 ч. (дв. Харитонко Яковлев Беляев)	109) на нивишах Кажак губа 1 дв.—2 ч.
69) Селифонтьевская на Каш озере на Путке речке 4 дв. кр.—10 ч.	94) Селифонтовская на Каш озерке на Путке речке 3 дв. кр.	125) Селифонтовская на Каш озерке на Путке речке 1 дв.—1 ч. 1 дв. б.—1 ч. 1 дв. пуст. см. Сабурова	111) на Каш—озерки на Путке реки (дв. Оксентейко Васильев Ошук) 2 дв.—2 ч. обжа	111) на Фаш озерке на Путке речке (дв. Селифоник да Дениска) 1 дв.—2 ч. обжа
70) на Каш озере Павелка Нестерова 1 дв.—7 ч. 1 дв. б.—1 ч.	96) на Каше же озерке Павелка Нестерова, а Гридина тож. 3 дв. кр.—1 дв. б.	127) на Каш озерке Павелка Нестерова 3 дв.—3 ч. (дв. Ляпун Нестеров, дв. Гришка Нестеров)	113) на Каш же озерки (дв. Павелко Нестеров) 2 дв.—3 ч. Пол—2 обжи	113) на Хаш озерке пол—2 обжи 1 дв.—4 ч.
71) на Каш озере Яишки Нестерова 6 дв.—15 ч.	102) на Каше ж озерке Клиши на Старова, а в ней двор монаст. коров. 3 дв. монаст.	133) на Каш же озерке Клиши Нестерова 5 дв.—5 ч. 1 дв. пуст (дв. Климентийко Нестеров)	114) на Каш же озерки (дв. Клишь Нестеров да Мишук Лукин) 2 дв.—4 ч. пол—2 обжи	114) на Хаш озерке 1 дв.—2 ч. пол—2 обжи
126) Пустошь, что б. д. Деяновщина Васюковская Трофимовская тоже на Каш озере	86) Пустошь, что б. дер. Деяновская Васюковская Трофимовская тож на Каше озере (см. Лихачева)	117) Пустошь, что б. дер. на Хаш-же озерке	82) на Хаш же озерке 2 дв.—4 ч. (дв. **Трофимко** Исаков да Сергийко **Иванов**, дв. **Васюк** Трифонов кривой да Иванко Лукин кривой же) 2 обжи.	84) на Хаш озерке 1 дв.—3 ч. (дв. Левонко да **Ивашко** да Иевик) 2 обжи.

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
82	Харина	15) Харина 3 дв.	71) Харино 4 дв. (см. Лихачева Плещеева и кол. обеж.)	68) на Каш озере Ивановская Харина 7 дв.—12 ч. 1 дв. б.—1 ч.
83	Кузнецова	13) Кузнецова на Хаше озере 5 дв.	69) Кузнецова 5 дв. (по порядку записей)	
84	Усть верхняя Путка	17) на устье Путки реке (2 дв.)	59) Путкой 1 дв.	69) на Путке речке 5 дв.—8 ч. 3 дв. б.—3 ч.
85	Драницына	7) на Ажеб наволоке Драницы(н)ская —3 дв.		70) на бору на малом озерке 6 дв.—10 ч. (см. Лыкова и Лихачева)
86	Тугаринова	6) на Ажеб наволоке Тагаринова 4 дв.	62) Важог наволок (Порядок записи и указание на колич. верст) (см. Ревизию)	71) на малом озерке Степанка Гаврилова 4 дв.—6 ч. 2 дв. б.—2 ч. (см. Лихачева Плещеева и Лыкова)

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
72) на Кав озере Ивановская Харина 9 дв.—11 ч. 1 дв. б.—1 ч.	85) на Каше озере Ивашки Харина 7 дв. кр. 1 дв. б.	116) на Хаше озере 2 дв.—2 ч. 3 дв. пусты (дв. Иванко Харин)	81) на Каш озерке 2 дв.—3 ч. пол—2 обжи (дв. Харка Каменов кузнец)	83) на Хаш озери 2 дв.—2 ч. пол—2 обжа
125) Пустошь что была дер. на Каш же озере Лукинская Павелка Гридина	95) Пустошь, что б. д. на Каш озерки Павалюка Гридина	125) Пустошь что была д. на Каш же озерке Павелка Гридина	112) на Каш озерки (дв. Павелко **Гридин**, дв. Олекса **Лукин**) 2 дв.—2 ч. обжа	112) на Хаш озерке (дв. Труфаник да **зять** его **Лучка**) 2 дв.—3 ч. обжа
73) на Путке на речке 7 дв.—9. ч. 1 дв. б.— 1 ч.	87) на Путке речке, а Пердуновская тоже 5 дв. кр.— 1 дв. б. 2 дв. вд.	118) на Путке речке 3 дв.—3 ч. 1 дв. пуст.	89) на Путке речке 2 дв.—2 ч.	90) на Путке речке 1 дв.—2 ч.
74) на Бору на Малом озерке 7 дв.—13 ч. 3 дв. б.— 3 ч. (см. Лихачева и Лыкова)	99) на бору на малом озерке на Жаб наволоке Козлокова Драницына тож. 5 дв. кр. 2 дв. б.	130) на Бору на Малом озерке 3 дв.—3 ч. (дв. Ларя **Васильев**)	118) на бору на малом озерки 2 дв.—2 ч. (дв. Ларивонко **Васильев Драницын**)	118) на бору на Малом озерке 1 дв.—2 ч. (дв. **Васюк** Степанов)
75) на малом же озерке Степанка Варилова 8 дв.—13 ч. 1 дв. б.—1 ч.	100) на том же озерке Степанка Варилова, а Тугаринова тоже на Жаб наволоке 4 дв. кр.— 2 дв. б.	131) на малом же озерке Степанка Варинова 3 дв.—3 ч. (дв. Иванко **Степанов**, дв. Олеша Драницын)	119) на малом же озерке (дв. **Степанко** Васильев **Тугаринов**, дв. Трушко **Савин**) 2 дв.—2 ч.	119) на малом же озерке (дв. Микифорик Степанов да сын его **Савка**) 1 дв.—2 ч.

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
87	Поташева	8) Поташева 1 дв.	60) Патовщина (Порядок записи, звучание и указание на версты)	72) На Жаб наволоке Кожинская 2 дв.—3 ч. 1 дв. б.—1 ч.
		(При Лихачеве и Плещееве жил Потапка Овдокимов)		
88				
89	Пуданцов бор	27) Пуданцов бор при Онеге озере 6 дв.	73) Боры 6 дв. (см. Ревизию)	73) на Путке на бору у Онега озера 8 дв.—13 ч. (см. Лихачева и Лыкова)
90				
91	Бор	—	—	—

Продолжение

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
76) на Жаб наволоке Кожинская 1 дв.—2 ч.	97) на Жаб наволоке Кожинская на Жаб губе Макаровщина тож. 1 дв. кр. место дворов	128) на Жаб наволоке Кожинская 1 дв.—1 ч. 1 дв. пуст (дв. **Потапко** Овдокимов)	116) на Жаб наволоке Кожинская 1 дв.—3 ч. (дв. **Поташка** Овдокимов)	116) на Жаб наволоке 1 дв.—2 ч. (дв. Макарик да Ларионик Кожины)
127) Пустошь, что был поч. стар. на Жаб наволоке	98) Пустошь, что б. поч. старой на Жаб наволоке Федковский Кожина	129) Пустошь что был поч. старой на Жаб наволоке Федковский Кожина	117) Поч. старый на Жаб наволоке (двор пуст)	117) Поч. на Жаб. наволоке поставлен после писма (дв. Федка Кожин) 1 дв.—1 ч.
77) на Путке на бору у Онега озера 9 дв.—12 ч. 4 дв. б.— 4ч.	89) на Путке на бору, а Пунанцов бор тоже 9 дв. кр. 1 дв. б.	120) на Путке на бору 2 дв.—2 ч. 1 дв. пуст	93) на Путке на бору 2 дв.—2 ч. (Мартюшка Иванов Пунановцов) 2 обжи	96) на Путке ж на бору 1 дв.—3 ч. 2 обжи
136) Пустошь на бору Гриши Семенова	101) Пустошь, что б. дер. на бору Гриши Семенова, а Кюлмячев бор тоже	132) на бору Гриши Семенова 1 дв.—1 ч. (дв. Гриши Семенова)	115) на бору 2 дв.—4 ч. (дв. Гриши Семенов и др.)	115) на бору 1 дв.—3 ч. пол—2 обжи
—	215 об. 4) на бору на Путке речке Ларионково да Фетково посиденье дв. монаст.	1117—3) на бору на Путке озере Ларионково посиденье Дв. старец Вавило	—	95) на бору на Путке ж 1 дв.—2 ч.

№ п/п	Карта генеральн межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
92	Андреевская	43) Андреевская 3 дв. См. Лыкова	23) Буреевская 2 дв. (порядок записи и звучание Пов. описка)	74) в Хамове губе Кондратка Григорьева 3 дв.—4 ч. 1 дв. б.—2 ч. см. Лыкова
93	Спировщина	44) Спировская 5 дв.	24) Спировщина 3 дв.	75) на Хомове ж губе Васюка Федюева Юхново Спирково на Путко ж озере 2 дв.— 3 ч. 2 дв. б.— 4 ч. (см. Сабурова, Лихачева, Плещеева и др.)
94	Онежская часовенская	42) Онежанская у часовни 5 дв.	22) Онежские 8 дв.	76) в той же губе в Онеженех 8 дв.—16 ч. 2 дв. б.—2 ч.
95	Тучкова (см. списки нас. мест. № 496)	41) Тучкова 3 дв. (порядок записи и см. списки нас. мест. № 496)	—	77) в Онеженях на Путко озере на Сухом озере 4 дв.—8 ч. 4 дв. б.—4 ч.
96	Коровникова	39) Коровникова 6 дв.	21) Коровникова 8 дв.	78) в Паницах Коробейникова 2 дв.—4 ч. 2 дв. б.—3 ч. (порядок записи и звучание. Пов. ошибка)

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
78) в Хаймове губе Кондратка Григорьева 3 дв.—5 ч.	117) в Хоймогубе Кондратка Григорьева **Ондреевщина** тоже 2 дв. кр. 1 дв. боб. вд.	148) в Хоймогубе Кондратка Григорьева, а в ней пят дворов пустых	133) в Хоймове губе (дв. Кондратка Григорьев) 2 дв.—2 ч. пол—2 обжи	143) в Хоймове губе 1 дв.—3 ч. пол—2 обжи
79) на Хоймове ж губе Васюка Федосеева Юхново Спирково на Путке озере 3 дв.—4 ч. 1 дв. б.—2 ч.	118) на Хо(й)мож губе Васюка Фадеева Юхнова Спиркова на Путке озере 2 дв. кр. 1 дв. б.	149) Пуст. на Хоймо ж губе Васюка Фадеева Юсхнова Спиркова на Путко озере, а в ней жил Харя Спиров	134) на Хоймове ж губе (дв. Васюк Фадеев, да Якимка Федоров) 2 дв.—2 ч. 2 трети обжи	147) на Хоймове ж губе (дв. Климко да Спирка) 1 дв.—2 ч. 2 трети обжи
80) в той же губе в в Онеженех 10 дв.—11 ч. 4 дв. б.—4 ч.	19) в той же губе в Онежанех. 5 дв. кр. 1 дв. б. неп. 3 дв. боб.	35) в той же губе в Онежанах 6 дв.—6 ч.	10) в той же губе Онежане 3 дв.—4 ч.	10) в той же губе Онежане 1 дв.—6 ч.
81) в Онежанях на Путко озере на Сухом озере 8 дв.—11 ч. 2 дв. б.—2 ч.	20) в Онежанех на Путко озере над Сухим озерком 5 дв. кр. 1 дв. б. неп.	36) в Онежанех на Путко озере 3 дв.—3 ч.	11) в Онежанех же на Путко озери. 2 дв.—3 ч.	11) в Онежанех на Путко озере 1 дв.—3 ч.
82) в Паницах Коробейникова 5 дв.—16 ч.	21) в Паницах Коровникова Лопакова тож 3 дв. кр. 1 дв. б. неп.	37) в Паницах Коровникова 2 дв.—2 ч. 3 дв.—пусты (дв. Истомка Федоров)	85) в Паницах Коровниково (дв. Фетко Федоров Коровников) 3 дв.—4 ч. пол—2 обжи	88) в Паницах же 1 дв.—3 ч. пол—2 обжи

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
97	Коровникова малая	40) Меншая Коровникова 3 дв.	—	79) в Паницах же Хледунова 4 дв.—7 ч. 2 дв. б.—3 ч. (порядок записи)
98	Филина гора	31) на Фоминой горы 3 дв.	18) Фомина гора	80) в Навани-цах а в Пани-цах тожь на Фомине горе 5 дв.—9 ч. 2 дв.—3 ч.
99	Подгорская	32. Подгорская 3 дв.	19. Подгорская 3 дв. (по порядку записи)	81) Тайниская Туроносова 3 дв.—5 ч. 2 дв. б.—1 ч.
100	Береска	33. Береская 3 дв.	20) Береская 2 дв. (по порядку записи и указание на распол. на берегу)	82) в Паницах же на берегу Федки Лаврентьева 3 дв.—5 ч. 2 д. б.—2 ч. (указание расположения—на берегу)
101	Ионина гора	30) на Ионииной горы 4 дв.	17) Ионино 4 дв.	83) в Паницах на Кирсине горе 4 дв.—8 ч. 1 дв. б.—1 ч.

Продолжение

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
83) в Паницах же Хлебунова 8 дв.—16 ч. 4 дв. б.—6 ч.	22) Паницах же 5 дв. кр. 1 дв. б. неп.	38) в Паницах же 3 дв.—4. (дв. Левка **Онисимов**, дв. Бориско Корнилов и др.)	87) в Паеницах же 2 дв.—3 ч. (**Онисимко** кожевник, дв. Власко да **Корнилко** Матфеевы) пол—2 обжи	86а) в Паницах 1 дв.—3 ч. пол—2 обжи
84) в Паваницах, а в Паницах тоже на Фоминой горе 7 дв.—9 ч. 2 дв. б.—2 ч.	1) в Паницах же на Фоминой горе 5 дв.—5 ч. 1 дв. б.—1 ч.	12) в Пайваницах же на Фоминой горе 3 дв.—3 ч. 3 дв.—пусты	88) в Паеницах же словет Фомина гора 2 дв.—4 ч.	89) в Паяницах же (дв. Онашко да Фомка) 1 дв.—3 ч.
85) Такинская Туроносова 4 дв.—6 ч. 1 дв. б.—1 ч.	2) Такинская Туроносова 4 дв.—4 ч. 1 дв. б.—1 ч.	13) Таквинская Туроносова 3 дв.—2 ч. 3 дв.—пустоты (Левка корелянин)	12) Таинская словет Туроносова (дв. Сенка Яковлев Туронос) 2 дв.—4 ч.	12) Таинское 1 дв.—3 ч.
86) в Паницах же на берегу Федки Лаврентьева 5 дв.—9 ч. 2 дв. б.—2 ч.	3) в Паницах же на берегу Фетки Лаврентьева, а Туроносовская тож 4 дв.—4 ч. 1 дв. б.—1 ч.	14) в Паницах же на берегу Федка Лаврентьева 3 дв.—3 ч. 2 дв.—пусты	8) в Паницах на берегу (дв. Олферко Лаврентьев) 2 дв.—5 ч. 2 обжи	8) в Пайницах на берегу 1 дв.—3 ч. 2 обжи
87) в Паницах же на берегу на Кирсине горе 7 дв. 11 ч. 3 дв. б.—3 ч.	15) в Паницах же Киркина гора **Ионина** гора тож. 5 дв.—5 ч. 2 дв. б.—2 ч.	15) в Паницах же Киркина гора (дв. Куземка Ионин да сын его Гришка) 3 дв.—4 ч. 3 дв.—пусты	86) в Паеницах же Керкина на горы (дв. Кузма да Давытка Ивонины) 3 дв.—4 ч.	87) в Паницах же (дв. Гаврилко Киркини др.) 1 дв.—3 ч.

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
102	Перхина	38) Перлина 3 дв.	16) Перхино 3 дв.	84) Ходиринское, а Перхино тоже у речки у Путки 6 дв.—10 ч. 1 дв. б.—1 ч.
103	Антова	29) Антонова на Путке реке 2 дв.	15) Антонова 2 дв.	85) на Путке же Онтуфевская 2 дв.—5 ч. (по сходству звучания и порядок записи)
104	Ботова	28) Батова 4 дв.	13) Батова 5 дв.	86) Стогуево Ватуево тож на Путко озере 5 дв.—10 ч. 1 дв. б.—1 ч.
105	Усть речки Путка	—	14) Пудка 1 дв.	—
106	Сайпелда	34) Сапелда 1 дв	26) Сапелда 1 дв.	87) в Сялыпелды 3 дв.—6 ч.

Панин 1628 г.	Лыков 1623 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
88) Ходкринская а Перхино тоже у речки у Путки 6 дв.—12 ч. 1 дв. б.—3 ч.	5) Ходирилское Перхино у речки у Путки 5 дв.—5 ч. 1 дв. б.—1 ч.	16) Ходирилское Перхино у речки у Путки 4 дв.—4 ч. 6 дв. пустых.	16) Ходирилское словет Перхино (3 дв.—5 ч.)	15) Ходрилское 2 дв.—4 ч.
89) на Путке ж Олтуфевская 3 дв.—5 ч. 1 дв. б.—1 ч.	6) Онтуфева на Путке речке 2 дв. кр.	17) Онтуева на Путке пуста 2 дв. пусты	9) на берегу на Путке словет Онтуево 2 дв.—3 ч. (дв. Харло да Степанко **Онтуевы**) 2 трети обжи	9) на берегу на Путке 1 дв.—2 ч. 2 трети обжи
91) Стогова Батуева на Путке озере 6 дв.—10 ч. 1 дв. б.—1 ч.	8) Стогова Батуева на Путко озере 6 дв. кр. 1 дв. б. неп.	19) Стогова Батоева на Путко озери 6 дв.—6 ч.	14) Стогово словет Батоево 3 дв.—6 ч.	14) Стогова 1 дв.—3 ч.
90) на Нивицах в Паиицах Ларионовская на усть Путки речка 4 дв.—5 ч.	7) Наницы Ларионка Путкина на усть Путки речки 3 дв. кр.	18) Пайницы Ларионка Путкина на усть Путки речки 2 дв.—2 ч.	13) на Иницы словет на усть Путке (дв. Ларюк Пудин) 1 дв.—1 ч. обжа	13) Кайбинцы 1 дв.—3 ч. обжа
92) в Савыпелды 4 дв.—8 ч. 1 дв. б.—1 ч.	10) в Савыпелды 4 дв. кр.	22) что была поч. в Савыпелды 3 дв.—3 ч.	100) Поч. Савыпелды на берегу 1 дв.—2 ч.	

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
107	Шаболина	35) Шабалина 3 дв.	37) Шобелная 4 дв. (по порядку записей)	88) Василевская Никонова на Путко озере 2 дв.—4 ч. 3 дв. б.—3 ч.
108	Щепина	36) Щепина 2 дв.	28) Шепина 3 дв. (по порядку записей)	89) на Путко в Заозере 4 дв.—6 ч. 2 дв. б.—3 ч.
109	Керзянска	—	—	90) Кирзина на Путко озере 4 дв.—7 ч.
110	Патрова	1) Патрова на Фоймогубе 4 дв.	1) Патрово 5 дв.	19) в Хоймогубе Овдокимовская Патрова тож 6 дв.—10 ч. 2 дв.—2 ч.
111	Митинахолмская	2) Митина 4 дв.	3) Митина 1 дв.	92) на Хоймовове ж (губе) Михалка Артемова Овдокимовская Микитина тож 5 дв. —9 ч. 3 дв. б.—5 ч.

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
93) Василевская Никонова на Путкоозере 4 дв.—10 ч. 2 места двор	14) Василевская Никонова 4 дв. кр. 1 дв. пуст.	26) Василевская Никонова (дв. Мартынко Никонов и др.) 6 дв.—6 ч.	15) Кузнецово 2 дв.—3 ч. (по порядку записи)	16) Кузнецово 2 дв.—3 ч.
94) на Путко в Заозере 10 дв.—18 ч. 1 дв. б.—1 ч.	15) на Путке ж в Заречье 7 дв. кр. 1 дв. б.	27) на Путке ж в Заречьи 3 дв.—3 ч.	90) на Путке ж в Заречье 2 дв.—3 ч. обжа с третью	91) на Путке же 1 дв.—3 ч. обжа с третью
Кирзина (отдана Вяж. м-рю)	219—3) на Хоймо губе Кярзина 4 дв. кр. 2 дв.б.	33) на Хоймо губе Кярзина 5 дв.—5 ч. (дв. Степанко Кярзин)	4) на Хоймове губе словет Кярзино (дв. Кипр Иванов Кярзин) и дв. Микитка Родивонов да Микитка **Левонтьев**) 2 дв.—4 ч.	4) на Хоймове ж губе (дв. Михейко да сын его **Левонко**) 1 дв.—3 ч.
95) в Хоймове губе Овдокимовская Патрова тож выставка (9 дв.—11 ч. 2 дв. б.— 2 ч.)	218 об.—1) в Тойме губе Овдокимовская Патрова то ж (за Вяж. м-рем) 4 дв. кр. 1 дв. б.	31) в той же Тойме губе Овдокимовская (дв. Ивашка Патракеев) 4 дв.—4 ч.	6) в той же губе словет Овдокимова (дв. Манулка да Иванко Патракеевы, дв. Иванко Овдокимов) 2 дв.—4 ч.	6) в той же губе (дв. Овдокимко и дв.) 1 дв.—4 ч.
96) на Хоймове ж губе Михалка Ортемьева Овдокимовская Микитина тож 5 дв.—11 ч.	219 об. 5) на Хойме же губе Михалки Ортемьева 6 дв. кр. 3 дв. б. за Вяж. м-рем	150) на Хойможе губе Михалка Ортемова (дв. Митка Леонтьев) 1 дв.—1 ч. 4 дв. пусты	135) на Хоймове ж губе (дв. Михалка Ортемов) 2 дв.—3 ч. обжа	145) на Хоймове губе 1 дв.—1 ч. обжа

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
112	Харлово	3) Харлова над губою Путко озера 7 дв.	4) Харлово 6 дв.	93) в той же Хоймове губе Лопаково Харлово тож 6 дв.—11 ч. 2 дв. б.—2 ч.
113	Афониногубская выставка (фойгубская выставка, звучание)	—	—	94/1. Выставка церковь и дер. Исаевская Федоровская тож. 5 дв.—10 ч. 3 дв. б.—3 ч. (по порядку записей)
114	Куб губа	117) на Куз губе, а Ван губа тож 1 дв.	53) Кум губа 2 дв.	95/1 на Он губе в Кан губа тожь 2 дв.—2 ч.
115		—	—	96/2 Макаровщина на Вам губе 1 дв.—1 ч.
116	Цылополе	116/10 Цылополе обозеро 3 дв.	55) Цыливоле 4 дв.	97/3 Целополе Савки Темофеева кузнеца 3 дв —6 ч. 2 дв. б.—2 ч.

Продолжение

	Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
	97) в той же Хоймове губе Лопакова Харлова тож. 6 дв.—11 ч. 2 дв. б.	219 об. 6) в той же на Хойме губе Лопаково тож 6 дв. кр. 2 дв. б.	152) в той же на Хоймове губе 2 дв.—2 ч. 6 дв. пуст.	136) в той же губе (дв. Якимко Яковлев Лопаков) 2 дв.—2 ч. обжа с третью	146) в той же губе (дв. Ивашка Харибутов и др. 1 дв.—3 ч. обжа с третью
	98) Исаевская Федоровская тож. 6 дв.—8 ч. 2 дв. б.— 2 ч.	219—4) Исаевская в той же губе словет Федорова 4 дв. кр. 1 дв. боб. (за Вяж. м-рем)	34) Исаевская словет Федорова 5 дв.—6 ч.	7) в той же губе Исаевская словет Федорова 2 дв.—3 ч.	7) в той же губе Исаевское 1 дв.—2 ч.
	99) на Ои губе, а Кан губа тоже 2 дв.—3 ч. 2 дв. б.— 2 ч.	—	46) что была поч. старой иа Вин губе 2 дв.—2 ч. (в порядке записи и звуч.)	21) поч. старой иа Куч.-губе 1 дв.—2 ч.	21) Поч. на Куч-губе, села после писма 1 дв.—1 ч.
	100) Макаровщина на Вам губе 2 дв.—4 ч.	—	40) Макаровщина на озере на Валгуме 2 дв.—2 ч. 1 дв.—пуст	—	—
	101) Целополе Савки Тимофеева кузнеца 5 дв.—8 ч.	—	48) Целополе Савки Тимофеева кузнеца 2 дв.—2 ч. (дв. Иванко **Панфильев**)	18) Целополе (дв. Савка Тимофеев кузнец да брат его Панфилко) 1 дв.—2 ч.	18) Цилополе (дв. Тимошка) 1 дв.—1 ч.

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
117	Кресная гора	115/9, на Кресной горке в Шунском погосте 2 дв.	54) Кресная гора 2 дв.	98/4 Красная гора 3 дв.—6 ч. 1 д. б.—1 ч.
118				
119				
120	Село Борково	—	—	99/1 дер. Борково Павлов, наволок тож, а в нем двор монастыр.
121				100/2. Дер. на Путке речке Филипковых посиденье, да Васюкова Ивановых детей Конкова Дв. монаст.

Продолжение

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
102) Красная гора 3 дв.—5 ч. 1 дв. б.— 1 ч.	—	47) Крестьная гора 3 дв.—3 ч.	19) на Кресной горе 2 дв.—2 ч.	19) на Крестгоре 1 дв.—2 ч.
103) Пустошь, что была дер. Нивища Батыева	—	20) Пуст., что б. дер. на нивище у Батуева поля	99) Поч. на нивище у Батоева поля. 1 дв.—1 ч.	—
104) Пуст., что б. дер. в Павлове наволоке	—	154) Пуст., что была дер. на Павлове наволоке	131) на Павлове наволоке (2 дв. пусты)	141) на Палуе (дв. 2 дв.—3 ч.)
—	214—2) Дер. пуста Боркова Павлов наволок тоже на Онежской губе на святухе. Дв. монаст.	156) на Павлове наволоке дв. старец палеостр. м-ря да в друг. дв. слуга напалев.	132) на Павлове же наволоке (дв. стар. палеостр. м-ря да слуга монаст.)	142) на Павлове 1 дв.—2 ч.
—	215/3) на Путке речке Филипковых посидень да Васюковых Ивановых детей Кочкова Дв. монаст.	1117—2) Дер. на Путко реке Филипковых посиденье дв. старец Никола	на Путке речке Филипковых посиденьем да Васюковых детей, а ныне двор пуст.	94) На Путке речке (дв. Филипко да Васко Ивашковы дети) 1 дв.—2 ч.

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
122				101/2 а—против Поля острова через Салму на речном острову—двор монаст.
123				102/3—дер., что была пуст. на Паш острову, а в ней дв. монаст.
124				103/1 Бураковская против погосту Цечелинская Иларионовская тож. 1 дв.—1 ч. 1 дв. б.—1 ч. Больш. дв. Лукинский
125	Ютева гора	100) Ютева горка у Путкоозеро 1 дв.	105) Гутева гора 1 дв.	104/2—Ютеева горка на Путкозере 2 дв.—4 ч. 1 дв. б.—1 ч
126	—	—	—	105/3, что была пустошь Ведерниковщина 1 дв.—2 ч.

Продолжение

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
—	—	1116. против Паля—острова через Салму на речном острову двор коровниц. а жив. в нем коровн.	Против Паля острова через Салму на речном острову на Пале же поставл. двор коровницкой.	—
—	214—1. Пуст., что б. деревн. попа ж на острове	1116—1) Дер. попа ж на острове (дв. Борисько прихожей да 2 дв. пусты) 1 дв.—1 ч.	149) на Паж острове 1 дв.—1 ч.	148) на Хаш острове 1 дв.—1 ч.
1) Бураковская против погоста Цечелинская Иларивоновская тож. 3 дв.—4 (см. Сабурова, Лихачева)	2) Бораковская против погоста Филипповщина тож. 1 дв. кр. 1 дв. боб. неп. 1 дв. пуст.	2) Бораковская против погоста 1 дв.—1 ч. 1 дв. пуст.	142) на Холопье же стороне у Болшого двора (дв. Лашук Иванов Чечюлин да Иванко Родивонов Олехов) 1 дв.—2 ч.	124) на Холопье же стороне у Большого двора (дв. Андройко Олешков) 1 дв.—1 ч.
2) Юхтеева горка на Путко озере 3 дв.—5 ч.	4) что была пуст Ютеева гора 1 дв. кр. 2 дв. пусты.	4) Пуст. Ютеева горка	148) противуж погоста (дв. Тимошка Григорьев Гютюев) 2 дв.—2 ч. обжа	129) противуж погоста 1 дв.—2 ч. обжа
3) что была пуст. Ведерниковщина 1 дв.—2 ч.	210 об. 5) пуст. Ведерниковщина	5) пуст. что была дер. Ведерниковщина	143) на Холопье же стороне от Болшого двора (дв. Труфанко Игнатьев Ведерников) 1 дв.—1 ч. обжа	125) на Холопье же стороне у Большого двора 1 дв.—3 ч. обжа

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
127	Ольховщина	102) что была пустошь Олеховщина о Путкоозеро 1 дв.	107) Валеховсино 1 дв.	106/4—что была пустошь Олоховщина на Путко озере 1 дв.—1 ч. (см. Лихачева)
128	Загорье	101) Дурневская Загорье об озерко малое 1 дв.	106) Дыловсина (пост. по звучанию «Будиловщина») и по порядку записи 1 дв.	107/5) Дубневская Загоре Будилово тож. 1 дв.—1 ч. 1 дв. б.—1 ч.
129	Акатовщина	103) Окатовщына о тож озеро 1 дв.	108) Васкатовщина 1 дв. (звучание и порядок записи)	108/6) Окатовщина, а кузнецовская тожь. 1 дв.—1 ч. 1 дв. б.—1 ч.
130	Зехнова губа	104) (Бочковщина) искл. по порядку записи	—	109/7 Зехновщина. 1 дв.—2 ч. 1 дв. б.—1 ч.

Продолжение

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
4) что была пустошь Олеховщина на Путко озере 2 дв.—2 ч.	3) Плеховщина на Путко озере 1 дв. кр.	6) Олеховщина на Путко озере. 1 дв.—1 ч. 2 дв. пусты	139) на Холопье же стороны у Болшого двора (дв. Дорошко Яковл. Кривой да Олиско Ондреев **Олехов**) 1 дв.—2 ч. 2 трети обжи.	122) На Холопьей стороне у большого двора 1 дв.—2 ч. 2 трети обжи
5) Дубневская а Загорье Будилово тожь. А по скаскам крестьян... та деревня Дубневская Загорье Будилово а Билдишина и Бузловская тож одна. 2 дв.—4 ч.	10) Пустошь Билдиншина 7) Бучневская пуста. А в ней два двора пусты	10) Пустошь Билдинюшина 8) Буйневская 1 дв.—1 ч. 1 дв. пуст	138) на Холопье стороне в конце наволока Билдисская (дв. Конанко да Стешко Еремеева) 1 дв.—2 ч. 140) на Холопье стороне (дв. Ворса да Ванта Микулины дети Бучнева) 1 дв.—2 ч.	120) на Холопье стороне в конце наволока (дв. Елемейко Офонасов, дв. Еремейко Вилдин) 2 дв.—2 ч.
6) Окатовщина, а Кузнецовская тожь. 3 дв.—4 ч. 1 дв. б.—1 ч.	8) Окатовщина а в ней два двора пусты (По порядку записи)	8) Пустошь, что была дер. Окатовщина	141) На Холопье же стороне у больш. двора 1 дв.—2 ч. обжа.	123) на Холопьей же стороне у большого двора 1 дв.—1 ч. обжа
7) Зехновщина 2 дв.—2 ч.	9) Пустошь Зехновщина	9) Пуст., что была дер. Зехновщина	—	121) на Холопье же стороне у большого двора (дв. Зеновко) 1 дв.—1 ч.

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
131				110/8) у Малого озерка Доудыловская, а Давыдовская тож. 1 дв.—2 ч. 1 дв. б.—2 ч.
132	Устье (по порядку записей, звучан. и расстоян. в верст. по переп. нас. мест.	1) Лукинская 1 дв.	110) Усадище 1 дв.	111) а Усадище Горюшкино 2 дв.—3 ч.
133	Филипова горка	105) Филипова горка над Путко озером дв.—не указан	109) Филипова гора 1 дв.	112/2) что была пуст. Филипова горка 3 дв.—5 ч.
134				
135				

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
8) у Мала озерка Доудыловская, а Давыдовская тоже 2 дв.—2 ч.	10) у Малого озерка Доудыловская. Пуста А в ней 2 двор пусты	10) у Малого озерка Доудыловская. (дв. Гришка Доудылов) 1 дв.—1 ч. 1 дв. пуст	144) у Малого озерка 1 дв.—1 ч. треть обжи	125) у Малого озерка 1 дв.—1 ч. треть обжи
1) Лукинская усадище Горюшкино 2 дв.—4 ч. 2 дв. б.— 2 ч.	209 об. 1) Усадище, что б. д. Лукинская, а Горюшки тоже 1 дв. кр. 2 дв. б.	1) Лукинская усадище Горюшкина (двор помещиков пуст)	145) Большой двор Лукинской 1 дв.—1 ч.	127) Большой двор Лукинской 1 дв.—2 ч.
2) что была пустошь Филипова горка 4 дв.—5 ч.	6) Филипова Давыдовская тож пуста, а в ней два двора пусты	3) Пуст., что была дер. Филипова	147) противу ж погоста 1 дв.—2 ч. обжа	130) противу же погоста (дв. Палка да его дети **Филипко**, да Ваулка) 1 дв.— 3 ч. обжа
Пустошь Исаковская (пр. Вяжиц. м-рю)	218 об. 2) Пустошь Ивкуева Микулинская Исакова в Хойгубе	32) Пустошь, что б. дер. Ивкуева Микулинская Исакова в Фоймогубе, а в ней жил Микулка Исаков	5) в губе ж словет Инкуева (дв. Микулка **Исаков** да Мелех Микитин) 2 дв.—4 ч.	5) в губе ж (дв. Ивашко да его дети **Исачко** да Якушко) 1 дв.—3 ч.
109) Пустошь, что была дер. Онашкинская	76) Пустошь, что была д. Онашкинская	107) Пуст., что была дер. Онашкинская	27) Поч. стар. на Шунском острову (дв. **Онашка** Карпов) 1 дв.—1 ч. Треть обжи	27) Поч. на Шунском острову села после писма 1 дв.—2 ч. Треть обжи

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
136				
137	Виг наволок	22) на Виге наволоке Пергубы 1 дв.	104) Сигово 1 дв. (поряд. записи, звучание и ук. колич. верст.)	—
138				
139	Шунской наволок	9) Шунской наволок 1 дв.		
140	Торицына (по порядку запис. и расположения)			40) Новинка в Долгом озере Левашовская Кокатовщина тож 3 дв.—5 ч. 1 дв. боб.

Продолжение

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
103) Пуст.; что была дер. на Гирском острову Поршнево тож.	—	58) Пуст., что была дер. на Кокшином острову Паршинская	36) на Кокшинском острову словет Поршневская. 1 дв.—2 ч. 2 обжи.	36) на Куксинском ж острове 3 дв.—3 ч. 2 обжи
133) Пуст., что была дер. на Виж матке (не пахана)	48) Пуст., на Виж матке	69) Пуст., что была дер. на Виж матке	37) на Виж матке 2 дв.—3 ч. Обжа с третью	37) на Виж матке 2 дв.—4 ч. обжа с третью
123) Пуст., что была д. Медвежья голова за мостом	53) Пуст., что б. деревня в Кимтине губе Медвежья голова за мостом	83) в Китине губе Медвежья голова за мостом 2 дв.—2 ч. 1 дв. пуст.	47) в Кефтине губе за мостом Медвежья голова. 1 дв.—2 ч.	47) на Кефтене губе за мостком. (дв. Васка Медвежья голова) 1 дв.—1 ч.
132) Пуст., что б. дер. на Кифте ж наволоке. Накихтина	45) Пустошь на кифтине же наволоке Гридинская Нанихкина	67) Пуст., что б. деревня на Кифтине ж наволоке Гридинская Напихлина	51) На Кифтене ж- наволоке (дв. Гридка Олексеев Нахкина) 1 дв.—1 ч. пол-обжи	50) на Кефтене губе 1 дв.—2 ч. Пол-обжи
44) Новинка в Долгом озере, а Левашовская и Окатовшина тож 3 дв.—3 ч.	79) Пуст., что б. дер. Новинка над Валгом же озером Левошковская	110) Пуст., что б. дер. Новика на Волгом озеро Левошковская	55) Новинка над Волгом же озером 1 дв.—1 ч. пол-обжи (дв. Левонко Павлов)	56) Новинка 1 дв.—1 ч. пол-обжи

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
141				
142				
143				
144				
145				

Продолжение

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
115) Пустошь, что б. дер. Ихновская, а Житковская тож.	80) Пустошь. что б. дер. Юхновская	111) Пуст., что была дер. Юхновская	59)—на Самбине словет Жытковщина 1 дв.—1 ч.	60) на Самбине 1 дв.—2 ч.
130) Пуст. Ефимковщина на Конкове на Коневе горе тож. на Куне наволоке	84) Пустошь Ефимковщина на Кочакове горе на картах	41) Пустошь Ефимковщина на Кочакове горе не помещена	—	—
116) Пуст., что была д. Сипуева Бурмишкина тож.	66) Пуст. Сипуева Булминская	96) Пуст., что б. дер. Сипуева Булминская	65) Сипуево словет Булминская. 2 дв.—3 ч.	66) Сипуево 1 дв.—2 ч.
117) Пуст. Усовская у мосту (пашут Остафьевские кр.)	—	—	71) Заполье словет Усовская у мосту 1 дв.—1 ч.	73) Заполье села после писма (дв. Ивашко Ус) 1 дв.—1 ч.
108) Пуст. Рудная (пашут кр. д. Идоны)	70) Пуст. Рудная	100) Пуст., что б. дер. Рудное	72) Рудное 1 дв.—1 ч.	74) Рудье 1 дв.—1 ч.

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
146	Сосновой наволок			
147		21) За Онегом Кумсогубская 1 дв.	103) Кумсино 1 дв.	—
148	Телпозеро	49) на Телпозере 4 дв.	39) Терпозеро 4 дв. (по месту расположения)	38) на перевозе Никоновская 5 дв.—10 ч. 1 дв. б.—1 ч.
149				
150	Звяговщина	89) Звяговщина 1 дв.	34) Звяговщина 1 дв.	—

Продолжение

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
124) Пуст., что б. дер. на Коцыне же губе Федки Патракеева	44) Пуст., что б. дер. Фетка Патракеева на Кицитине же губе	66) Федотка Патракеева на Кецьтине же губе 2 дв. пусты (по расположению)	96) на усть Кехтениц Сенкинская Корелянинова. Двор. пуст.	99) на усть Кехтениц (дв. Сенка Корелянин) 1 дв.—1 ч.
134) Пуст., что была дер. на Онежском озере в Кум губе (не пахана)	90) Пустошь, что была дер. на Онежском озере в Кумсе губе	121) Пуст., что б. дер. на Онежском озере в Кумсе губе	98) на Онежском озери в Кумсе губе двор пуст.	101) на Онежском озере в Куте губе. 1 дв.—2 ч.
31) на перевозе Никоновская 6 дв.—8 ч. 1 дв. б.— 1 ч.	113) на перевозе Никоновская Шесниковская тоже 3 дв. кр. 2 дв. б. неп.	145) На Терп озере Шестниковская 3 дв.—3 ч. 4 дв. пусты	124) на терп озери Шестниковская. 3 дв.—6 ч.	135) на Тепозерке 2 дв.—4 ч. (Васко Шестник да его дети...)
112) Пуст., что б. поч. старой на Терпеозере	114) Пуст., что б. поч. старой на Терпозерке	45) Пустошь, что б. поч. старой на Терпе озерке	125) Поч. старой на Терпозерки 1 дв.—2 ч.	136) Поч. на Теп же озерке пост. после писма 1 дв.—1 ч.
129) Пуст., что б. дер. Иванка Звяговщина на Путко озери	116) Пустошь Иванкова Звягина	147) Пустошь, что б. дер. Иванкова Звягина	127) Иваново (дв. Оксентейко Омельянов Звягин) 2 дв.—3 ч.	—

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.	Писемский 1647 г.
151				17. Овчинникова, а Толстикова тож на острову на Шунге 2 дв.—4 ч.
152	Ковшозерская	45) Пековская 1 дв. (по порядку записей и располож.)	25) Пековская 1 дв. (См. Лихачева и Плещеева)	—
153	Поле	47) над Верхном озере Полевская 3 дв.	7) Верхнее озеро 4 дв.	—
154	Холм (по порядку записи и расположения)	—	—	—
155	Щели (По порядку записи и расположения)	—	—	—
156	Великая Нива	111) Великая Нива 5 дв.	9) Великая Нива 5 дв.	

Панин 1628 г.	Лыков 1620 г.	Плещеев 1583 г.	Лихачев 1563 г.	Сабуров 1496 г.
18) Овчинникова, а Толстово тож на острову на Шунге 4 дв. кр.— 4ч. 1 дв. б. 1 ч.	120) на Шюнском острову Очинково Толково тоже 3 дв. кр.	153) на Шунском острову. 1 дв.—2 ч. 2 дв. пусты	128) на Шунском острову (дв. Ефемко Гридин Толкуев) 2 дв.—4 ч. обжа	138) на Шунском острову 1 дв.—2 ч. обжа
128) Пустошь, что б. дер. на Хоймове губе Ушака Пекуева	119) что была пустошь пуста на Хоймо губе Ушака Пекуева. А в ней двор пуст.	151) Пустошь, что б. дер. на Хоймове ж губе Ушака Пекуева	137) на Хоймове ж губе. (дв. Ушаш Пекуев да Симанко Карпов) 1 дв.—2 ч. 2 трети обжи	144) на Хоймове губе 1 дв.—2 ч. 2 трети обжи.
137) Пустошь на Верхнем озере Малафеевская	11) Пустошь на Верхнем озере Малафеевская.	23) Пустошь на Верхнем озере Малафеевская	1) на Верхнем озере 3 дв. пусты	1) на Верхнем озере (дв. Фофанко Кокшин да его дети Ивашко да **Малафейко**) 1 дв.—3 ч.
138) Пустошь Дорофеевская (По порядку написания и расположения)	12) Пустошь Дорофеевская	24) Пустошь Дорофеевская	2) На Верхнем же озери Двор пуст	2) на Верхнем озере 1 дв.—1 ч.
139) Пустошь Захаринская (по порядку написания и расположения)	13) Пустошь Харинская	25) Пустошь Харинская	3) на Верхнем озери Двор пуст	3) на Верхнем же озере 1 дв.—2 ч.

№ п/п	Карта генеральн. межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.*	Писемский 1647 г.
157	Кераки	46) Керацкая 2 дв.	6) Керака 2 дв.	
158	—	113) Палтяга 2 дв. (поставлена по карте XIX в.)	8) Палтово 2 дв.	
159	Якорледина	112) Якорлядине под Щелей 1 дв.		
160	Шелти	114) Шилтя о верхнюю реку	5) Шилтя 3 дв.	
161	Сивирновская	110) Сиверная у путка озера 3 дв.	2) Северная 4 дв.	
162	Уская	72) в Уских 2 дв.	67) Уская 2 дв.	
163	Мисаиловщина	71) Мисаиловщина 4 дв.	56) Сайловчина 2 дв.	

* По книгам Шунгского погоста эти поселения не прослеживаются.

Карта генерального межевания	Ревизия 1720 г.	Матюшкин 1718 г.*	Писемский 1647 г.
164 Ют Наволок	37) На Ют наволоке на Кожмо озере 1 дв.	—	—
165 Пергуба	10) В Пергубы у Онега озера 1 дв.	—	—
166 Лопской песок	11) Лопского песка 1 дв.	—	—
167 Глухая	—	79) Глухие 3 дв.	—
168 Пречистенска	—	56) Пречистая 2 дв.	—
169	—	57) Новая Нива 1 дв.	—
170 Баева	75) Баева Наволока 3 дв.	87) Баева Наволоке 2 дв.	—

* По книгам Шунгского погоста эти поселения не прослеживаются.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Введение 6
Глава I. Обзор источников 21
Глава II. Территория и этнический состав населения 41
Глава III. География землевладения 73
Глава IV. Типы заселения 88
Глава V. Типы поселений 98
Глава VI. Формы поселений 143
Глава VII. Типы расселений 159
Список основных источников 185
Приложение I 188
Приложение II 228

Михаил Владимирович Витов

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ЗАОНЕЖЬЯ
XVI—XVII веков

Редактор *Л. П. Буканова* Художник *В. Д. Карандашев*
Технический редактор *М. С. Ермаков*

Сдано в набор 24/IV 1961 г. Подписано к печати 27/IV 1962 г.
Л-42287 Формат $60\times90^1/_{16}$ Печ. л. 18,25+ (вклейки 1,25)
Уч.-изд. л. 17,48. Изд. № 975. Заказ 96. Тираж 700 экз. Цена 1 р. 20 к.

Издательство Московского университета. Москва, Ленинские горы
Типография Издательства МГУ. Москва, Ленинские горы

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

стр.	строка	напечатано	должно быть
70	15 сверху	кеанскими	каенскими
89	18 сверху	2180	около 2180
93	22 сверху	домов в Кевроле,	домов, в Кевроле
104	3 снизу	1646 г.	1496 г.
108	2 снизу	следующих	предыдущих
200	7 снизу	Зубатова	Зубарева
210	8 снизу	Сочиницах	Согиницах

Зак. 96.

Цена 1 р. 20 к.

ИСТОРИКО-ТЕОГРАФИЧЕСКІЯ ОЧЕРКИ ЗАОНЕЖЬЯ